

Вісник

Дніпропетровського
університету

Науковий журнал

№ 11

Том 22

2014

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (голова редакційної ради); старш. наук. співроб., проф. **В. І. Карплюк** (заст. голови); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгальок**; чл.-кор. НАПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед. наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. НАПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**; д-р філос. наук, проф. **О. С. Токовенко**; д-р екон. наук, проф. **Н. І. Дучинська**; д-р філол. наук, проф. **І. С. Попова**; ректор Європейської школи управління проф. **Вятр Ежи Йозеф** (Польща); д-р фіз.-мат. наук, проф. **Ю. Мельников** (США)

Серія: МОВОЗНАВСТВО

Випуск 20 (2)

Дніпропетровськ

Дніпропетровський національний
університет імені Олеся Гончара

*Друкується за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара
(протокол № 6 від 19 грудня 2013 року)*

Р е ц е н з е н т и:

д-р філол. наук, проф. В. І. Ліпіна
д-р філол. наук, проф. Т. В. Філат

Розглянуто актуальні проблеми сучасного мовознавства на широкому матеріалі української, російської та інших слов'янських і західноєвропейських мов. Різномасштабний аналіз мовних явищ та одиниць виконано у синхронії та історичній перспективі.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, які цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы современного языкознания на широком материале украинского, русского и других славянских и западноевропейских языков. Разноаспектный анализ языковых явлений выполнен в синхронии и исторической перспективе.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of contemporary linguistics based on phonetics, grammar and semantics of Ukrainian, Russian and other Slavonic and West European languages are regarded. A multi-sided analysis of language phenomena is performed synchronically and diachronically.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Підготовлено до друку редакційно-видавничим відділом

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я:

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **О. Й. Голованова** (РФ), д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**, д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**, д-р філол. наук, доц. **І. С. Попова**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Приходько**, д-р філол. наук, проф. **Т. В. Сіماشко** (РФ), д-р філол. наук, проф. **Ю. О. Шепель**, д-р гуманіт. наук, проф. **Людмила Шипелевич** (Польща), канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відп. за вип.).

Н. С. Андріанова

Київський національний лінгвістичний університет

КОНЦЕПТУАЛЬНА ДІАДА «СВІЙ – ЧУЖИЙ» ЯК ЖАНРОУТВОРЮВАЛЬНИЙ ПАРАМЕТР ЧАТУ

Виявлено релевантні ознаки концептуальної діади «свій – чужий», здійснено етимологічний і семантичний аналіз її назв, а також інтерпретативний аналіз асоціацій, пов'язаних із нею. Проведено дискурс-аналіз комунікативних стратегій, що забезпечують реалізацію діади в жанрі чату.

Ключові слова: концептуальна діада «свій – чужий», чат, жанроутворювальний параметр.

Андріанова Н. С., Киевский национальный лингвистический университет. **КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДИАДА «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ПАРАМЕТР ЧАТА**

Вывявлены релевантные признаки концептуальной диады «свой – чужой», проведены этимологический и семантический анализ ее названий, а также интерпретативный анализ ассоциаций, связанный с нею. Осуществлен дискурс-анализ коммуникативных стратегий, обеспечивающих реализацию диады в жанре чата.

Ключевые слова: концептуальная диада «свой – чужой», чат, жанрообразующий параметр.

Andrianova N. S., Kyiv National Linguistic University. **CONCEPTUAL DYAD «ONE – STRANGER» AS GENRE CREATIVE CHAT OPTION**

Relevant features of the conceptual dyad «one – stranger» are identified, etymological and semantic analysis of the names of the conceptual dyad «one – a stranger» are made, interpretive analysis of associations connected with the mentioned conceptual dyad, discourse analysis conducted analysis of communication strategies to ensure the implementation of the dyad in genre of chat. Conceptual dyad «one – stranger» – one of the basic conceptual oppositions that are expressed in any language, namely 1) the semantics of lexical units (enemy alien, outsider etc.), 2) the typical combinations where the interaction semantics of the words combined makes some syntagmas regulations in the language (third-party guest, stranger), and others – atypical (alien friend, father, brother), 3) the semantics of the sentence – the relative constancy of semantic emphasis (presence entity perception / evaluation, facility assessment, localization in space «his» or «foreign», the predicate that contains these things move. Conceptual dyad is the base for the formation of chat pragmatics, it defines «a circle» speech community that has rules of the genre, models situation of communication serves a structural parameter of the genre. Dyad mechanism implementing «one – stranger» involves the formation of a concept of how individual visitors and speech community of chat, results from the simulation of different structures of knowledge representation in the genre chat, producing expanding the limits of chat communication – create multilingual chat, implying switching codes indicate the intersection of cognitive spaces carriers language awareness, availability concepts important to organize multilingual chat communication. However, the occupancy of the opposition «one – stranger» in chat communication all compared in different languages, due to the specifics of the national language world. In Slavic world there is a picture of this opposition seen as a semiotic boundary in intercultural communication, as a basis for determining the cognitive counterpart in terms of one vs. stranger, as cognitive- pragmatic condition for the formation of discourses of identity and alienation, as a parameter of the opposition of the country's culture and other cultures and countries. Implementation of the opposition «one – stranger» in the minds of the English and French languages is narrower – separation occurs primarily through the prism of national identity.

Key words: conceptual dyad «one – stranger», genre creative option, chat.

Концептуальна діада «свій – чужий» – одна з базисних опозицій, що мають вираження в будь-якій мові, а саме: 1) у семантиці лексичних одиниць (*ворог, іноземець, сторонній* і т. ін.); 2) типових сполученнях, де взаємодія семантики слів, що поєднуються, робить одні синтагми нормативними в мові (*сторонній гість, чужа людина*), а інші – нетиповими (*чужий друг, батько, брат*); 3) семантиці речення – у відносній сталості значеннєвих акцентів (присутність суб'єкта сприйняття / оцінки, об'єкта оцінки, локалізації в просторі «своєму» або «чужому», предикаті, що включає сему руху. Ця концептуальна діада основна для формування прагматики чату, оскільки визначає «коло своїх» мовленнєвої спільноти, яка має норми організації жанру, моделює ситуацію комунікації, є структурним параметром жанрової організації. Механізм реалізації діади «свій – чужий» передбачає формування концептуальної системи як окремого відвідувача, так і мовленнєвого співтовариства чату. Воно є результатом моделювання різноманітних структур репрезентації знань у жанрі чату, що продукує розширення меж чат-комунікації – створення мультилінгвальних чатів. А це припускає переключення кодів, свідчить про перетинання когнітивних просторів носіїв мовної свідомості, наявність концептів, значущих для організації багатомовної чат-комунікації. Проте наповнюваність опозиції «свій – чужий» у чат-комунікації всіх зіставлюваних мов різна, що зумовлено специфікою національних мовних картин світу. У слов'янській картині світу ця опозиція розглядається як семіотична межа в міжкультурній комунікації; як когнітивна основа визначення співрозмовника в термінах *свій* vs. *чужий*; як когнітивно-прагматична умова формування дискурсів *ідентичності* й *відчуження*; як параметр протиставлення своєї культури й країни іншим культурам і країнам [1]. Реалізація опозиції «свій – чужий» у мовній свідомості носіїв англійської й французької мов більш вузька – розмежування відбувається переважно крізь призму національної ідентичності [2].

Метою написання статті є характеристика когнітивно-прагматичних і лінгвокультурних особливостей спілкування носіїв англійської, французької, російської, української мов у жанрі чату. Поставлена мета передбачає виконання такого **завдання**: встановити спільні закономірності та відмінності у вербалізації концептуальної діади «свій – чужий» у чат-комунікації носіїв англійської, французької, російської та української мов.

У російській і українській мовах, на відміну від французької й англійської, в опозиції «свій – чужий» семи «друг – ворог» не є ключовими. Англійський і французький лексикографічний матеріал демонструє приблизно однакові семантичні трактування розглянутої опозиції. Як антонім до слова *чужий* наведено лексему *друг*, семантика якої розкриває лише один аспект концепту *свій* (*a person who is known well and is fond of; a person on the same side in a struggle; one who is not an enemy or foe*). Водночас лексема *друг* в англійській і французькій мовах має семи, які не входять до поняття *свій* у російській та українській – «близкий партнер» (*intimate associate*), «близке/інтимне знайомство» (*close acquaintance, qui est aimé d'une autre personne ou qui l'aime*), «співчуваючий» (*something thought of as like a friend in being helpful, reliable*), «той, хто доброзичливо висловлюється про когонебудь» (*personne qui a un goût particulièrement prononcé pour quelqu'un ou quelque chose représentant une valeur; Qui a un goût particulièrement prononcé pour quelqu'un ou quelque chose représentant une valeur*). Концептуалізується діада «друг – ворог» у свідомості носіїв англійської і французької мов посередництвом військової термінології: система впізнавання «свій – чужий» визначається як *friend-or-foe identification system* (англ.) – *identification ami ou ennemi (IFF)* (фр.).

У тлумачних словниках англійської й французької мов лексему *чужий* визначено крізь категорію ідентичності – національної (*foreign; alien; (celui, celle) qui n'est pas d'un pays, d'une nation donnée; qui est d'une autre nationalité ou sans nationalité*); географічної (*of another place or locality; not of one's own or a particular locality, environment, or kind; plus largement, qui est d'une communauté géographique différente*). В англійському лексикографічному осмисленні слова *чужий* є ще одна сема, що визначає відхилення від прийнятої ідентичності як відхилення від загальноприйнятої соціальної, моральної та іншої норми, що характеризує стабільність спільноти (*Not previously known; unfamiliar. a. Out of the ordinary; unusual or striking. b. Differing from the normal*). Лексикографічні дані свідчать, що концепт *чужий* близький за семантикою у всіх порівнюваних мовах, тоді як концепт *свій* (один з базових для формування картини світу росіян і українців) в англійській і французькій мовах становить лакуну. Таким чином, опозиція «свій – чужий» фіксує відмінність у світовідчуттях носіїв зіставляваних мов усередині тих мовних кіл, до яких ці люди належать: мовна й концептуальна картини світу росіян і українців мають біполярну структуру, що визначається опозицією «свій – чужий», тоді як у картині світу носіїв французької й англійської мов присутній тільки концепт *чужий*, що може бути пояснено особливостями їх мовної свідомості – більшою настановою на індивідуалізацію й відокремленість.

Асоціативний, дискурс- і контент-аналіз чат-комунікації дають змогу дійти висновку про те, що лакунарність концепту *свій* у мовній свідомості носіїв англійської і французької мов частково нівелюється збірним поняттям *сукупного об'єкта*, але його семантична розмитість, з одного боку, створює умови для протиставлення концепту *чужий* за принципом визначення статусу *не-Ми* (асоціації *association, membre, groupe, aide; idée, projet, rejoindre; mission; cohort, collaborator, confederate, supporter, sympathizer*), з іншого – актуалізує семи анонімності й індивідуалізму в прагматиці англійської і французької чат-комунікації.

На основі асоціативного експерименту було виявлено такі категорії відвідувачів чатів, які належать до категорії *чужий*:

Категорії відвідувачів чатів	Англійська мова	Французька мова	Російська мова	Українська мова
Відвідувачі, які не дотримуються норм комунікації жанру	<i>Capslock, not in the subject, stupid nick</i>	<i>Les inondations, Pseudo stupides</i>	<i>Флудит, капсит, не в теме</i>	<i>Флудит, капсит, ні в топіке</i>
Мовні особистості, які не дотримуються комунікативних принципів Інтернету	<i>Communicate poorly, spammer</i>	<i>Violer les règles des relations</i>	<i>Плохо общается, спамер</i>	<i>Нав'язується, спамер</i>
Персонажі-спостерігачі	<i>Guest, nonick-name</i>	<i>Invités, pas de nom</i>	<i>Гость, без имени</i>	<i>Гість, безнікий</i>

Персонажі *спостерігач* і *гість* є жанроутворювальними. До персонажа *спостерігач* ставлення в чатах усіх зіставляваних мов негативне: AGRO – Hostile, angry Aggravation, trouble; APE – Mad, crazy; CRUNK Crazy and drunk; CUCKOO – Mad, bonkers, crazy; BADMAN – Gangster; подслушивает и сплетничает, согладалтай; сам нічого розумного сказати не може, за іншими дивиться; пуста людина. Мовна особистість *гість* сприймається як «запрошений чужий», який дотримується норм комунікації своїх. Асоціації, які характеризують гостя чату, мають семи «рух» (до нас прийшов...; ...іде від нас), «мінливість» (усі колись були; буде-

мо придивлятися; подивимось, може й стане своїм; может остаться в чате; еще ни с кем не знаком; может стать чужим, временный; GA— Go Ahead; GEEZER — A guy, a bloke, a person; GINGER — Person with red hair; NEWBIE — New Person; NTMU — Nice To Meet You; BBL — Be back later / A plus tard; CYL — See you later / A plus tard). Категорія *гість* знаходиться між концептами *свій* і *чужий*.

Межа між *своїм* (сукупним об'єктом) і *чужим* може зумовлюватися рядом соціолінгвістичних параметрів. У всіх досліджуваних мовах до цих параметрів належать такі: гендер і сексуальна орієнтація (*le gay, la lesbienne, нетрадиционная сексуальная ориентация*), вік (*взрослый, старый; adulte, vieux*), соціальний статус (*препод*), рівень освіти (*неосвічений/ peu cultivé, ботан*), місце навчання (*it's not our college, from other college, другой вуз, могилянці*). В англо- та франкомовних чатах категорію *чужий* визначають національний та етнічний фактори (*l'Anglais; de loin, le métis; d'une autre culture, mal assimilé, la contrefaçon, l'Africain, éloigné, autre nation, non démocrate, intolérant, ethnique; foreigner foreign origin*). Асоціації, що містять сему 'заперечення демократичних цінностей', у англійській і французькій чат-комунікації характеризують категорію *чужий*: *undemocratic/non démocrate, intolérant/ intolérant conservative*. Для російської і української мов категорію *чужий* визначають асоціації, що мають сему 'непатріотичний': *не патриот, против народа, предатель; не патриот, не задля народа, тоталитарный*.

В англійській і французькій мовах асоціації до концепту *чужий* мають спільну сему 'несхожість на нас (мене)': *other, différent, specific, peculiar odd, strange, not the same as we are, accidental, casual; autre, l'autre; d'une autre culture*; 'заперечення демократичних цінностей': *undemocratic/non démocrate, intolérant/ intolérant conservative*. У російській і українській мовах значущими семами називання концепту *чужий* є 'відсутність щиросердечної близькості' (*неблизкий, неродной, нет душевной близости, чужой по духу, неблизкий, далекий по духу*), 'різниця в поглядах' (*чужой по духу, нет ценностей, другие ценности, разные взгляды; інші погляди, духовно далекий*), 'неможливість увійти в «коло своїх»' (*не наши, не свій*). Крім того, концепт *чужий* актуалізує значення, не зафіксовані тлумачними словниками (нещирість, фальш, комунікативний вакуум, розчарування), які визначають причини переходу з категорії *свій* до категорії *чужий*.

Концепт *чужий* у чат-комунікації не тільки реалізує значущі для зіставлюваних мов семи, але й значною мірою диференціює відмінності в мовних картинах світу віртуальних мовленнєвих спільнот. Ці ж висновки підтверджують і дані дискурс-аналізу. У дослідженні виокремлено два основні прагматичні принципи організації чатів: 1) формування Ми-інклюзивного як сукупного об'єкта в англійських політичних чатах (метонімічного Ми — America The Beautiful; актуального Ми — Our political chat room is getting well-ranked on the search engines, and here's where I need your help. We do get people! People hear?; колегіального Ми — We want your input. We really need your decision on this question. Let's make America better. The Two Party system is over; загальнонаціонального Ми — I continue to pledge allegiance to the Flag of the United States of America, even though George W. Bush is doing his best to destroy the republic for which it stands, we must remain one nation under God...; 2) актуалізація концепту *свій* (у російсько- / україномовних чатах) з метою об'єднання людей «близьких за духом» (любой чат имеет собственный «формат», который позиционируется администрацией с целью формирования определенного сообщества людей, **близких по взглядам и интересам**. — secret4u.ru; Кримський чат для **близьких за духом людей**, які сприймають світ таким, який він є. — directory.start.crimea.ua; **чат для близьких за духом**

людей, які проти забобонів, які нав'язують – chat.infan.ru). У франкомовних чатах відзначені прагматичні принципи мають місце частково: політичні чати є перехідним етапом до більш глибокого осмислення проблем у форумах і блогах – вони створюються як тимчасовий ресурс, що передусь публікації матеріалів у ЗМІ. Другий принцип, зумовлений словосполученням *âme sœur*, досить активно застосовують в організації чатів, але його зміст істотно відрізняється від російсько- / україномовних чатів. Актуалізація словосполучення *âme sœur* у французькій чат-комунікації припускає лише пошук партнерів для шлюбу й любовних стосунків (*la rencontre de l'âme sœur intéresse deux catégories de personnes; les célibataires et les personnes qui ne réussissent pas leur vie de couple; l'âme sœur est la personne qui va nous comprendre le mieux et nous rendre heureux; la rencontre de l'âme sœur est à la fois la rencontre d'un ami ou une amie et un amant ou une amante*). Таким чином, дані дискурс- і асоціативного аналізу чатів підтверджують висновки про «другоцентричність» української та російської лінгвокультур, «анонімність» англомовної лінгвокультури і проміжне положення французької.

Отже, системність і національно-культурна специфіка мовної свідомості реалізуються в мовленнєвій поведінці її носіїв і параметрах жанроутворення. Це положення знайшло відображення в реалізації концептуальної діади «свій – чужий» у російсько- / україномовній, «сукупний об'єкт – чужий» – в англомовній і франкомовній чат-комунікаціях.

Бібліографічні посилання

1. **Балясникова О. В.** «Свои» и «чужие» в современной России : опыт исследования / О. В. Балясникова, А. А. Нистратов // Язык и сознание : психолингвистические аспекты : [сб. ст.]. – М. ; Калуга, 2009. – С. 119–132.
2. **Кашкин В. Б.** Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге / В. Б. Кашкин // Взаимопонимание в диалоге культур : условия успешности : [монография] : в 2 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 2. – 2004. – С. 49–62.

Надійшла до редколегії 26.02.14

УДК 81'367.623

О. С. Белозор

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЧИСТЫЙ* ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ XX СТ.

Путем сопоставления значений адъектива *чистый*, зафиксированных в различных толковых словарях русского языка XX ст., осуществлен комплексный семантический анализ данного слова, в результате которого установлено, что обобщенная семантическая структура лексемы *чистый* включает 19 значений и 34 семантических оттенка. Выявлены особенности функционирования прилагательного *чистый*; проанализирована суть расхождений в лексикографическом описании его семантической структуры; отмечены направления семантического развития слова в наши дни в рекламном и публицистическом дискурсах.

Ключевые слова: адъектив, семантическая структура, лексема, многозначность, лексическое значение.

Білозор О. С., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **СЕМАНТИЧНА СТРУКТУРА ПРИКМЕТНИКА ЧИСТИЙ ЗА ДАНИМИ ТЛУМАЧНИХ СЛОВНИКІВ XX ст.**

Шляхом зіставлення значень ад'єктива *чистий*, зафіксованих у різних тлумачних словниках XX ст., здійснено комплексний семантичний аналіз даного слова, у результаті якого встановлено, що узагальнена семантична структура лексики *чистий* складається з 19 значень та 34 семантичних відтінків. Виявлено особливості функціонування прикметника *чистий*; проаналізовано сутність відмінностей у лексикографічному описі його семантичної структури; відмічено напрямки семантичного розвитку слова нині в рекламному та публіцистичному дискурсах.

Ключові слова: ад'єктив, семантична структура, лексема, багатозначність, лексичне значення.

Belozor O. S., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **SEMANTIC STRUCTURE OF THE ADJECTIVE CLEAN ACCORDING TO DICTIONARIES OF THE XX CENTURY**

Relevance of our study is accounted by the necessity of systematization of meanings and connotations of polysemic adjective *clean*. The purpose of the study – to present a systematic semantic analysis of the adjective *clean*, recreate the semantic structure of an polysemic word *clean* in its entirety. Due to this object the following tasks were set: 1) by comparing the meanings of the adjective submitted in various dictionaries of Russian language, it is needed to do a comprehensive semantic analysis of the adjective *clean*; 2) to identify the peculiarities of functioning of the word; 3) to analyze the essence of discrepancies in the description of the semantic structure of the adjective *clean*.

Submitted in dictionaries polysemic structures of the word *clean* differ not only quantitatively but also meaningfully. Determination of the extent of each lexical item and the connections between them causes significant difficulties. Survey of the meanings of the adjective *clean* allows selecting several of the peculiarities of functioning of the word: the presence of oppositions, unmarkedness, estimation, idiomaticity.

Due to the research it has been found that generalized semantic structure of the lexical item *clean* includes 19 meanings and 34 semantic shades.

Survey of the interpretations and generalized representation of them in the summary table allow to see *clean* enough the inconsistency in the interpretation as the independent meanings or as the shades of meanings. It should be noted that the adjective *clean* continues its semantic development nowadays.

Key words: adjective, semantic structure, lexical meaning, lexical item, polysemy, lexical meaning.

Имена прилагательные входят в область научных интересов многих исследователей. В частности, о грамматике и семантике прилагательных писали В. В. Виноградов, Е. М. Вольф, З. А. Харитончик, Е. А. Земская, Ю. Д. Апресян. Качественные адъективы рассмотрены в работах А. Н. Шрамма, Т. М. Николаевой и многих других. Однако специальных монографических трудов по изучению лексики *чистый* в русском языке еще не было, хотя проблемам семантики и этимологии этого слова, как и специфике репрезентации концепта «чистота» в русском и других славянских языках посвящены отдельные статьи Е. С. Яковлевой [9], О. Н. Кондратьевой [4], Т. Крыловой [5], О. А. Мордвиновой-Щодро [6], Т. А. Демешкиной [2], Н. И. Рябининой [7], М. М. Валенцовой [1] и М. С. Хмелевского [8].

В современном русском языке прилагательное *чистый* относится к словам с высокой степенью многозначности. Однако описание структуры многозначности данного адъектива вызывает большие трудности. Свидетельство этому – серьезные расхождения в трактовке семантической структуры слова, выявляющиеся в современных толковых словарях, допущенная в них непоследовательность в классификации материала. **Актуальность** нашего исследования объясняется прежде всего необходимостью систематизации значений и их оттенков прилагательного *чистый*.

Цель исследования – представить системный семантический анализ адъектива *чистый*, воссоздать, насколько это позволяет материал, семантическую структуру многозначного слова *чистый* во всей её целостности. Исходя из указанной цели, были поставлены следующие **задачи**: 1) на основании сопоставления значений адъектива, представленных в различных толковых словарях русского языка, осуществить комплексный семантический анализ прилагательного *чистый*; 2) проанализировать суть расхождений в описании семантической структуры адъектива *чистый*.

Как известно, семантика прилагательных является отражением знаний о мире как совокупности его признаков, заключенных в концепте «качество». Семантическая структура адъектива *чистый*, формирующаяся на протяжении веков, объединяет ЛСВ, репрезентирующие физические качества объектов и живых существ, общую (чистый – ‘хороший’) и разнообразные частные (этические, нормативные и т. д.) оценки человека и реалий окружающего мира. Многие ЛСВ этого слова, как и сам концепт «чистота», характеризуются синкретичным характером.

Сопоставительный анализ словарных толкований прилагательного *чистый* был проведен на материале семи основных толковых словарей русского языка (см. список сокращений). Значения и оттенки значений, представленные в проанализированных словарях, в обобщенном виде приведены далее в таблице. Арабские цифры в графах таблицы соответствуют порядковым номерам самостоятельных значений в словарных статьях соответствующих словарей. Символом Δ отмечается оттенок значения; $\diamond$ – значение фразеологической единицы. В ячейке таблицы принятые обозначения располагаются в следующем порядке: номер значения или оттенка значения; стилистическая помета. Например, запись Δ_1 читается как «оттенок первого значения», Δ_4 – оттенок четвертого значения, зафиксированного в соответствующем словаре.

В графе «№ п/п» арабскими цифрами отмечено самостоятельное значение вне зависимости от его номера в том или другом словаре; нижний индекс, расположенный слева от символа оттенка (например Δ_1), показывает номер оттенка по данным таблицы. Определяя статус значения (самостоятельное или оттенок), мы исходили из частотных показателей: если большей частью словарей значение интерпретируется как оттенок, то и в сводной таблице ему присваивался статус оттенка.

Соотношение значений и оттенков значения в семантической структуре прилагательного *чистый* (по материалам толковых словарей XX ст.)

№ п/п	Значение, оттенок значения	СУ	СО	СЕ	БАС	МАС	БТС	ТСШ
1	Не загрязненный, не запачканный, без грязи, пыли, пятен	1	1	1	1	1	1	1
Δ_1	Содержащийся в чистоте, опрятности, опрятный	Δ_1		Δ_1	Δ_1	Δ_1	2	
Δ_2	Одетый в незапачканную одежду; опрятный, чистоплотный				Δ_1		2	

Δ_3	Выстиранный и еще не бывший в употреблении				Δ_1			
Δ_4	Без сухостоя, валежника, бурелома (о лесе)				Δ_1			
2	Связанный с тем, что не особенно пачкает, грязнит	5	4 <i>разг.</i>		$\diamond_1$	3		4 <i>разг.</i>
3	Убранный, обставленный с особенной тщательностью; парадный	6	5 <i>устр. прост. и обл.</i>	6	2	2	4 <i>Трад.-нар.</i>	5 <i>устр. прост. и обл.</i>
Δ_5	Главный, передний (о лестнице, входе)				Δ_2	Δ_2		
4	Принадлежащий к привилегированным слоям общества; благородный				3 <i>устр.</i>	4 <i>устр.</i>		
Δ_6	Предназначенный для привилегированных слоев общества				Δ_3	Δ_4		
5	Сделанный, выполненный тщательно, аккуратно и искусно	10	8	12	4	5	6 <i>разг.</i>	8
5a	Требующий квалификации (о работе)	5		5 <i>разг.</i>	$\diamond_4$			
Δ_7	Представленный в окончательном виде, без помарок; белой			Δ_{12}	Δ_4	Δ_5	7	
Δ_8	Окончательно отделанный, отшлифованный				Δ_4			
6	Со свободной, открытой, ничем не занятой поверхностью	7	3	8	6	6	5	3
Δ_9	Свободный, очищенный от кого-, чего-л.				Δ_6 <i>перен.</i>			
Δ_{10}	Не заполненный ничем, не использованный для письма, рисунка и т. п.	Δ_7		Δ_8	Δ_6	Δ_6		
Δ_{11}	Без морщин, веснушек, прыщей и т. п.				Δ_6	Δ_6	3	
Δ_{12}	Безоблачный, не затуманенный	8		$\Delta_8, 9$	Δ_6	Δ_6		
Δ_{13}	Ясный, с прозрачным, свежим воздухом (об утре, дне и т. д.)				Δ_6			
7	Без примеси чего-л., не содержащий в себе ничего постороннего	11	6	13	5	7	8	6

Δ_{14}	Не замутнений грязью, песком и т. п.			Δ_1 , 9	Δ_1	Δ_7		
Δ_{15}	Свежий, не душный, не пыльный и т. д. (о воздухе)			Δ_1	Δ_1	Δ_7		
Δ_{16}	Без сорняков (о злаках, посевах)				Δ_1	Δ_7	Δ_8	
Δ_{17}	Не разбавленный, ни с чем не смешанный			Δ_6	Δ_5	Δ_7		
Δ_{18}	Неподдельный, настоящий, подлин- ный (о монетах)				Δ_5			
Δ_{19}	Не смешанной поро- ды, чистокровный			Δ_6	Δ_5	Δ_7	10	
Δ_{20}	Одной древесной породы				Δ_5	Δ_7		
Δ_{21}	Глубокий, яркий (о цвете, тоне)					Δ_7		
Δ_{22}	Звонкий, отчетливый, без хрипа (о звуках)	9			Δ_8	8	Δ_8	
8	Четкий, ясно очерчен- ный, не расплывший- ся			10	7			
9	Не загрязненный химическими или радиоактивными веществами						9	
10	Правильный, соответ- ствующий опреде- ленным правилам, нормам	9		11 <i>перен.</i>	8	9	12	
11	Нравственно безупре- чный, правдивый и честный, без грязных помыслов и действий, негреховный	2 <i>перен.</i> 3 <i>перен.</i>	2 <i>перен.</i>	2 <i>перен.</i> 4	9	10	14	2 <i>перен.</i>
Δ_{23}	Проникнутый чистотой чувств, стремлений				Δ_9			
Δ_{23}	Выражающий чисто- ту чувств, стремлений (о взгляде, улыбке)				Δ_9			
Δ_{24}	Невинный, целомудренный				Δ_9			
Δ_{25}	Лишенный чувстви- тельности	Δ_2			Δ_9			
Δ_{26}	<i>Перен.</i> Исполненный высокой нравствен- ности, возвышенный	Δ_2		Δ_2		Δ_{10}	Δ_{14}	
Δ_{27}	<i>Перен.</i> Выражающий высокую нравствен- ность, непорочный	Δ_2		Δ_2		Δ_{10}		
Δ_{28}	Честный, добросове- стный, добытый чест- ным путем			7	Δ_9			

Δ_{29}	Свободный от подозрений				Δ_9 разг.			
Δ_{30}	Невиновный, такой, которого ни в чем нельзя упрекнуть, обвинить	Δ_2 перен.		Δ_2	Δ_9	Δ_{11}		
12	Не заключающий лжи и обмана	2 перен.		3 перен. разг.		11		
13	Свободный от скверны; негреховный, угодный божеству	4			10		13 кнжн.	
14	Получающийся после вычета чего-л.	13		15	11	12	Δ_8	
Δ_{31}	Свободный от долгов, задолженности и т. п.				Δ_{11} устр.	13 устр.		
Δ_{32}	Разг. Наличные (чистые деньги)	$\diamond$			Δ_{11}		$\diamond$	
15	Лишенный всего, не имеющий денег, имущества	14 разг. фам. шутил.		16 разг.	12 разг.			
16	Устар. и простор. Полный и окончательный (отставка)	$\diamond$			16	$\diamond$		
17	Самый настоящий, совершенный, подлинный	12	7 разг.	14	Δ_5 перен. 14	14	15	7 разг.
Δ_{33}	Подобный, совершенно похожий на кого-, что-нибудь	Δ_{11} разг.		Δ_{17} перен.	15 прост.	Δ_{14}		
18	Полностью соответствующий кому-л., чему-л. по своим свойствам			17 разг.	13			
Δ_{34}	Сохраняющий свою истинную основу, подлинный, не искаженный	Δ_{11} перен.		Δ_{13} перен.				
19	Отвлеченный от практического применения, не связанный с ним			Δ_{14}	Δ_5 перен.	15	11	

Обзор значений прилагательного *чистый* позволяет прежде всего выделить несколько особенностей функционирования слова.

1) Наличие оппозиций. Практически во всех значениях слово *чистый* явно или неявно указывает на существование оппозиции; ср.: *чистая одежда* – *грязная одежда*, *чистый вход (передний)* – *черный вход*, *чистый воздух* – *загрязненный воздух*, *чистые помыслы* – *грязные помыслы*.

2) Немаркированность. Внутри каждой оппозиции *чистый* характеризует объект как не имеющий каких-либо специфических свойств. Компонент *не* в эксплицитной форме присутствует в толковании большинства значений (ср. также синонимические компоненты толкований *без*, *лишенный*): *негреховный*; *без хрипа*; *незагрязненный*, *незапачканный*; *без примесей* и т. д.

3) Оценочность. Прилагательное *чистый* может привносить некоторую оценку. По данным экспериментальных исследований параметра оценки в психологической структуре значения слова коэффициент оценки адъективного слова *чистый* равен шести (высшая степень положительной оценки – 7) [3, с. 81]. Ср.: «Низенькая комнатка была чиста и уютна» (Тургенев), «Краснеть от такого чистого, святого воспоминания?» (Гончаров). Однако в некоторых случаях оценка может быть и отрицательной. Ср.: *чистый вздор, на руку не чист, с чистого пуща завернет*.

4) Идиоматичность. Прилагательное *чистый* входит в целый ряд устойчивых словосочетаний, в частности терминологических. Например: **Чистое искусство** – название эстетических концепций, утверждающих самоцельность художественного творчества, независимость искусства от политики и общественных требований [МАС]. **Чистая перемена** – спец. смена декораций на сцене, проведенная так, что техника перемены не заметна зрителю (БАС). **Чистые листы** (по-лигр.) – первые оттиски тиража книги, отправляемые типографией в издательство для последней читки перед выпуском в свет (БАС, МАС). **Чистая (отставка)** (устар. и прост.) – полная отставка (обычно о военной обязанности, службе) (БАС, МАС). **Чистый пар** (с.-х.) – поле севооборота, свободное от посевов с.-х. растений в течение всего лета до посева озимых (МАС). См. также: *чистая прибыль, чистая работа, чистое золото, чистый спирт, чистый понедельник, чистый четверг, чистой (чистейшей) воды, за чистые деньги, от чистого сердца, по чистой совести, с чистым сердцем, вывести на чистую воду, принять за чистую монету* и др.

Обзор толкований и обобщенное представление их в сводной таблице позволяют достаточно ясно увидеть разноречивость в толковании значений как самостоятельных или как оттенков. Так, на наш взгляд, не вполне оправданным является выделение в качестве самостоятельного значения «содержащийся в опрятности, опрятный», предлагаемое в БТС. Лексема *опрятный* синонимична лексемам *чистый* (в значении «не имеющий грязи») и *чистоплотный* («содержащий себя в чистоте; опрятный»), что, по нашему мнению, не позволяет считать ее репрезентантом самостоятельного значения лексемы *чистый*. Значение «звонкий, отчетливый, без хрипа (о голосе, звуках)» конкретизирует значение «без примеси чего-л. постороннего» и по своему статусу скорее является оттенком, чем самостоятельным значением, каковым его представляет МАС.

Излишним представляется и выделение двух оттенков «не смешанной породы (о животных)» и «одной древесной породы (о лесе)» значения «без примеси чего-л. постороннего», приводимое в МАС. Думается, что оба оттенка вполне могут быть описаны толкованием «не смешанной, одной породы». Представляется логичным считать значение «звонкий, отчетливый, без хрипа» оттенком, а не самостоятельным значением, как предлагает МАС.

Излишне подробно иногда представлена система семантических оттенков, разработанная прежде всего в БАС. Многие из приводимых оттенков невозможно отграничить от речевых (контекстных) значений, например: *чистый*₂ «одетый в незапачканную одежду; опрятный, чистоплотный», *чистый*₃ «выстиранный и еще не бывший в употреблении», *чистый*₄ «без сухостоя, валежника, бурелома», *чистый*₁₆ «без сорняков (о злаках)», *чистый*₁₁ «без веснушек, прыщей (о коже)» и др.

Особого комментария требуют и значения, которые выделяются как самостоятельные только в одном-двух словарях. В частности, значение «требующий

какой-л. квалификации (о работе)», выделенное в СУ как самостоятельное, ближе, на наш взгляд, к семантическому оттенку или подзначению. Точно таким же, не вполне самостоятельным, представляется и значение «не загрязненный химическими или радиоактивными веществами», отмечаемое в БТС. БАС выделяет значение «четкий, ясно очерченный, не расплывшийся», иллюстрируя его художественными контекстами «*Лаврецкий глядел на ее чистый, несколько строгий профиль*» (Тург.) и «*Круги Улановой чисты и надежно устойчивы. Они расходятся спокойно плывущей линией, которая вычерчивается в воздухе, точно рисунок, набрасываемый уверенной рукой живописца*» (Богдан.-Березовский). Думается, что в этих контекстах все-таки реализуется оттенок или даже речевое, а не самостоятельное значение, о чем свидетельствует и дальнейшая лексикографическая практика: в более поздние словари это значение не попадает. В заромбовой части толкования обсуждаемого ЛСВ БАС приводит терминологические сочетания *чистый запад*, *чистый норд* и т. п. Со специальным значением «о направлении точно на запад, север и т. п.». Показательно, что в БТС речения *Чистый запад*, *восток*, *север*, *юг* со специальным значением «исключительно такого одного направления; о ветре или движении судна» приводятся к значению «не смешанный; одного происхождения, типа, вида и т. п.».

Следует отметить, что семантическое развитие прилагательного *чистый* продолжается и в наши дни, приобретая в социально-историческом контексте первой половины XX в. «идеологическое» значение (*чистый* – «свободный от идеологических заблуждений») и переживая процесс модализации в отдельных речевых системах и языке в целом (*чистый* – «абсолютный», «образцовый», «такой, как надо»). В публицистических и рекламных дискурсах последнего времени у слова формируется значение «честный, не воровской» (*чистые руки*), «честный, законный» (*чистые выборы*), появляются специализированные значения, относящиеся к разным сферам употребления языка (например, *чистая квартира* – (юрид.) квартира, обмен или купля / продажа которой не вызывают нарушений чьих-либо прав; (жаргон.) квартира, не вызывающая подозрений у правоохранительных органов) и т. д.; отмечаются выходящие за пределы жаргонов дискурсивные значения «только, лишь», «просто, всего-навсего» (чисто житейский интерес, чисто эмоциональные высказывания [НКРЯ]).

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что описание структуры многозначности адъектива *чистый* вызывает большие трудности, связанные с достаточно серьезными расхождениями в трактовке семантической структуры слова, с непоследовательностью в классификации материала, выявляющимися при обращении к современным толковым словарям. Представленные в словарях семантические структуры слова *чистый* различаются не только количественно (числом их значений и так называемых оттенков значений), но и содержательно (разбивкой на самостоятельные значения, соотносением тех или иных контекстов с выделенными значениями, иерархической организацией). Обобщенная семантическая структура лексемы *чистый*, сформированная на материале семи толковых словарей русского языка, включает 19 значений и 34 семантических оттенка. Обзор значений прилагательного *чистый* позволил выделить такие особенности функционирования слова, как наличие оппозиций, немаркированность, оценочность, идиоматичность.

Перспектива дальнейшего исследования видится в реконструкции топологической структуры эпидигмы прилагательного *чистый*, выявлении метафорических и метонимических связей его ЛСВ.

Библиографические ссылки

1. **Валенцова М. М.** Понятие *чистый* в славянской культуре // Живая старина. – 2001. – № 2. – С. 60–80.
2. **Демешкина Т. А.** Концепт чистоты по данным среднеобских словарей / Т. А. Демешкина // Наука и образование. – Белово, 2002. – С. 49–55.
3. **Залевская А. А.** Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова / А. А. Залевская // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. – Калинин, 1990. – С. 73–83.
4. **Кондратьева О. Н.** Концепт «чистота» в Библии и национальной культуре / О. Н. Кондратьева // Библия и национальная культура : межвуз. сб. науч. ст. и сообщ. / отв. ред. Н. С. Бочкарева. – Пермь, 2004. – С. 305–308.
5. **Крылова Т.** Понятие чистоты и порядка в названиях человеческих свойств: специфика слов с положительным и отрицательным значением / Т. Крылова // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М., 2003. – С. 366–375.
6. **Мордвина-Щодро О. А.** *Чистый* как характеристика человека в русском языке : лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] / О. А. Мордвина-Щодро. – Режим доступа : ftp://lib.herzen.spb.ru/text/mordvina_schodro_14_37_135_137.pdf.
7. **Рябинина Н. И.** Элиминирование лакун в повседневной культуре старообрядцев Хабаровского края. Лакуны в языке и речи : сб. науч. тр. / Н. И. Рябинина / [под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – Вып. 2. – 123 с.
8. **Хмелевский М. С.** Понятия «чистый – грязный» в славянском языковом сознании / М. С. Хмелевский // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та (Казань, 4–6 окт. 2004 г.) : тр. и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань, 2004. – С. 90–91.
9. **Яковлева Е. С.** О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000. – С. 200–216.

Список сокращений

- БАС** – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.–Л., 1950–1965.
- БТС** – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 3, стереотип. АН СССР Институт русского языка. – М. : Рус. яз., 1988.
- НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru/.
- СЕ** – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://slovarus.info/rus_ef.php.
- СУ** – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова – М., 1934–1940.
- ТСШ** – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Надійшла до редколегії 25.02.14

Н. И. Билан

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ» КАК КЛАССИФИКАТОРЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Рассмотрена тенденция изучения семантики языковых единиц, подпадающих под категорию «конкретность – неконкретность» на основании принадлежности их к сфере понятий «пространство» и «время». Предложено рассматривать непредметные объекты – абстрактные существительные и номинализованные предложения как объекты интенционального, ментального мира – мира эпистемологии, которому понятия «пространство» и «время» присущи в той же степени, что и реальному миру предметных объектов – миру онтологии.

Ключевые слова: предметные объекты, непредметные объекты, пространство, время, эпистемология, онтология.

Билан Н. І., Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна. **ПОНЯТТЯ «ПРОСТІР» І «ЧАС» ЯК КЛАСИФІКАТОРИ МОВНИХ ОДИНИЦЬ**

Розглянуто тенденцію вивчення семантики мовних одиниць, що належать до категорії «конкретність – неконкретність», на основі належності їх до сфери понять «простір» і «час». Запропоновано розглядати непредметні об'єкти – абстрактні іменники й номіналізовані речення як об'єкти інтенціонального, ментального світу – світу епістемології, якому поняття «простір» і «час» властиві тою самою мірою, що й реальному світу предметних об'єктів – світу онтології.

Ключові слова: предметні об'єкти, непредметні об'єкти, простір, час, онтологія, епістемологія.

Bilan N. I., Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan. **THE NOTIONS OF «SPACE» AND «TIME» AS LANGUAGE UNITS CLASSIFIERS**

This article deals with the current linguistic trend of subcategorizing concrete and abstract nouns and other language units on the grounds of their belonging to the notional spheres of space and time. The topicality of the given study is predetermined by the need to reveal the explanatory potential of the notions of space and time for investigating the semantics and functions of language units. Yu. S. Stepanov and N. D. Aroutyunova consider that concrete notions correlate with the spatial relations, while abstract propositional notions are organized on the basis of logical temporal relations. In accordance with the above mentioned way of classifying language units depending on their corresponding to concrete or abstract propositional notions Yu. S. Stepanov, N. D. Aroutyunova, T. V. Boulygina, S. A. Krylov state that the subject of the sentence realizes its denotative meaning while the predicate expresses the only component of its meaning which is the significative one.

The author posits that the entirely significative nature of the meaning of the predicate does not prove the entirely denotative meaning structure of the language units functioning as the subject of the sentence. Proceeding from L. Wittgenstein's definition of the meaning of the word as its use in the language, the author has substantiated that the noun realizes its identifying function by means of its complete meaning structure formed by both the denotative constituent and the significative one with the latter comprising all possible predications. The author suggests considering abstract notions that are represented by abstract nouns and nominalized sentences as objects of the intentional world (the world of epistemology) in which the notions of space and time are inherent.

Key words: concrete objects, abstract objects, space, time, epistemology, ontology.

В современной лингвистике большое внимание уделяется анализу средств выражения в языке понятийных и грамматических категорий. Ю. С. Степанов и Н. Д. Арутюнова в своих трудах используют фундаментальные категории «пространство» и «время» в качестве своеобразных классификаторов единиц языка, считая, что предметные понятия соотносятся со связями пространственного характера, а непредметные пропозитивные понятия организованы на основе логико-темпоральных отношений. Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, С. А. Крылов различают денотатный и сигнификатный компоненты значения лексем в предложении, утверждая, что субъект реализует свое денотатное значение, а предикат – сигнификатное содержание [1–3; 10; 11].

Актуальность данного исследования заключается в необходимости рассмотрения объяснительного потенциала понятий «пространство» и «время» при анализе семантики и функций языковых единиц, соответствующих предметным и непредметным пропозитивным понятиям. **Целью** статьи является изучение семантики языковых единиц, подпадающих под категорию «конкретность – неконкретность» на основании принадлежности их к сфере понятий пространство и время.

Изучая описание семантических отношений групп слов в парадигматике, Ю. С. Степанов отмечает, что при таком подходе лингвисты группируют слова в поля, которые бывают двух видов:

1) объединения слов, относящихся к одной предметной области, – предметные, или денотатные, поля;

2) объединения слов, относящихся к одной сфере представлений или понятий – понятийные, или сигнификатные, поля, например, обозначения состояний духа, процессов мышления, восприятия, возможности, необходимости.

При этом в предметных полях, по мнению Ю. С. Степанова, слова организованы преимущественно по принципу «пространство» и по принципу соотношения вещей: часть и целое, функция (назначение) и ее аргументы (производитель, агент, инструмент, результат); в понятийных же полях – преимущественно по принципу «время» и по принципам соотношения понятий (подчинение, гипонимия, антонимия и др.) [11, с. 438–439].

Н. Д. Арутюнова противопоставляет предметные понятия пропозитивным на основании их соотнесенности с пространством или временем. Ученая считает, что предметные понятия должны быть сопоставлены с отношениями пространственного характера, в то время как пропозитивные – с логико-темпоральными отношениями. Предметные понятия связаны с физическими действиями, а пропозитивные – с названиями психических актов.

Таким образом, синтаксическая функция слова определяется соответствием значения слова пространственным или временным измерениям, а семантическая функция слова основывается на различии материального и идеального, физического и духовного [1, с. 147]. Однако вряд ли могут предметы существовать вне времени, как и события (с сосуществующими тем или иным образом в нем субстанциями) иметь место вне пространства.

Различие предикатов первого и второго порядков (физические действия и психические акты) Н. Д. Арутюнова видит не только в том, что субъектами первых являются предметные понятия, а субъектами вторых – пропозитивные. Она схематизирует это противопоставление предметных и пропозитивных понятий следующим образом: ряд понятий «предмет – пространственная ориентация – физическое действие – физические свойства предмета» противостоит ряду «событие – время – психический акт – свойство события и суждение о событии» [Там же].

Такое утверждение, на наш взгляд, может быть обусловлено только традицией изучения главным образом аспектуально-темпоральных параметров пред-

катов и вербоцентрическим подходом к изучению синтаксиса предложения, которое рассматривается в качестве одной из основных ячеек языковой семантики на современном этапе развития синтактико-семантических исследований [8; 14]. Наше понимание характера функционирования имен существительных полностью согласуется с концепцией Л. П. Столяровой, в которой утверждается решающее значение имени существительного и образуемых на его основе субстантивных конструкций в процессе коммуникации [13].

Трудно безоговорочно согласиться и с тем, что предметные понятия соотносятся только с физическими действиями, а пропозитивные – с названиями психических актов. Ведь Н. Д. Арутюнова справедливо утверждает, что и у имен собственных (топонимов, а не имен лиц), и нарицательных есть коннотативный (событийный) аспект значения. При непредметном функционировании имена собственные подразумевают единичное событие (имя какого-либо места может ассоциироваться со связанным с ним событием), а некоторые имена нарицательные имеют стабильные событийные коннотации и употребляются в функции событийных имен. Например, в предложении *Он не пришел из-за мозолей / грязи / снега* слова *мозоли, грязь, снег* представляют собой редукцию пропозиции к конкретному имени существительному [1, с. 143–145].

Безусловно, эта редукция имела место, как и в предложениях с категорией предметов, предназначенных для определенной цели и имплицитующих «свой» предикат, как, например, слова *водка* и *питье* в предложении *Водка / питье водки его погубит* [Там же, с. 146]. Но эти пропозитивные (событийные) имена *водка* и *питье* не находятся в жесткой связи только с названиями психических актов. Это наше суждение о событии, помимо этого в семантической структуре предложения есть и значение причинно-следственного отношения, но здесь идет речь и о реальном физическом разрушении жизни конкретного человека.

Н. Д. Арутюнова пишет, что различие данных понятийных рядов не всегда является четким, есть область, в которой в одних и тех же синтаксических позициях конкретные и пропозитивные номинации регулярно чередуются. Глаголы логического (межсобытийного) и интерсубъектного значения допускают такое чередование имен пропозитивных значений и имен лица [Там же, с. 148].

Объясняется описанное функционирование существительных, на наш взгляд, процессами обогащения сигнификатного содержания существительных как слов, наделенных полной семантической структурой, то есть имеющих как сигнификат, так и денотат. Происходит это в процессе речевых актов, когда субъектам высказываний, выполняющим функцию идентификации того предмета объективной действительности, о котором делается сообщение, приписывается (предсказывается) некоторое свойство или состояние. Предикаты, выполняющие в предложении функцию сообщения, в силу своей функциональной предназначенности стремятся к однозначности, дифференцированности, моносемизации значений.

Н. Д. Арутюнова считает, что для предикатов (прежде всего таких классических предикатов, как качественные прилагательные) характерна тенденция к семантической элементарности, неразложимости [1, с. 338]. К тому же Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина и С. А. Крылов утверждают, что предикат лишен способности к идентификации в силу своей синтаксической роли, то есть не обладает денотатным значением [1, с. 329; 3].

Имена существительные в предложении действительно выполняют отмеченную Н. Д. Арутюновой функцию идентификации и таким образом актуализируют свое денотатное значение. Однако в результате предикации в предложении, существительные принимают сигнификат данных предикатов. Этот процесс обогащения сигнификата имен существительных (как конкретных, так и абстракт-

ных) очевиден и в эволюции семантики существительных, что проявляется в расширении их потенциалов сочетаемости и в возможности номинализаций предложений, являющихся семантическими эквивалентами последних.

Рассматривая развитие типов индоевропейского предложения, Ю. С. Степанов выдвигает гипотезу об имевшей место в истории тенденции к запрету на «абстрактные» субъекты в сочетании с «конкретными» объектами. Ю. С. Степанов считает, что способность занимать позицию субъекта в протоиндоевропейском предложении определялась положением имени существительного в следующей иерархии (имена существительные расположены в порядке убывания этой способности): лица / люди вообще / животные / растения / вещи / абстрактные объекты. С течением времени эта иерархия исторически расширилась: в древних индоевропейских языках она была ограничена левой частью, но постепенно она продвинулась вправо. Ю. С. Степанов определенно связывает эту закономерность с перестройкой индоевропейских языков от активного строя, для которого характерно резкое противопоставление активных сущностей (прежде всего людей) и неактивных (прежде всего вещей) к номинативно-аккузативному, в котором это противопоставление и соответственно ограничения на позицию субъекта устраняются [10, с. 15].

Н. Д. Арутюнова утверждает, что семантические компоненты, составляющие значение неактуализированного имени существительного, – денотат и сигнификат – в предложении разведены в разные позиции: субъект в типичном случае реализует денотатное значение, предикат – свое сигнификатное содержание [1, с. 37]. Таким же образом представляет механизм функционирования имени существительного и предиката в предложении Ю. С. Степанов: «...обычно подлежащее (или субъект) денотатно, референтно, а сказуемое (или предикат) сигнификатно» [11, с. 438].

По нашему мнению, идентифицирующую функцию имя осуществляет посредством своего денотатного значения и сигнификатного содержания, включающего узус всех предшествовавших предикаций, если мы придерживаемся тезиса о выводимости значения слова из его употребления в речевых актах [4; 11]. В каждом новом высказывании существительное выполняет идентифицирующую функцию денотатной и сигнификатной составляющими его значения и принимает сигнификатное содержание предиката данного высказывания, чтобы затем функционировать с увеличенным данной предикацией значением. Таким образом, в предложении денотат и сигнификат имени существительного не разводятся в субъектную и предикатную позиции. Референтное употребление имени существительного не означает, что в предложении его значение сводится к денотату. Наличие только сигнификатной составляющей у предиката не доказывает наличие только денотата у существительного. Следует добавить, что предикат может не только добавлять новый признак существительному в позиции субъекта, расширяя его сигнификат (интенционал – *intensio* «внутреннее натяжение» [11, с. 438]), но и актуализировать один из уже узуально закрепленных признаков.

В результате предикаций изменению подвергается только сигнификатная составляющая значения имен существительных. Сигнификатное содержание предиката остается прежним. Сигнификат же существительных обогащается и эволюционирует. Осуществленная предикация может в дальнейшем функционировать следующим образом:

- 1) воспроизводиться в своем полном объеме;
- 2) предложение может номинализироваться с тем, чтобы использоваться в качестве актанта в синтаксических структурах более высокого ранга или вступать в анафорические или катафорические отношения в тексте.

Н. Д. Арутюнова отмечает тот факт, что значение номинализованных (субстантивированных) предложений передвигается на денотативный уровень, так как пропозитивная семантика соединяется с идентифицирующей функцией или, иными словами, происходит объединение абстрактного значения с единичной референцией. Например, в предложении *Твоя наглость (твоя наглая выходка) всех возмутила* подлежащее *твоя наглость* представляет собой номинализованное предложение [1, с. 75].

Интересно, что Ю. С. Степанов считает абстрактные существительные словами преимущественно сигнификатными (нереферентными, неденотатными) [11, с. 438].

Наблюдение Н. Д. Арутюновой нам представляется обоснованным, так как номинализация – именование фактов, событий, процессов – подразумевает наличие объекта номинации и здесь, очевидно, следует говорить о непредметных, интенциональных объектах, ставших в последнее время часто изучаемым предметом логико-лингвистических исследований [2, с. 189] и имеющих ментальное существование, в отличие от предметных, неинтенциональных объектов, существующих реально [1, с. 61].

Следовательно, номинализованные предложения и абстрактные существительные – такие же объекты интенционального, возможного, ментального мира [7; 9; 12, с. 609], как и другие объекты эпистемологии – знания о мире. И здесь мы, очевидно, будем вынуждены не согласиться с мыслью Н. Д. Арутюновой о том, что значение неполных номинализаций относится к области эпистемологии (знаний, мнений, утверждений и других категорий ментального плана), а значение полных номинализаций входит в сферу онтологии – действительности [2, с. 105].

Итак, предметные и непредметные объекты существуют в пространстве реальном и интенциональном соответственно, что выражается языком и реконструируется по данным последнего, образуя, по определению Д. С. Лихачева, концептосферу данного языка [6]. Поэтому, дифференцируя семантику языковых единиц, подпадающих под категорию «конкретность – неконкретность», нам не следует проводить это различие на основе признака принадлежности их сфере понятия «время» или понятия «пространство», а по принципу существования этих объектов в объективном, реальном пространстве (мире) или интенциональном, возможном, играющем столь важную роль в современной логике и теории языка.

Таким образом, характеристики понятий «пространство» и «пространственные отношения» так же имманентно присущи предметным понятиям, как и абстрактным. И временные характеристики, и отношения в равной степени неотделимы от конкретных и абстрактных субстанций, процессов, событий, фактов.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 382 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
3. Булыгина Т. В. Сигнификат / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 444.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 79–129.
5. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – М., 2000. – 502 с.
6. Лихачев Д. С. О концептосфере русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. РАН. – Сер. : Лит. и яз. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

7. **Петров В. В.** Язык и логическая теория / В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18 : Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – С. 5–24.
8. **Семантические типы предикатов** / Т. В. Булыгина, О. Н. Селиверстова, Н. А. Ишевская и др. – М. : Наука, 1982. – 365с.
9. **Серль Дж.** Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18 : Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – С. 242–264.
10. **Степанов Ю. С.** Индоевропейское предложение / Ю. С. Степанов / АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
11. **Степанов Ю. С.** Семантика / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 438–440.
12. **Степанов Ю. С.** Язык художественной литературы / Ю. С. Степанов // Там же. – С. 608–609.
13. **Столярова Л. П.** Субстантивная конструкция – основное звено малого синтаксиса : учеб. пособие / Л. П. Столярова. – Д. : Изд-во ДГУ, 1990. – 72 с.
14. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / пер. с фр. И. М. Богуславского и др. – М. : Прогресс, 1988. – 653с.

Надійшла до редколегії 12.02.14

УДК 81'373.43

С. В. Воропай

Сумський державний університет

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСЬКІ ІННОВАЦІЇ ЯК ЗАСІБ ЕКСПРЕСИВІЗАЦІЇ МЕДІАТЕКСТУ (словотвірно-комунікативний аспект)

Досліджено індивідуально-авторські неологізми, які сприяють увиразненню медіатекстів і реалізації їх комунікативної та експресивної функцій. Неолексеми розглянуто з позиції впливу словотвірної структури на стилістичне забарвлення тексту. Зазначено, що виконання комунікативної та експресивної функції індивідуально-авторськими неологізмами, вживаними у медіатекстах, відбувається за рахунок різних словотворчих засобів, характеру їх твірних основ та контексту. Вибір словотвірної структури зумовлює різні емоційно-оцінні конотації в семантиці оказіональних утворень.

Ключові слова: експресивність, оказіоналізм, неологізм, дериват, конотація, комунікативний.

Воропай С. В., Сумской государственный университет. **ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ИННОВАЦИИ КАК СПОСОБ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ МЕДИАТЕКСТА (словообразовательно-коммуникативный аспект)**

Исследованы индивидуально-авторские неологизмы, которые способствуют выразительности медиатекстов и реализации их коммуникативной и экспрессивной функций. Неолексемы рассмотрены с точки зрения влияния их словообразовательной структуры на стилистическую окраску текста. Отмечено, что выполнение коммуникативной и экспрессивной функции индивидуально-авторскими неологизмами, которые используются в медиатекстах, происходит благодаря разным словообразовательным средствам, характеру их основ и контексту.

Ключевые слова: экспрессивность, окказионализм, неологизм, дериват, коннотация, коммуникативный.

Voropai S. V., Sumy State University. *AUTHOR'S INDIVIDUAL INNOVATIONS AS A MEANS OF EXPRESSIVENESS OF A MEDIATEX (derivative and communicative aspect)*

In the article the attempt to implement the functional and communicative analysis of author's individual innovations that are in the texts of mass media was made. Functional and communicative approach to the studying of different language phenomena is in revealing their pragmatic meaning. Pragmatic function of the mediatex is choosing by its author the specific information and designing it with the help of definite language means that can influence the readers and cause their reaction or even postcommunicative actions and activities.

Author's individual innovations belong to the kind of language means of expressiveness. They not only reflect the realities or unrealities of the world but also characterize them and create the corresponding images, pass information about the new things that appear as a result of subjective, individual cognition.

The aim of the article is to fulfill the analysis of occasionalisms from the position of communicative and pragmatic function they have in mediatexts. Such approach lets learn this group of words in modern Ukrainian language more substantially and fully. The occasionalisms were studied in two aspects: word-formative and communicative. The first one shows what the components in the word structure help to realize their expressive function. According to the second aspect one can see how the derivative structures of the new words form different emotive and evaluative connotations in their meanings.

We suppose that the detailed learning of derivative structure and semantic of author's individual innovations make the ground for further researches in the field of communicative derivation.

Key words: expressiveness, occasionalism, neologism, derivate, connotation, communicative.

Погляд на мову не тільки як на загальний код узуальних знаків та систему номінативних засобів, а передусім як на засіб вербальної комунікації зорієнтував увагу сучасних дослідників на вивчення мови як функціональної системи.

Пізнавальна та комунікативна функції мови проектують вивчення її системи та структури в межах інтегральної когнітивно-дискурсивної парадигми сучасного мовознавства. Функціонально-комунікативний підхід концентрує інтерес лінгвістів навколо проблем мовлення, когнітивних і комунікативних аспектів семантики. Один з підходів до вивчення функціонального аспекту мовних одиниць у сучасному мовознавстві полягає у виявленні їх прагматичної значущості, тобто мети, з якою їх вживають у тому чи іншому контексті.

Засоби масової інформації є важливим складником життя сучасної людини. Однією з найвагоміших функцій ЗМІ є функція впливу та формування громадської думки. Інформація, яку отримує адресат, впливає на його свідомість та почуття і навіть якісно їх змінює. Головним елементом цього процесу є мова текстів масової комунікації, що і дозволяє досліджувати їх як один із видів комунікативної діяльності. Тексти ЗМІ, будучи комунікативно спрямованими, мають не просто дати адресату інформацію, а й спонукати його до певної посткомунікативної діяльності.

Текст як комунікативний акт виконує прагматичну функцію, дія якої починається з підбору інформації та оформлення її за допомогою певних мовних засобів таким чином, щоб можна було вплинути на свідомість читача і викликати в нього певну реакцію чи спонукати до дій.

Вибір мовних засобів вираження авторської інтенції в сучасному медіатексті (інформаційно-публіцистичного спрямування) обумовлений головним чином його функціональними особливостями. Тому в сучасних медіатекстах спостерігаємо активізацію функціонування мовних одиниць, які привертають увагу своєю нестандартністю, нетиповістю, оригінальною формою та влучним змістом. Такі елементи мовлення, як неологізми, okazіоналізми, трансформовані фразеологізми, неосемантизми, каламбури тощо, є проявом індивідуальної авторської мовотворчості.

Індивідуально-авторські інновації – наслідок мовно-естетичного освоєння екстралінгвістичного світу. Вони «не тільки відображають певні реалії чи ірреалії

навколишнього світу, а й характеризують їх, створюють відповідні образи, передають інформацію про нові речі, вичленовані внаслідок суб'єктивного, індивідуального пізнання» [4, с. 24]. Вивчення природи okazіонального слова має значення як для номінативної, так і для комунікативної деривації.

Різноаспектне дослідження явищ неології, зокрема okazіональності, висвітлено в працях А. Загнітка, О. Жижомі, Є. Карпіловської, Ж. Колоїз, Д. Мазурик, А. Нелюби, О. Стишова, Л. Струганець, О. Турчак та ін. Однак поява новотворів з новими виражальними можливостями – це безперервний процес, який впливає на систему мови, а тому потребує постійної уваги і детального вивчення, що й визначає **актуальність** даної роботи.

Дослідження okazіональних дериватів, виявлених на сторінках публіцистичних текстів, з позиції їх прагматичної значущості (функціонування) дозволить повніше й ґрунтовніше висвітлити цей вид лексики в сучасній українській мові. **Мета** нашої роботи – виявити прагматичні функції okazіоналізмів, а також визначити засоби реалізації експресивної функції, яку виконують неолексеми в мас-медійних текстах. Об'єктом вивчення є неологізми-експресеми, вживані в медіатекстах.

Неолексеми належать до експресивних засобів мови. Їх експресивна функція «виявляється у вираженні адресантом суб'єктивного ставлення до певної ситуації та у бажанні викликати відповідні чуттєві реакції адресата, використовуючи форми з інтенсифікованою виразністю, які включають такі чинники психологічної мотивації, як іронія, пародія, гумор, оцінка, гіперболізація» [5, с. 14].

Експресивність є однією з найскладніших і суперечливих мовних категорій, яка в лінгвістичній науці досі не має однозначного тлумачення. Цей факт пояснюється наявністю різних поглядів на природу і сутність явища експресивності та різних підходів мовознавців до його вивчення. Так, під експресивністю розуміють здатність певної мовної одиниці «підсилювати логічний і емоційний зміст висловленого, виступати засобом суб'єктивного увиразнення мови. Через експресивність виражальних засобів мовець передає своє ставлення і до повідомлення, і до адресата» [1, с. 156]. Експресивність розуміють і як «інтенсифіковану виразність загальнонародних та індивідуально-авторських утворень, які входять до основного лінгвостилістичного фонду даної мови», протиставляючи її поняттю «експресія», яким позначають сам процес інтенсифікації, підкреслення виразності, збільшення вражаючої (діючої) сили вислову [9, с. 7]. У вузькому розумінні експресивність визначають як конотативний відтінок семантичного плану мовних одиниць, об'єднуючи в одному ряді з емоційністю, оцінністю й функціонально-стилістичною забарвленістю [6, с. 140]. Трактують експресивності перш за все як категорії комунікативного плану пояснюється тим фактом, що експресія з'являється здебільшого у мовленні, тобто у процесі організації певного повідомлення [8, с. 12].

Створення експресії на ґрунті okazіональної деривації характеризується певними ознаками. У мовознавчій літературі okazіональна деривація може розглядатися і як номінативний, і як комунікативний процес відповідно до її функціонального призначення [4, с. 4]. Проте реалізуються ці функції не однаковою мірою. Так, номінативна функція okazіоналізмів порівняно із номінативною функцією загальноновживаних слів виявляється слабо. Її переважає функція експресивно-стилістична [9, с. 115]. Підвищена експресивність таких утворень пояснюється їх новизною, свіжістю, несподіваністю та контрастністю щодо нормативних слів.

Okazіональні неолексеми за категоріальним значенням можна поділити на три групи: предметності, процесуальної ознаки і непроцесуальної ознаки. Дерива-

ти утворюються різними способами, продуктивність яких у кожній із груп диференціюється. Основними способами творення okazіональних слів є афіксація, слово- та основоскладання, контамінація, лексико-семантичний та комбіновані способи.

До групи із категоріальним значенням предметності входять назви осіб, предметів, процесів, явищ, опредметнених дій. Експресеми із значенням предметності найбільше представлені суфіксальними утвореннями та композитами.

Творення дериватів за участю однакових формантів часом зумовлює появу різних в емоційному плані похідних. Так, дериват *націоналога* (ПіК 13.01.14) з суфіксом **-юг(а)** виражає негативну оцінку і містить фамільярно-зневажливий відтінок у значенні. У його семантиці яскраво виражені осуд, зневага. На відміну від попереднього деривата іменник *металюга* (ПіК 8.11.13) не має негативної конотації: *Арфістка не думала, що через піввіку вона гратиме на одній сцені з металюгами* (про рок-групу «Scorpions». – С. В.). Суфікс, надаючи іменникові відтінок згрубілості, увиразнює семантичну опозицію *арфістка* – *металюги*.

Деривати *вікіпедист* (ПіК 14.01.14) – власник веб-сайта Вікіпедія та *галерист* (ПіК 1.11.13) – директор музею-галереї крім номінативної виконують експресивну функцію. Яскрава виразність слів зумовлена поєднанням питомого афікса з іншомовною основою.

Експресивність лексеми *«шаровики»* (ДТ 9.11.13) створена за рахунок твірної бази (жарг. «шара», «на шару» тобто задарма, «шаровий» – дармовий), яка поєднується з нейтральним суфіксом **-ик**.

Творення назв жінок за допомогою продуктивного форманта **-к(а)** є нормативним явищем у сучасній мові. Однак у публіцистичних текстах такі назви виконують не тільки номінативну функцію. З метою характеристики особи і вираження власного ставлення до неї автор використовує невідповідність родової належності іменника в мовній системі. Творення назви жіночого роду *верблюдка* (ПіК 18.11.13) від іменника, який вживається тільки у чоловічому роді (правильно *верблюдиha*), створює гумористичний ефект, чому також сприяє контекст з інтерпретованим сталим виразом *«доводити, що ти не верблюдка»*. Даний вислів є okazіональною фразеєю, що виникла в результаті субституції.

Іменник *мовознавка* (ПіК 11.09.13), який є корелятом до чоловічого *мовознавець*, не тільки називає особу, а й виражає іронічне ставлення автора до неї. Схожу конотацію має іменник *дюймовка* (ПіК 16.11.13), що є словотвірним синонімом до *Дюймовочка*. Заміна деминутивного суфікса **-очк** суфіксом **-к(а)** зумовлена необхідністю надати відтінок згрубілості лексемі, яка використовується як зображувальний засіб (*майбутні дюймовки* – мова йде про членів фітнес-клубу).

Віднедавна продуктивний для номінування жінок суфікс **-ин(я)** продовжує поповнювати словотвірний тип новими назвами: *вождиня* (ПіК 26.07.13), *борчиня* (ПіК 11.09.13). Останній дериват є словотвірним синонімом до okazіонального утворення *борщиця*: *Іван Проценко – не єдиний борець за чистоту Києва. Є ще одна «борщиця», яка безсовісно відкушує у хлопця кусок слави* (ПіК 16.01.14). Суфікса **-иц(я)** використано саме зі стилістичною метою – створити каламбур, який виражає зневажливе ставлення до зображуваного об'єкта.

Творення іменника *депутатина* (ПіК 19.06.13) супроводжується порушенням словотвірних норм (іменники зі значенням речовинності за допомогою суфікса **-ин(а)** творяться від прикметникових основ). Мета – створити стилістично знижену лексему, яку додатково увиразнює дієприкметник *тушкована*. Мовна гра побудована на переносному вживанні неосемантизму *тушка*, що віднедавна популярне в політиці для позначення колишніх членів фракцій БЮТ

та НУНС, які перейшли до Партії регіонів чи інших опозиційних блоків. Слово *тушка* стало твірним для цілого ряду дериватів різної частиномовної належності. Серед них іменникові композити: *репутація тушковиробника*, *самостійна тушкофракція*, *парламентський тушкорозсадник*; дієприкметник: *тушкова* тема (ПіК 13.09.13); дієслово *тушкуються*: ...до Верховної Ради прорвуться, але невдовзі *«тушкуються»* (ПіК 23.10.13).

Складні okazіональні утворення вирізняються з-поміж інших неолексем значною експресивною потужністю, яка дає змогу «виражати найрізноманітніші суб'єктивно-експресивні відтінки думки за рахунок поєднання в них різних основ та коренів. Вони мають величезні стилістичні можливості, оцінну силу, поняттєву, пізнавальну й естетичну місткість» [9, с. 13]. Активне використання слово- і основоскладання для індивідуально-авторського словотворення в медіатекстах пояснюється можливістю поєднати в межах однієї номінативної одиниці твірні компоненти, які часто мають непокєднувану природу. Саме на основі такої стилістичної невідповідності між компонентами складного слова формуються семантика і конотація нових експресивних конструкцій з оцінним значенням. Прикладом можуть послужити дериватами з препозитивним компонентом **євро-**, які продовжують активно поповнювати український лексикон: *євроскептицизм* (УПЖ 15.01.14), *єврощедрик*, *єврогроші* (УМ 25.10–1.11.13), *євромісіонери*, *євробюрократи* (ДТ 9.11.13), *євробратія*, *євроінтегратори* (ПіК 26.12.13), *єврошанс* (ПіК 13.11.13), *єврошишки* – урядовці європейських країн (ПіК 22.01.14), *євроафриканець* (ПіК 30.09.13), *єврохохли* (ПіК 13.01.14). Останній іменник утворює антонімічну пару з okazіональним композитом *тундрокацапи* (ПіК 13.01.14). Як антонімічну пару можна розглядати і новоутворення *євроафриканець* – *афроєвропєсць*.

Виразну експресивність має складносуфіксальне *гомополітикус* (ПіК 5.09.2013), утворене за непродуктивним словотворчим типом з іншомовним суфіксом **-ус** (пор.: *француз*, *індус*). Експресію зумовлює один з компонентів основи і афікс.

Деякі складні okazіональні утворення виражають досить прозору семантику: *хабародавці* (УМ 25.10–1.11.13), славетний *вилоносець* (ПіК 16.01.14) (за аналогією до *прапороносець*, *зброносець*), *молодореформатор* (Т 29.11.13), *слабодухи* (ПіК 16.01.14), *однодухи* (ПіК 18.11.13), *псевдофеміністки* (ПіК 14.01.13), *псевдофемініст* (ПіК 30.07.13). Інші ж, навпаки, потребують контексту для з'ясування їх значення, наприклад неологізм *студент–«поплавок»* (ПіК 16.01.14) – студент університету М. Поплавського.

Контамінацією утворені слова-гібриди з яскраво вираженою негативною оцінною семантикою: *апофігей* (ПіК 18.11.13) (апогей + фігня), *клептократія* (ПіК 20.11.13) (клептоманія + демократія), *ліберасти* (ПіК 6.01.14), *хрущоби* (14.06.13) (розм. *хрущівка* + *трущоби*). Експресивність таких композитів виражається саме поєднанням у їх структурі різностильових компонентів, інколи підсилюється okazіональними означеннями: *слаборукі ліберасти* (ПіК 6.01.14).

Okazіональні композити привертають увагу не тільки своєю структурою, а й незвичним, несподіваним поєднанням складових частин на основі як рівноправних, так і нерівноправних відношень: *лайнометання* (ПіК 6.11.13), *сопліжуйство*: Банальне *«сопліжуйство»* всіх трьох гориничів (серед яких Тягнибок є найменшим *«сопліжуєм»*) (ПіК 13.01.14), *правдорубання*: Він отримує від процесу *правдорубання* кайф (ПіК 15.01.14), *столичний зооконцтабір* (ПіК 18.10.13), *медіа-сокира*: Лідери опозиції підставили свої шиї під медіа-сокиру (ПіК 7.11.13), *цицькоперформанси*: Саме на нього і розраховані всі ці *цицькопер-*

форманси» (ПіК 30.07.13) (про заходи, влаштовані активістками руху Femen. – С. В.), **кнопкодави** (ПіК 7.11.13).

Відмінною ознакою каламбурного, виразно оцінного словотворення є формування okazіоналізмів від основ, що в нормі не залучені до таких способів номінації. Так, запозичений префікс **супер-**, який надає значення найвищого ступеня ознаки, у поєднанні зі словом *унітаз* створює комічний ефект через несумісність значень форманта і основи в одній лексемі: *Коштовні суперунітази власної розробки* (ПіК 19.11.13). Подібну лексико-словотвірну семантику виражає похідне *суперкабінка* (ПіК 19.11.13). Синонімом до зазначених вище okazіоналізмів є дериват із запозиченою основою **нео-**: *неотуалет*: *Депутати заявили, що неотуалет спочатку треба спроектувати* (ПіК 19.11.13). На прикладі згаданих лексем спостерігаємо явище взаємопроникнення сфер книжних і народних основ та формантів, які оцінюють названі ними явища в часових та якісних вимірах.

Нейтральні за значенням запозичені компоненти **-стан** і **-дром**, поєднуючись з емоційно маркованими основами, утворюють негативно-оцінні назви локативів: *Абсурдистан* (*Абсурдистан Януковича*), *жлободром*: *Ми всі українці, а не жлободром безрідний* (УПЖ 9.01.14).

Свідоме поєднання різностильових основ та словотворчих формантів (найчастіше запозичених і власне українських) є підґрунтям для появи слів-гібридів з різними оцінними значеннями. Такі слова утворюються всупереч правилам морфотактики сучасної дериваційної граматики. Так, авторський новотвір *фотошоплення* (ПіК 14.01.14) демонструє поєднання питомих і запозичених засобів словотворення (дві іншомовні основи ускладнюються власне українським суфіксом **-енн(я)**). Морфологічні зміни (чергування **п-пл**) теж належать до власне українських мовних явищ.

Серед okazіональних одиниць немало відонімних експресивно-оцінних утворень, наприклад суфіксальне *бандеризація*: *плани бандеризації України* (ПіК 6.01.14) й складно-нульсуфіксальне *Ленінопад* (ПіК 13.01.14). Деякі з таких слів у конкретній соціальній ситуації здатні набувати певної стійкості і активності, що можемо спостерігати на прикладі віднедавна активно вживаного в ЗМІ деривата *Ленінопад*, який означає процес демонтування пам'ятників Леніну в містах України. Цей приклад засвідчує процес актуалізації словотвірної структури слова, яка є передумовою для появи нових потенційно можливих слів такої ж будови (комполит утворений за аналогією до існуючих у мові *листопад*, *снігопад*).

У сфері прикметникової okazіональної деривації має місце активізація певних граматичних категорій, призначених для підсиленого вияву оцінки, експресії, зокрема ступенів порівняння прикметників та прислівників від відносних, присвійних прикметників або якісних прикметників, що називають неградуйовану ознаку: *найамериканськіший, найзірковіший фільм* (УМ 25.10–1.11.13).

Прикметникові композити вирізняються як оригінальністю складових частин, так і характером семантики: *щобожого дня* (УМ 25.10–1.11.13), *«неовишва» інтелігенція* (ПіК 11.10.13), *супер-пуперєвропейські* (28.01.14).

Для творення okazіональних дериватом можуть використовуватися нехарактерні для словотвірної моделі словотворчі засоби. Так, для творення присвійного прикметника від іменника *мер* послуговуються нетиповим для цієї функції суфіксом **-ськ-**. У результаті маємо експресивний прикметниковий дериват *мерський*: *пориви мерської душі, мерська хвороба* (ПіК 2.09.13).

Okazіональну деривацію серед діеприкметників і прислівників засвідчують поодинокі приклади, які також відзначаються яскравістю семантики і незвичною структурою, наприклад діеприкметник *свіжовикрадений* (телефон) (ПіК 18.10.13) (пор.: *свіжовипраний, свіжоскошений, свіжоскопаний*); прислівник з

модифікованим значенням *ниньки*: *стадія зараження, яку споглядаємо ниньки* (ПіК 3.12.13); утворений за аналогією згрубілий дериват *власносрачно*: *саме себе обгадило з голови до ніг, власноручно, чи то пак, власносрачно* (про Добкіна. – С. В.) (ПіК 12.12.13). Часом в індивідуально-авторському словотворенні активізуються і основи-аброморфеми, пор.: конфіксальний прислівник *попеєрівськи* (ДТ 9.11.13) (від ПР – Партія регіонів, конфікс **по-...-и**).

Творення нових дериватів від іншомовних основ за участю власне українських формантів є поширеним явищем у сучасному українському словотворі. У дієслівному okazіональному словотворенні також спостерігаємо пристосування іншомовних елементів до морфологічної системи української мови. Таким чином, лексичний іншомовний матеріал обробляється морфологічною системою української мови: *роботизувати* (від *робот* + **-изува**) (ДТ 9.11.13), (пор.: *систематизувати*, *монополізувати*, *кристалізувати*), *тролити* (від *тролинг* – розміщення навмисне провокаційних або недоречних коментарів, *трол* + **-и**) (Т 28.04–4.05.11), *змікшиувати* (С 12.06.09) (префіксальне утворення від *мікшиувати* – мікс (mix) + **-ирува**, чергування **с/ш**), *євроінтегруватися*: *Один з не багатьох, які ще не встигли «євроінтегруватися» перед Новим Роком* (ПіК 23.12.13). Останній дериват вживається у переносному значенні «поїхати на відпочинок до Європи», тож є підстави кваліфікувати його як неосемантизм.

Відзначимо активізацію конфіксального словотворення дієслів від іншомовних іменникових основ. За участю формантів **за-...-и**, **за-...ува** утворились okazіоналізми *загуглити* (ПіК 16.04.13) (від назви пошукової системи *Google* – транслітероване в *гугл*); *запостити* (від *post* «розміщувати»): *...Facebook, у якому можна і самотійно запостити щось піратське, якщо ліньки шукати чужу «нелегальщину»* (ПіК 14.01.14); *задебільювати*: *Нас просто задебільюють* (ДТ 9.11.2013).

Як показує дослідження, okazіональні новотвори є сильними стилістичними засобами виразності, активно використовуваними в сучасних медіатекстах. Експресивність таких мовних одиниць забезпечують різні словотворчі засоби. Певна кількість нових слів створюється за моделями, що вже існують в мові. Експресивність таких дериватів зумовлена в основному семантикою твірних основ. Інша категорія – okazіоналізми, утворені за нерегулярними словотворчими моделями. У них емоційно-оцінне навантаження виявляє словотворчий формант. В окремих випадках контекст і мовленнєва ситуація уточнюють значення неолексеми. Спільною ознакою для всіх типів okazіональних утворень є те, що словотворчі засоби в їх структурі сприяють виконанню комунікативної функції неолексемами у медіатекстах. Детальне дослідження словотвірної структури та семантики таких дериватів зумовлює подальші розвідки у сфері комунікативної деривації.

Бібліографічні посилання

1. Єрмоленко С. Я. Експресивність / С. Я. Єрмоленко // Українська мова: Енциклопедія / [редкол.: О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін.]. – К., 2000. – С. 156–157.
2. Жижом О. О. Індивідуально-авторські новотвори у поетичному дискурсі 80–90-х років ХХ століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. О. Жижом. – Донецьк, 2003. – 18 с.
3. Клименко Н. Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі: монографія / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. – К. : Вид. дім Дмитра Бурого, 2008. – 336 с.
4. Колоїз Ж. В. Українська okazіональна деривація : монографія / Ж. В. Колоїз. – К. : Акцент, 2007. – 310 с.

5. **Мариненко П. І.** Лексичні новотвори в сучасній іспанській мові : структурний та семантичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.05 / П. І. Мариненко. – К., 2006. – 277 с.
6. **Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія** / авт.-уклад. О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
7. **Стишов О. А.** Сучасне українське словотворення: основні тенденції розвитку / О. А. Стишов // Мовознав. вісн. : зб. наук. пр. на пошану проф. К. Городенської з нагоди її 60-річчя. – Черкаси, 2009. – Вип. 8. – С. 135–146.
8. **Турчак О. М.** Оказіоналізми в мові української преси 90-х років XX століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Турчак. – Д., 2005. – 19 с.
9. **Чабаненко В. А.** Стилїстика експресивних засобів української мови : монографія / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 351 с.

Умовні скорочення

ДТ – «Дзеркало тижня», тижневик;

ПіК – «Політика і культура», часопис;

С – <http://sprotiv.org>;

Т – «Тиждень.ua», журнал;

УМ – «Україна молода», газета;

УПЖ – «Українська правда життя», газета.

Надійшла до редколегії 27.02.14

УДК 811.111' 255.4: 821.161.2

Е. П. Гончаренко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

«ЗАПОВІТ» Т. Г. ШЕВЧЕНКА В ПЕРЕКЛАДАХ Е. Л. ВОЙНИЧ ТА ДЖОНА ВІРА

Розглянуто англomовні переклади програмного вірша Тараса Григоровича Шевченка «Як умру, то поховайте...», більш відомого як «Заповіт». Оглядомo представлено англomовну Шевченкіану; також виокремлено прізвища найвідоміших перекладачів творчості Шевченка. Окрему увагу приділено публікаціям збірок перекладу «Заповіту» іноземними мовами, що вийшли в Україні в різні роки. Чільне місце займає аналіз перекладу вірша у викладі Е. Л. Войнич та Джона Віра.

Ключові слова: художній переклад, поезія Т. Шевченка, стиль поета, інтерпретація, стилістика, семантика, першотвір.

Гончаренко Э. П., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. «ЗАВЕЩАНИЕ» Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ПЕРЕВОДАХ Э. Л. ВОЙНИЧ И ДЖОНА ВИРА

Рассмотрены англоязычные переводы программного стихотворения Тараса Григорьевича Шевченко «Как умру, похороните...», известного под названием «Завещание». Обзорно представлена англоязычная Шевченкиана; также выделены имена хорошо известных переводчиков творчества Шевченко. Отдельное внимание уделено публикациям сборников переводов «Завещания» на иностранных языках, вышедших в Украине в разные годы. Особое внимание сосредоточено на анализе стихотворения в переводах Э. Л. Войнич и Джона Виры.

Ключевые слова: художественный перевод, поэзия Т. Шевченко, стиль поэта, интерпретация, стилистика, семантика, оригинал.

Goncharenko E. P., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *TARAS SHEVCHENKO'S «TESTAMENT» IN THE TRANSLATIONS BY E. L. VOYNICH AND JOHN WEIR*

This article focuses on the English translations of Taras Grigorovich Shevchenko's poem «Dig My Grave...», which is known under the name of «Testament». A brief review of the development of the Anglophone Shevchenko's studies is also represented. Several names of the famous translators of Shevchenko's national poetry are mentioned here, for example, A. Humnytskiy, A. Hunter, H. Ewach, C. Andrusyshen, W. R. Morfill, F. Marchant, W. Kirkconnel and others. Certain attention is paid to the publication of the collections of foreign languages «Testament» translations, which were published in Ukraine from 1960 till 1989. It is stressed that Taras Shevchenko has become a symbol of the Ukrainian national history and the Ukrainian nation. Translations of «Testament» by E. L. Voynich and John Weir are scrutinized too. John Weir's translation is presented in this work in two versions. It is emphasized that the English translations of Shevchenko's poetry help people in the English-speaking countries to understand better the mentality and virtues of ordinary Ukrainian people.

Key words: artistic translation, Shevchenko's poetry, poet's style, interpretation, stylistics, semantics, original text.

Якось автору статті трапилася маленька книжечка видання 1960 року «Т. Шевченко. «Заповіт» мовами народів світу» [8]. На жаль, на сьогодні це вже рідкісне видання, про яке навіть не згадують, а посилаються на переклади тільки видання 1964 та 1989 років. Останнє 1989 року – «Заповіт» мовами народів світу» – містить 147 перекладів.

Вражає те, що у виданні 1960 року «Заповіт» перекладено сорока трьома мовами світу, серед яких сербська, словацька, словенська, фламандська, абхазська, башкирська, кабардинська, осетинська, удмуртська, якутська, чуваська, ненецька, фінська, шведська, японська та ін. Серед перекладів «Заповіту» є і переклад російською О. Твардовського, і німецькою І. Франка, і польською Б. Пастернака, і білоруською Янки Купала, а також англійською Е. Л. Войнич.

Чи задумувалися ми, коли були маленькими, що славнозвісна авторка «Гедзя» («Овода» – «The Gadfly»), роману, яким ми так захоплювалися, чимало років присвятила перекладу Шевченкових творів?

Ми всі вчили програмний вірш Тараса Григоровича Шевченка «Як умру, то поховайте...», більш відомий як «Заповіт», у школі*. Але у дитинстві мало хто з нас задумувався над тим, що цей вірш, і вся поетична спадщина Кобзаря набули розголосу по всьому світові завдяки англомовним перекладам ще в 70–80-х роках XIX сторіччя. Близько вісімдесяти перекладачів намагалися донести творчість Шевченка до англомовного читача. Вагому роль у цьому процесі відіграли українські емігранти в Канаді, Сполучених Штатах Америки, Великої Британії та в інших країнах. Залишаючи Україну, вони не забували свою культуру – мову, пісні, вірші, традиції. Серед таких А. Гончаренко (справжнє ім'я – Агапій Гумницький), який, до речі, був особисто знайомий з Тарасом Григоровичем [11, с. 12] (його перша спроба перекладу Шевченка англійською припадає на 1868 рік), канадці українського походження – Е. Дж. Гантер, П. Канді, О. Івах, Джон Вір, К. Андрусишин. Крім того, перекладами Шевченка займалися фахівці (передусім перший британський україніст В. Морфілл, Ф. П. Марчант, К. Меннінг, В. Кіркконел), і просто відомі літературні постаті, які були залюблені в українську мову та мали творчу «спорідненість» з українським поетом (Е. Л. Войнич та В. Річ). Не можемо оминути увагою й того факту, що наразі в Україні є декілька

* У різних виданнях вірш мав різні назви: «Завіщання», «Заповіт», «Думка», «Остання воля». До речі, в автографі заголовка немає. У виданні «Кобзаря» 1867 року вірш надруковано під редакторською назвою «Заповіт», яка стала традиційною.

фундаментальних розвідок, присвячених Вірі Річ, які насамперед належать лінгвісту та перекладознавцю Р. Зорівчак, Г. Косів, Л. Коломієць, Т. Зарицькій [1–4].

Розглянемо два переклади «Заповіту», зроблені у різні роки такими письменниками-перекладачами, як Е. Л. Войнич та Джон Вір.

Етель Ліліан Войнич – ірландська й англійська письменниця і композитор, перекладач з російської та української мов. Близькість до кола соціалістично-революціонерів з Російської імперії (С. Степняк-Кравчинський, Ф. Волковський), знайомство та одруження з В. Войничем значно вплинули на молоду дівчину, стали поштовхом не тільки до участі в революційному визвольному русі, але й до вивчення української мови. Відомо, що у 1895 році письменниця приїздила до Львова (з метою перевезення забороненої літератури до Росії), де познайомилася з І. Франком та М. Павликом. Вона не могла залишатися осторонь революційних подій. Обдаровану натуру вабило все нове та незнайоме: вона захопилася українською мовою, почала перекладати українські пісні, а також поезії Шевченка. Лише через двадцять років у Лондоні до 50-річчя з дня смерті поета письменниця опублікувала свою збірку «Шість ліричних поезій Тараса Шевченка і «Пісня про купця Калашникова» Михайла Лермонтова» (1911) [12]. До цієї збірки увійшли переклади «Минають дні, минають ночі...» («From Day to Day...»), «Заповіт» («Dig My Grave»), «Мені однаково, чи буду...» («I Care Not»), «Косар» («The Reaper»), «Минули літа молодії» («Winter»), «Зоре моя вечірняя» («Princess» – «Only Friend»). Що важливо, до перекладів Войнич додала біографію Шевченка, адже англомовний читач був недостатньо обізнаний із творчістю українського національного поета (хоча підґрунтя до сприйняття британцями творчого доробку митця заклали такі слав'янофіли й українофіли, як У. Р. Морфілл та Ф. П. Марчант).

Р. Зорівчак вважає переклад «Заповіту» Войнич «найкращим серед перекладів» [2, с. 216]. Очевидно, точному відтворенню поезії сприяли музична обдарованість письменниці і її розуміння революційно-демократичного світогляду великого українського поета, бунтарської суті його творчості, адже сама Е. Л. Войнич брала участь у революційних процесах. Їй був близький дух Шевченкових рядків. З огляду на висловлене, слушною є думка А. Недзвідського: «Виходячи з оцінки роботи перекладачів Шевченкової поезії, можна зробити висновок, що тільки перекладачі-однодумці здатні передати всю ідейну силу, всю художню красу оригіналу, запалити читача тією революційною пристрасстю, яка клекоче в Шевченковій поезії» [6, с. 205].

У перекладі «Заповіту» Е. Л. Войнич збережено контекстуальний зміст вірша, дбайливо відтворено мелодику звучання поезії, художню форму. Письменниці вдалося передати своєрідність стилю оригінального твору завдяки таким прийомам, як перенесення, повтори, риторичні звертання, збереження внутрішньої рими, а й іноді заміна внутрішньої рими алітерацією та асонансами. Звісно, що в перекладі є місця, які потребували від перекладачки відходу від оригіналу з метою музичного перевираження строфи. Наприклад:

Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.

До самого бога
Молитися... А до того
Я не знаю бога [9, с. 284].

I will lie and watch the cornfields,
Listen through the years
To the river voices roaring,
Roaring in my ears.

Right up to the Throne
Where God sits alone;
Clasp His feet, and, pray...
But till that day
What is God to me? [12, p. 31].

На наш погляд, головне те, що цей переклад повністю відтворює першотвір, його художню своєрідність. Письменниця відчула музичну образність вірша, передала бунтарський настрій та волелюбність поета, що свідчить не тільки про силу поетичного слова і обдарованість Войнич, але й про ідейну близькість з автором рядків.

Заповіт

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.
Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу... отойді я
І лани і гори –
Все покину і полину
До самого бога
Молитися... А до того
Я не знаю бога.
Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.
І мене в сем'ї великій,
В сем'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом
(25 грудня 1845 в Переяславі)
[9, с. 284–285].

Dig my grave

Dig my grave and raise my barrow
By the Dnieper-side
In Ukraina, my own land,
A fair land and wide.
I will lie and watch the cornfields,
Listen through the years
To the river voices roaring,
Roaring in my ears.
When I hear the call
Of the racing flood,
Loud with hated blood,
I will leave them all,
Fields and hills; and force my way
Right up to the Throne
Where God sits alone;
Clasp His feet, and, pray...
But till that day
What is God to me?
Bury me, be done with me,
Rise and break your chain,
Water your new liberty
With blood for rain.
Then, in the mighty family
Of all men that are free,
May be, sometimes, very softly
You will speak of me? [12, с. 31].

Англомовний Шевченкіані добре відомий переклад «Заповіту» Джона Віра в трьох редакціях. Джон Вір (справжнє ім'я – Вив'юрський Іван Федорович), канадець українського походження, який народився в родині лісорубів з Івано-Франківщини, письменник і журналіст, також вважається одним із найкращих перекладачів творів Шевченка. Незважаючи на політичну заангажованість (Джон Вір брав активну участь у робітничому та комуністичному русі Канади), значну частину свого життя письменник присвятив рецепції та популяризації творчості Тараса Шевченка в Канаді. Він є автором перекладу близько 29 віршованих та чотирьох прозових творів, зокрема поем «Гамалія», «Катерина», «Гайдаки» (уривки), «Сон», «Кавказ», повісті «Художник» (уривки), та численних критико-біографічних праць про митця (наприклад, «Bard of Ukraine», 1951). Його переклад «Заповіту» відрізняється від перекладу Е. Л. Войнич максимально точним естетичним віддзеркаленням першотвору українського поета. На наш погляд, переклад Джона Віра якнайповніше відтворює складне різноманіття стилістично-семантичної системи Шевченківської поезії зі збереженням почуттів та закликів.

Наведемо два переклади «Заповіту» Дж. Віра. На нашу думку, вони демонструють *спорідненість* (*соприродность* – слово В. Набокова) між автором та перекладачем, яка і допомогла останньому створити те *втілення* (*воплощение* – слово В. Набокова) оригіналу [5, с. 10], яке і називають справжнім перекладом. Пере-

клад Джона Віра звучить невимушено, в ньому відчувається не тільки високий рівень мовної культури інтерпретатора, але і його розуміння підґрунтя мелодики поезії Шевченка.

My Testament

When I die, let me be buried
In my beloved Ukraine,
My tomb upon a grave-mound high
Amid the wide-spread plain,
That the fields, the steppe unbounded,
The Dnieper's plunging shore
My eye could see, my ear could hear
The mighty river roar.
When from Ukraine the Dnieper bears
Into the deep blue sea
The blood of foes ... then will I leave
These hills and fertile fields –
I'll leave them all and fly away
To the abode of God,
To sing His praise But till that day –
I nothing know of God.
Oh bury me, then rise ye up
And break your heavy chains
And water with the tyrants' blood
The freedom you have gained.
And in the great new family,
The family of the free,
With softly-spoken, kindly word
Remember also me [10, с. 79–80].

My Testament

When I am dead, then bury me
In my beloved Ukraine,
My tomb upon a grave mound high
Amid the splendid plain.
So that the fields, the boundless steppes,
The Dnieper's plunging shore
My eyes could see, my ears could hear
The mighty river roar.
When from Ukraine the Dnieper bears
Into the deep blue sea
The blood of foes... then will I leave
These hills and fertile fields –
I'll leave them all and fly away
To the abode of God, and then I'll pray...
But till that day I nothing know of God.
Oh bury me, then rise ye up
And break your heavy chains,
And water with the tyrants' blood
The freedom you have gained.
And in the great new family,
The family of free,
With a softly spoken, kindly words
Remember also me [13, с.184].

Як висновок. Уся поезія Шевченка побудована на мелодійній звучності української мови, її виразності. Мова поета вирізняється емоційною силою, що відтворюється різнобарв'ям асонансів, алітерацій, вишуканістю ритмо-синтаксичного строю. Щоб перекладати вірші Шевченка, треба бути поетом. Звісно, що на це були здатні лише великі майстри. І не важливо, хто це був: Етель Ліліан Войнич, ірландка за походженням, залюблена в українську мову, чи Джон Вір, нащадок українських емігрантів, який відчував рідну мову на генетичному рівні. Важливо те, що вони керувалися основною метою в процесі перекладу, про яку писав Корній Чуковський у своїй фундаментальній праці, присвяченій проблемам художнього перекладу: «Переводчики должны добиваться, чтобы в их переводах каждое стихотворение Шевченко оставалось живым организмом. Для этого есть единственное средство: сопереживание, сотворчество, такое слияние с подлинником, когда переводчику кажется, будто он не переводит, а пишет своё, лирически пережитое им самим, когда он чувствует себя, так сказать, соавтором переводимых стихов. Требуется не только научный анализ мелодики, стилистики, семантики подлинника (без этого никакой художественный перевод невозможен), но и эмоциональное проникновение в духовную биографию автора, поскольку она сказалась в подлежащих переводу стихах» [7, с. 317–318].

Бібліографічні посилання

1. **Зорівчак Р.** Сприйняття особистості та творчості Тараса Шевченка у Великій Британії (Частина 1) / Р. Зорівчак // Всесвіт. – 2011. – № 3–4. – С. 211–215.

2. **Зорівчак Р.** Сприйняття особистості та творчості Тараса Шевченка у Великій Британії (Частина 2) / Р. Зорівчак // Всесвіт. – № 5–6. – С. 215–227.
3. **Зорівчак Р.** Сприйняття творчості та особистості Тараса Шевченка в Канаді (Частина 1) / Р. Зорівчак // Там само. – 2013. – № 3–4. – С. 218–225.
4. **Косів Г.** Віра Річ. Творчий портрет перекладача / Г. Косів. – Л. : Піраміда, 2011. – 264 с.
5. **Кэрролл Л.** Приключения Алисы в Стране чудес : повесть-сказка / Л. Кэрролл. – На англ. и рус. яз. – М., 2001 – 317 с.
6. **Недзвідський А.** Коли перекладачі – однодумці з авторами / А. Недзвідський // «Хай слово мовлено інакше...». Проблеми художнього перекладу. Статті з теорії, критики та історії художнього перекладу / упоряд. В. Коптілов. – К., 1982. – 295 с.
7. **Чуковский К. И.** Высокое искусство / К. Чуковский. – М. : Сов. писатель, 1988. – 352 с.
8. **Шевченко Т.** «Заповіт» мовами народів світу / Т. Шевченко. – К., 1960. – 95 с.
9. **Шевченко Т.** Кобзарь / Т. Шевченко. – К. : Рад. школа, 1983. – 608 с.
10. **Shevchenko T.** Selections. Translated by John Weir. – Toronto, 1961. – 142 p.
11. **Subtelny O.** Ukrainians in North America. An Illustrated History / O. Subtelny. – University of Toronto Press. – Toronto, Buffalo, London, 1991. – 283 p.
12. **Voynich E. L.** Six Lyrics from the Ruthenian of Taras Shevchenko, also The Song of the Merchant Kalashnikov from the Russian of Michail Lermontov. Rendered into English verse with a biographical sketch by E. L. Voynich. – London : Elkin Mathews, 1911 (the Vigo cabinet series), № 86. – 63 p.
13. **Weir J.** Selected Works: Poetry and Prose: With Reproductions of Paintings by Taras Shevchenko / J. Weir. – Moscow, 1964. – 468 p.

Надійшла до редколегії 07.03.14

УДК 811. 111'01

И. Д. Гречухина

Академия таможенной службы Украины (г. Днепропетровск)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Изучено иноязычное влияние на формирование корпуса древнеанглийской поэтической лексики; проанализированы результаты этого влияния в виде заимствований, компонентов сложных слов и аффиксов, использовавшихся в поэтическом словообразовании.

Ключевые слова: древнеанглийская поэтическая лексика, заимствование, словосложение, аффиксация.

Гречухина І. Д., Академія митної служби України. **ІНШОМОВНІ ЕЛЕМЕНТИ У СКЛАДІ ДАВНЬОАНГЛІЙСЬКОЇ ПОЕТИЧНОЇ ЛЕКСИКИ**

Вивчено іншомовний вплив на формування корпусу давньоанглійської поетичної лексики; проаналізовано результати цього впливу у вигляді запозичень, компонентів складних слів та афіксів, використуваних у поетичному словотворі.

Ключові слова: давньоанглійська поетична лексика, запозичення, словоскладання, афіксація.

Grechukhina I. D., Customs Academy of Ukraine. **FOREIGN ELEMENTS IN OLD ENGLISH POETIC DICTION**

The objective of the article is the analysis of foreign influence on the development of Old English poetic diction (words used only in poetry). The major means of developing poetic vocabulary was compounding. Numerous authors made research into peculiarities of poetic compounds (mainly nouns) while other ways of word-formation in poetry lacked the attention of specialists. The article is

aimed at studying forms and results of foreign influence on Old English poetic diction. The subject of article was prompted by particular conditions under which Old English poetry developed. Rooted in oral Common Germanic tradition it was created in VII – XI centuries which saw events crucial for Anglo-Saxons. They came in contact with various tribes and in 597 A. D. converted into Christianity, which was of paramount importance. Poetry turned to new subjects and heroes. Hence the question arises whether that was reflected in poetic diction. The analysis has revealed traces of three languages (Celtic, Slavonic and Latin) in the vocabulary of Old English poetry. The effect of the first two of them was slight, while Latin exerted greater influence on poetic language, which is accounted for by two factors: 1) Latin was the language of a highly developed civilization; 2) it was the language of Christianity. The effect of foreign languages revealed itself in two ways: directly (borrowed words, affixes and components of compound words) and indirectly (loan words and semantic derivation). The article provides a detailed analysis of the direct foreign influence on Old English poetic vocabulary. The peculiarities of the indirect influence which, as preliminary study has shown, was quite noticeable will become the objective of further research.

Key words: Old English poetic diction, borrowings, compounding, affixation.

Одной из важнейших задач теории и истории поэтического языка, в том числе древнеанглийского, является изучение путей развития и формирования словарного состава поэзии, способов поэтического словообразования. Однако, несмотря на пристальное внимание исследователей (F. P. Magoun, W. F. Bryan, J. R. Hulbert, A. G. Brodeur, A. A. Неёлов, М. И. Стеблин-Каменский), нельзя признать, что способы образования слов в поэзии англосаксов изучены исчерпывающе. Дело в том, что в работах указанных авторов рассматривается лишь один способ создания новых слов – словосложение, причём в системе имени. Такое внимание к словосложению объясняется его ведущей ролью в древнеанглийском поэтическом словообразовании [2, с. 19], но характеристика образования слов в поэзии будет неполной без анализа других способов роста и развития поэтического словаря. Настоящая работа продолжает серию наших публикаций о словообразовании в системе древнеанглийской поэтической лексики [2–5].

Древнеанглийская аллитерационная поэзия восходит к дописьменной древнегерманской традиции и её словарный состав является в подавляющей степени исконным. Однако в процессе развития поэзии (VII–XI вв.) ломались привычные жизненные устои, происходили события огромной исторической важности, менялись народы, с которыми контактировали англосаксы, изменилась религия (в 597 г. было введено христианство), пополнились источники сюжетов поэзии. Всё это не могло не отразиться в словаре поэзии, однако нам не знакомы работы, специально посвящённые роли иностранных языков в развитии древнеанглийского поэтического словаря.

Целью данной статьи является изучение иноязычного влияния на формирование корпуса древнеанглийской поэтической лексики (поэтизмов), понимаемой как лексика, употребляемая исключительно в поэзии. Достижение указанной цели предполагает в качестве практической **задачи** выявление форм влияния иностранных языков на лексику древнеанглийской поэзии и анализ результатов этого влияния.

Материалом исследования служат поэтизмы, отобранные путём сплошной выборки из англосаксонского словаря Дж. Кларка Холла [11].

Исследование показало, что влияние иностранных языков на состав древнеанглийской поэтической лексики происходило непосредственно путём заимствования иноязычных элементов (лексических единиц и словообразовательных формантов – компонентов сложных слов и суффиксов) и опосредованно (калькирование и толчок к развитию новых значений у исконных и ранее заимствованных из других языков лексических единиц).

В данной статье излагаются результаты изучения непосредственного влияния иностранных языков на формирование корпуса древнеанглийских поэтизмов.

Займствование. Известно, что языком, оказавшим наибольшее влияние на словарный состав древнеанглийского языка в целом, был латинский. Число латинских заимствований составляет по разным оценкам 400-600 единиц [6, с. 13]. Относительно влияния других языков нет единого мнения. Так, одни авторы говорят о существовании в древнеанглийском языке скандинавских заимствований [10, с. 120], другие считают, что древнеанглийский и древнескандинавский языки были близкородственными и отношения между ними были скорее междиалектными, чем межъязыковыми [6, с. 93; 7, с. 247]. Это касается и отношений между древнеанглийским, древнесаксонским и готским языками. Разделяя последнюю точку зрения, мы считаем, что имеющиеся среди древнеанглийских поэтизмов немногочисленные слова, отнесённые Холлом к скандинавским заимствованиям, в действительности таковыми не являлись. Что касается заимствований из славянских языков, то в древнеанглийском они были минимальными по сравнению с другими западногерманскими языками. Немногочисленными были и заимствования из кельтского языка, поскольку кельты и англосаксы мало контактировали друг с другом.

Все заимствованные древнеанглийские поэтизмы (10) являются латинскими. Это исключительно гапаксы: *bises* «дополнительный день в високосном году» («Месяцеслов»^{* 32}), *clerus* «духовное лицо» («Парижская псалтырь»), *culpa* «вина» («Христос»¹⁹⁷), *mūr* «стена» («Христос»¹¹⁴³), *pernex* – предположительно «вид птиц» («Загадки»^{41 66}), *sallettan* «петь псалмы» («Парижская псалтырь»^{104 2}), *cheruphin* «херувим» («Елена»⁷⁵⁰), *sōl* «солнце» («Парижская псалтырь»^{120 6}), *erinaces* «ежи» («Парижская псалтырь»^{103 17}), *mysci* «мухи» («Парижская псалтырь»^{104 27}). Половина этих слов встречалась в «Парижской псалтыри», что объясняется латинским текстом-основой. Слова *clerus*, *bises*, *erinaces*, *mysci* употреблены в морфологически неассимилированной форме. Они, как и *sōl*, *mūr*, *cheruphin*, *pernex* (последнее слово является результатом непонимания древнеанглийским поэтом латинского слова *pernix* «проворный, ловкий») выглядят иноязычными вкраплениями в древнеанглийскую ткань повествования.

Итак, количество заимствований среди древнеанглийских поэтизмов было невелико – 10. В дальнейшем, в среднеанглийский период, словарь аллитерационной поэзии пополнился большим количеством заимствований, прежде всего французских и скандинавских [12; 13].

Аффиксация. Единственным заимствованным аффиксом, использованным в образовании поэтизмов, был агентивный суффикс *-are* (др.-англ. *-are* < лат. *-arius*). Однако роль его незначительна: он присутствует всего в трех словах (*bindere*, *swingere* и *weorpere*) и в поэтическом словообразовании был внесистемен. Отметим, что в древнеанглийском языке в целом суффикс *-are* был наиболее продуктивным среди суффиксов агентивных имён [1, с. 110; 8, с. 6] и образования с этим суффиксом использовались прежде всего в прозе и глоссариях [9, с. 85]. Упомянутые выше поэтизмы с *-are* являются гапаксами и, более того, употреблены рядом в одной загадке («Загадки»³⁸). В данном случае перед нами результат влияния непоэтической традиции.

* Число после названия памятника означает строку, после псалмов и загадок нижнее – номер произведения, верхнее – строка.

Словосложение было важнейшим средством образования поэтической лексики. Посредством словосложения образовано 3087 поэтизм из 4433. В поэтическом словосложении использовалось 1293 компонента. Подавляющее большинство компонентов сложных слов в поэзии были исконными по происхождению. Лишь 36 из них являлись заимствованными из других языков (таблица). Прежде всего это 29 компонентов латинского происхождения, участвующих в образовании 94 поэтических сложных слов. Кроме них, в образовании сложных поэтизм участвовали 5 компонентов кельтского происхождения (они дали 13 композитов) и 2 компонента славянского происхождения (22 сложных слова).

Иноязычные компоненты в составе сложных поэтизм

Компонент		Язык – источник	Композит	Компонент		Язык – источник	Композит
<i>calend</i>	начало месяца, месяц	лат.	1	<i>cēap</i>	скот, цена, имущество	лат.	3
<i>cāsere</i>	император	лат.	1	<i>cēaster</i>	город	лат.	3
<i>cīest</i>	сундук, ящик	лат.	1	<i>draca</i>	дракон	лат.	3
<i>ciric</i>	церковь	лат.	1	<i>engel</i>	ангел	лат.	3
<i>chlūstor</i>	тюрьма	лат.	1	<i>segn</i>	знак, знамя	лат.	3
<i>dūn</i>	холм	кельт.	1	<i>stræt</i>	улица, дорога	лат.	4
<i>gīgant</i>	великан	лат.	1	<i>ambiht</i>	слуга	кельт.	5
<i>mylen</i>	мельница, дробилка	лат.	1	<i>camp</i>	битва, борьба	лат.	5
<i>orc</i>	подземный мир	лат.	1	<i>dēofol</i>	дьявол	лат.	5
<i>psalterium</i>	псалтырь	лат.	1	<i>pīl</i>	острие, копье	лат.	5
<i>regol</i>	закон, правила	лат.	1	<i>rīce</i>	власть, королевство	кельт.	5
<i>rīce</i>	могущественный	кельт.	1	<i>serce, syrce</i>	рубашка	слав.	6
<i>sealm</i>	псалом	лат.	1	<i>gimm</i>	драгоценный камень	лат.	7
<i>sigle</i>	украшение		1	<i>wīc</i>	расположение; место стоянки, лагерь	лат.	7
<i>sinod</i>	синод	лат.	1	<i>candel</i>	свеча, свечоточ	лат.	8
<i>torr</i>	высокая скала	кельт.	1	<i>wīn</i>	вино	лат.	9
<i>ancor</i>	якорь	лат.	2	<i>weall</i>	стена	лат.	12
<i>mīl</i>	миля	лат.	2	<i>meodu, medu</i>	мёд (напиток)	слав.	16

Большой удельный вес латинизмов среди иноязычных компонентов древнеанглийских композитов объяснялся двумя основными причинами: 1) непосредственным контактом с римлянами и влиянием римской цивилизации в дохристианскую эпоху; 2) влиянием христианства через латынь. Семантика заимствованных компонентов была различной: они обозначали объекты окружающей среды (*cīest*, *mylen*, *sigle*, *ancor*, *mīl*, *cēap*, *stræt*, *weall* и др.), общественное устройство

(*cāsere, clūstor, regol*), христианские понятия (*ciric, psalterium, sealm, sinod, engel, dēofol*).

Результаты исследования показывают, что иноязычное влияние, хоть и находилось на периферии поэтического словотворчества, сыграло определённую роль в развитии словаря древнеанглийской поэзии. Среди языков, оставивших свой след в образовании слов в поэзии, были кельтский, славянский и латинский. Участие первых двух в развитии корпуса древнеанглийских поэтизмов было незначительным. Роль латыни как языка более развитой материальной культуры, цивилизации, а позднее и христианства была более заметной. В работе проанализированы такие виды иноязычного (главным образом, латинского) влияния на поэтическую лексику, как заимствования, участие в словопроизводстве (образование слов с помощью латинских суффиксов) и словосложении (использование иноязычных слов в качестве компонентов композитов). Предварительные наблюдения показали, что латинский язык в гораздо большей степени способствовал обогащению древнеанглийской поэтической лексики через калькирование и семантическую деривацию, что станет предметом дальнейших исследований.

Библіографічні посилання

1. **Анацкий И. Н.** Модели имени действующего в древнегерманских языках / И. Н. Анацкий // Проблемы морфологического строя германских языков. - М., 1963. - С. 135-145.
2. **Гречухина И. Д.** Префиксация как способ образования древнеанглийской поэтической лексики / И. Д. Гречухина // Англістика та американістика : зб. наук. пр. – Д., 2009. - Вип. 6. - С. 19-23.
3. **Гречухина И. Д.** Суффиксация как способ образования древнеанглийской поэтической лексики / И. Д. Гречухина // Там же. – 2010. - Вип. 10. - С. 12-18.
4. **Гречухина И. Д.** Семантическое словообразование в древнеанглийской поэзии / И. Д. Гречухина // Там же. – 2012. - Вип. 9. - С. 16-22.
5. **Гречухина И. Д.** Словосложение как способ образования древнеанглийской поэтической лексики (прилагательное) / И. Д. Гречухина // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. : Мовознавство. – 2013. - Вип. 19, т. 2. - С. 52-58.
6. **Секирин В. П.** Заимствования в английском языке / В. П. Секирин. - К. : КГУ, 1964. - 152 с.
7. **Смирницкий А. И.** Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. - М. : Лит. на иностр. яз., 1956. - 260 с.
8. **Солонович Т. Ф.** Развитие тематической группы наименований лиц по профессии в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ф. Солонович. – Мн., 1986. - 16 с.
9. **Сравнительная грамматика германских языков** / отв. ред. М. М. Гухман. - М. : АН СССР, 1963. - Т. 3. Морфология. - 455 с.
10. **Baugh A. C.** A History of the English Language / A. C. Baugh. – N. Y. – L.: Appleton – Century Co, 1935. – 509 p.
11. **Clark Hall J. R.** A Concise Anglo-Saxon Dictionary / J. R. Clark Hall. - Cambridge: The University Press, 1931. - 437 p.
12. **Morris R.** Historical Outlines of English Accidence / R. Morris. - N. Y., 1899. - XIII, 463 p.
13. **Offord M. Y.** Introduction to: The Parlement of the Thre Ages. – London : Oxford University Press, 1959.

Надійшла до редколегії 28.02.14

УДК 81'367.321

О. В. Гурко

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара***КАТЕГОРІЯ СТВЕРДЖЕННЯ ЯК ОДНА З МОДУСНИХ КАТЕГОРІЙ
(теоретичний аспект)**

Проаналізовано сутність ствердження в лінгвістичних дослідженнях та розглянуто співвідношення модусу і модальності, а також обсяг мовних явищ, закріплених за кожною із цих категорій. З'ясовано питання про належність категорії ствердження до модусних категорій, виявлено взаємозв'язок категорій ствердження й модальності. Серед модальних характеристик висловлень виділено значення ствердження / заперечення та показано їх функційну взаємодію зі значеннями можливості / неможливості, бажаності / небажаності тощо. Установлено, що ствердження виражає стосунок до дійсності за такою ознакою, як наявність у реальності зв'язку між певним предметом та його характеристикою.

Ключові слова: категорія, речення, ствердження, модальність, модус, суб'єктивна модальність, об'єктивна модальність.

Гурко Е. В., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара.
**КАТЕГОРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Проанализирована суть утверждения в лингвистических исследованиях и определен статус модуса и модальности, а также объем языковых явлений, закрепленных за каждой из этих категорий. Выяснен вопрос о принадлежности категории утверждения к модусным категориям, выявлена взаимосвязь категории утверждения и модальности. Среди модальных характеристик высказываний выделено значение утверждения / отрицания и показано их функциональное взаимодействие со значениями возможности / невозможности, желательности / нежелательности и т. п. Установлено, что утверждение выражает отношение к действительности по такому признаку, как наличие в реальности связи между определенным предметом и его характеристикой.

Ключевые слова: утверждение, категория, модальность, модус, предложения, субъективная модальность, объективная модальность.

Hurko O. V., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE CATEGORY OF AFFIRMATION AS ONE OF THE CATEGORY OF MODUS (THEORETICAL ASPECTS)**

The question of belonging the category of affirmation to the category of modus is one of the problematic in modern linguistics. The relationship between categories of statements and modality has been discussed for a long time by the Ukrainian and foreign linguists. Some researchers interpret the category of affirmation as a part of the category of modality (V. Admoni, E. Halkina-Fedoruk, V. Babaytseva). Other linguists recognize the category of modality and affirmation really closely related, considering them as separate independent syntactic category (N. Shvedova, E. Shendels, K. Habuchan, O. Syrotinina).

Therefore, the goal of this study is to clarify the essence of affirmation in linguistic research and to determine the status of modus and modality, and the amount of linguistic phenomena assigned to each of these categories.

Determining the nature of affirmation was due to different approaches of researchers. In particular, G. Hegel speaks about identity the concept of reality and affirmation. E. Halkina-Fedoruk considers that statement is opposed to denying the act of thinking in which affirms the presence of a fact, but also any statement is the negation of «being».

According to the conception of V. Hack the category of modus reflects the different components of the communicative act: 1) conformity to the predication of reality, including the category of modality (possibility and reality, certainty and uncertainty, the affirmation and negation), 2) the communicative directive of the utterance (narration, questions, suggestions, motivation), and 3) an informative directive of the utterance, and 4) the structure of the speech act (the person who is the

sender of communication), 5) conditions of speech act relating to the social aspects of communication, 6) emotivation.

Affirmations and negations among the characteristics of modal statements are highlighted. Their functional interaction with the meaning of possibility / impossibility, desirability / undesirability is shown. The affirmation expresses a relationship to reality on such features as the presence in reality the connection between the subject and its specific characteristics.

So the expressive character of affirmative units, showing agreement with the speaker previously expressed opinion or subjective interpretation of the situation gives reason to define the category of affirmation as one of the category of *modus*.

Key words: *affirmation, category, modality, modus, sentence, subjective modality, objective modality.*

Досить проблемним та актуальним у лінгвістиці є питання про належність категорії *ствердження* до модусних категорій. До обґрунтування терміна *модус* українські та іноземні лінгвісти впродовж тривалого часу дискутували про співвідношення категорій ствердження й модальності. Одні дослідники тлумачать категорію ствердження як складову частину категорії модальності (В. Г. Адмоні [2], К. М. Галкіна-Федорук [12], В. В. Бабайцева [3]), інші, визнаючи категорії модальності й ствердження справді близькими, пов'язаними між собою, розглядають їх як окремі самостійні синтаксичні категорії (Н. Ю. Шведова [26], Є. І. Шендельс [27], К. В. Габучан [10], О. Б. Сиротініна [22]).

Лінгвісти, які вважають категорії ствердження та модальності самостійними, прагнуть, утім, вирішити питання їх співвіднесеності. Йдеться загалом про зв'язок між ствердженням і основним модальним значенням речення. Аналіз відомих у спеціальній літературі формулювань, що розкривають сутність співвідношення ствердження й модальності, дає змогу виокремити три підходи до визначення цього явища. У першому випадку ствердження розглядають як форму, у якій реалізують об'єктивну модальність [24, с. 7]. За другим підходом об'єктивну модальність трактують як форму, у якій знаходять вираження стверджувальні речення [18, с. 48]. Третій погляд зводиться до того, що ствердження цілком підпорядковане загальному модальному значенню речення [27, с. 140].

Є. І. Шендельс, відзначаючи, що «ствердження і заперечення наявні за будь-якої модальності, не впливаючи на неї», наголошує на тому, що в деяких випадках заперечення в одному зі своїх побічних значень може виражати модальність – «саме тоді, коли воно втрачає свою заперечну силу, наприклад, у суб'єктивному питанні» [27, с. 141]. М. Грепл, відзначаючи, що «... до модальності в принципі не відносять ствердження і заперечення», підкреслює, «що лише в деяких випадках ствердження й заперечення мають модальне значення» [14, с. 300].

Мета нашого дослідження полягає в тому, щоб з'ясувати сутність ствердження, спроектувати статус модусу й модальності, а також обсяг мовних явищ, закріплених за кожною з цих категорій.

Неоднакове тлумачення зв'язку між категорією ствердження та модальності зумовлене різними підходами дослідників до визначення сутності ствердження [4, с. 30]. Зокрема, Г. В. Гегель говорив про тотожність поняття *реальність* та *ствердження*. Він наголошував на тому, що, «...розглядаючи термін «реальність», передусім потрібно торкнутися метафізичного поняття Бога, від якого походять онтологічні докази його буття. Бог – це сукупність усіх реалій, які не є протилежними» [13, с. 173]. За Г. В. Гегелем, реальність потрібно трактувати як досконалість чи будь-яке *ствердження*, що не містить жодного заперечення» [Там само, с. 173].

Є. М. Галкіна-Федорук вважала, що ствердження – це протилежний запереченню акт мислення, у якому встановлюється наявність якого-небудь факту, але водночас будь-яке ствердження є запереченням «буття» [12, с. 21].

Як зазначав Т. П. Ломтєв, «ствердження і заперечення являють собою логічні операції, визначувані з погляду логічної валентності і висловлення... (вони однаково виражають наявність чи відсутність чого-небудь у будь-якому модальному плані)» [17, с. 89].

Співвідношення категорії ствердження та модальності залежить не лише від трактування сутності ствердження, а й від визначення обсягу категорії модальності.

Уперше питанням про співвідношення модальності та модусу зацікавився Ш. Баллі, який давав широке тлумачення категорії модальності, прирівнюючи її до модусу й вважаючи, що найхарактерніше ця категорія представлена в складно-підрядних реченнях. Він започаткував дослідження протиставлення в структурі висловлення диктуму та модусу. Ш. Баллі визначав модальність як «мовну форму вираження інтелектуальної оцінки, або емоційної оцінки, або волевияву» [5, с. 215]. Проблема співвідношення диктуму й модусу в структурі висловлення пройшла кілька етапів. У теоретичному синтаксисі в контексті зміни лінгвістичних парадигм здійснено переорієнтацію: від опису значення окремих складових частин речення (формальний аналіз) до аналізу висловлення (функційний аналіз). Співвідношення модусу та диктуму пов'язують з теорією синтаксичної номінації, теорією референції, преференційно-денотативною концепцією семантики речення, у якій розглядався передусім аспект співвідношення структури речення та його змісту.

У сучасній лінгвістиці багато досліджень спрямовано на розмежування модальності та модусу, визначення обсягу мовних явищ, закріплених за кожною із цих категорій. Так, В. Д. Шинкарук вважає, що категорії модусу й модальності ґрунтуються на принципі комунікативної орієнтації (модус установлює відношення до адресата, адресанта, предмета комунікації, змісту висловлення та його мовного оформлення, тоді як модальність виражає відношення адресата до змісту висловлення з погляду реальності чи ірреальності) [28, с. 54].

Значний вплив на визначення категорії модальності мали праці В. В. Виноградова [8], В. Г. Гака [11], Г. А. Золотової [15]. В. В. Виноградов визначав модальність як основну мовну категорію, властиву різним мовам, що має специфічні засоби вираження залежно від системи конкретної мови. Учений підкреслював, що ця категорія «охоплює всю тканину мовлення» [8, с. 57].

Г. А. Золотова зазначала, що в стверджувальних та заперечних реченнях відображено факт реальної дійсності: заперечення одного факту є ствердженням іншого [15, с. 68]. Вона підкреслювала, що ствердження й заперечення беруть участь у формуванні модальності як категорії багатоаспектної, але в тісному зв'язку з іншими чинниками.

Згідно з концепцією В. Г. Гака, категорія модусу відображає різні складові частини комунікативного акту і включає: 1) відповідність предикації дійсності, у тому числі категорію модальності (дійсність і можливість, впевненість і невпевненість, а також ствердження і заперечення); 2) комунікативну настанову висловлення (розповідь, питання, побажання, спонування); 3) інформативну настанову висловлення; 4) структуру мовленнєвого акту (особа, яка є відправником комунікації та дейксис); 5) умови мовленнєвого акту, пов'язані із соціальним аспектом комунікації; 6) емотивність [11, с. 19–26].

М. Грепл фіксував загальну (основну), волюнтативну та модальність істинності, визначаючи основну модальність як невід'ємну ознаку будь-якого висловлення, серед волюнтативної модальності виокремлював потреби, можливість і намір, а в межах модальності істинності розрізняв різні ступені впевненості мовця в змісті висловлення [14, с. 277, 286–289].

О. І. Ніка в статті «Теорія модусу в сучасній лінгвістиці» зазначає: «Модус є когнітивною ознакою, оскільки вербалізує в тексті результат когнітивного процесу мовця, який оцінює, виявляє певні характеристики дискурсивної ситуації, що постулюється ним як актуалізована (категорія локації), розглядається крізь призму знання мовця (категорія епістемічності), її реальності/ірреальності (категорія модальності), ступеня впевненості щодо встановлюваних ним відношень (категорія персуазивності), як і відомості про неї, що ґрунтується на власних перцептивних характеристиках чи переосмислена мовцем через свідомість «іншого» (категорія евіденційності)» [19, с. 21]. Мовознавець наголошує, щоб уникнути термінологічної невпорядкованості та синонімічності, доцільно визначити *модус* як метакатегорію, а *модальність* – як одну з модусних категорій, що позначає реальність/ірреальність повідомлюваного дійсності з погляду мовця і перебуває у взаємозв'язках з іншими категоріями [Там само, с. 21]. Отже, категорія модальності передає відношення змісту речення до дійсності щодо її реальності чи ірреальності. За В. В. Виноградовим, «те, що повідомляється, може мислитися мовцем як реальне, наявне в минулому чи тепер, як те, що реалізується в майбутньому, як бажане, як те, чого потребують...» [7, с. 16]. Ствердження виражає відношення до дійсності за такою ознакою, як наявність у реальності зв'язку між певним предметом та його ознакою [16, с. 26].

На модальному характері ствердження і заперечення наголошував В. Г. Адмоні, зазначаючи, що є «багато градацій: від підкресленого ствердження до повного заперечення з такими перехідними формами, як неупевненість, сумнів... Реальність оцінюють у сфері граматичної модальності саме з позицій мовця, а не відповідно до логічних правил визначення істинності чи неістинності висловлення. Адже в тій оцінці мовця може виявлятися й часткова необізнаність, і свідома неправда» [2, с. 88].

Широке тлумачення категорії модальності властиве концепції П. Адамця, у якій до переліку модальних значень зараховано *ствердження, питання, спонування; реальність, достовірність, ймовірність, нереальність; ствердження, заперечення; потребу, можливість, намір* [1, с. 88].

Комплексне, багатоаспектне дослідження модальних значень запропонували російські мовознавці під керівництвом О. В. Бондарка [23]. Серед модальних характеристик висловлень вони назвали й значення *ствердження / заперечення*, наголосивши на їх функційній взаємодії зі значенням можливості / неможливості, бажаності та ін. [23, с. 68, 71].

Л. О. Бірюлін та Є. Є. Корді серед основних видів модальних значень у лінгвістиці виділяють: 1) оцінку мовцем змісту висловлення з погляду реальності / ірреальності; 2) оцінку ситуації висловлення з погляду можливості / потреби / бажаності; 3) оцінку мовцем ступеня впевненості у висловленні; 4) комунікативну функцію висловлення, яку визначають цільовою настановою мовця; 5) ствердження / заперечення об'єктивних зв'язків між об'єктами, явищами, подіями; 6) емоційну / якісну оцінку висловлення [23, с. 68].

В енциклопедії «Українська мова» автор статті І. Р. Вихованець констатує, що модальність – функційно-семантична категорія, яка виражає відношення змісту висловлення до дійсності або суб'єктивну оцінку висловлюваного. Під цим терміном розуміють широке коло явищ різних мов, рівнів. Центральним у категорії модальності є значення реальності/нереальності. До сфери модальності зараховують також значення, що відбивають характер комунікативної спрямованості висловлень (повідомлення, питання, спонування), протиставлення їх за ознакою ствердження / заперечення, вияви впевненості мовця в достовірності думки, зміс-

тові варіації зв'язку між підметом і присудком, виражені допоміжними словами на зразок *може, має, хоче, повинен* та ін. [25, с. 385].

У мовознавчих працях останніх років, у яких розглядають питання модальності речення, вживають терміни «об'єктивна модальність», або «первинна», і «об'єктивно-суб'єктивна», або «суб'єктивна», чи «вторинна». Об'єктивна модальність виражається в категорії способу і є обов'язковою ознакою речення, тоді як суб'єктивна є ознакою факультативною (не обов'язковою), наявність якої визначають завданням конкретного акту комунікації. До широкого кола суб'єктивно-модальних значень належать значення підсилення, тобто підкреслення, експресивної оцінки, впевненості – невпевненості тощо [21, с. 31].

Об'єктивно-модальне значення властиве кожному простому реченню сучасної української мови. Воно може бути реалізоване трьома способами: *морфолого-синтаксичним, інтонаційно-синтаксичним, лексико-синтаксичним*. Кожен із цих способів має свої засоби вираження об'єктивно-модального значення: морфолого-синтаксичний – це спосіб дієслівний; інтонаційно-синтаксичний проявляється у модальній інтонації; лексико-синтаксичний втілюється в модальних лексичних елементах [9, с. 5].

На противагу об'єктивній суб'єктивна модальність не становить обов'язкового елемента кожного висловлення, а може нашаровуватися на основну модальну кваліфікацію, яку зазвичай передає спосіб дієслова. Вона створює додаткову модальну інтерпретацію висловлень. В українській мові є спеціальні лексико-граматичні класи слів – модальні слова, а також словосполучення і речення – їх функційні еквіваленти. До модальних слів належать модальні частки, що означають невпевненість, недостовірність, припущення, здогад тощо: *наче, начеб, начебто, неначе, неначебто, немов, немовби, ніби, нібито, хіба що* [25, с. 366].

Одним із засобів вираження суб'єктивної модальності в реченні є вставні одиниці. Значення впевненості (ствердження) мовця у повідомлюваному мають у реченні вставні одиниці на зразок: *звичайно, безумовно, справді, звісно, зрозуміло, природно, без сумніву, як відомо, само собою зрозуміло, природна річ, звичайна річ, певна річ, певне діло, немає сумніву, я певен, як ви знаєте, смію запевнити присутніх, згадаєте моє слово* тощо, наприклад: «Звісно, всяк буває» (О. Гончар); «Звичайно, там уже такої краси не буде» (О. Довженко) [21, с. 31].

Дуже поширені у мовленні інтонаційні засоби, які супроводжують основний зміст повідомлення емоційно-експресивними відтінками впевненості, сумніву, недовіри, іронії тощо. Іноді суб'єктивної оцінки висловленому надають зміною порядку слів, наприклад, переміщенням головного члена речення в початкову позицію з відповідним його інтонаційним оформленням [25, с. 386].

Підкреслимо, що в сучасному мовознавстві розмежовують категорію модальності як одну з модусних категорій, що позначає реальність / ірреальність повідомлюваного до дійсності з погляду мовця і взаємопов'язана з іншими категоріями [19, с. 21–22]. Досліджуючи зв'язок категорій ствердження та модальності, на нашу думку, варто дотримуватися такої концепції: ці дві категорії взаємопов'язані й взаємозумовлені. Саме взаємопов'язаністю і взаємозумовленістю можна пояснити суперечності в поглядах деяких дослідників, які або визнають самостійність категорій ствердження й модальності, або визначають ствердження як одну із форм реалізації категорії модальності у вислові.

Отже, виразний характер стверджувальних одиниць, що виявляють згоду мовця з раніше висловленою думкою або його суб'єктивне витлумачення ситуації, дає підстави кваліфікувати категорію ствердження як одну з модусних категорій.

Бібліографічні посилання

1. **Адамец П.** К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности / Пржемысл Адамец // *Ceskoslovenska rusistica*. – 1968. – Т. 13, № 2. – С. 88–94.
2. **Адмони В. Г.** Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1988. – 239 с.
3. **Бабайцева В. В.** Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1979. – 269 с.
4. **Баган М. П.** Категорія заперечення в українській мові : функціонально-семантичні та етнолінгвістичні вияви : монографія / М. П. Баган. – К. : Вид. дім Дмитра Бурого, 2012. – 376 с.
5. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
6. **Бирюлин Л. А.** Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе / Л. А. Бирюлин, Е. Е. Корди // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. – Л., 1990. – С. 67–71.
7. **Виноградов В. В.** Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В. В. Виноградов // *Вопр. языкознания*. – 1954. – № 1. – С. 3–29.
8. **Виноградов В. В.** О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // *Исследования по русской грамматике. Избранные труды*. – М., 1975. – С. 53–87.
9. **Востоков В. В.** Соотношение модальности и лица в простом предложении современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В. В. Востоков. – М., 1977. – 24 с.
10. **Габучан К. В.** Отрицательные структурные схемы простого предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / К. В. Габучан. – М., 1971. – 24 с.
11. **Гак В. Г.** О категориях модуса предложения / В. Г. Гак // *Предложение и текст в семантическом аспекте*. – Калинин, 1978. – С. 19–26.
12. **Галкіна-Федорук Є. М.** Заперечні речення в російській та українській мовах / Є. М. Галкіна-Федорук // *Укр. мова і л-ра в шк.* – 1951. – № 5. – С. 21–31.
13. **Гегель Г. В. Ф.** Наука логики в трех томах / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – 500 с.
14. **Грепл М.** О сущности модальности / М. Грепл // *Языкознание в Чехословакии*. – М., 1978. – С. 300–306.
15. **Золотова Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 386 с.
16. **Куш О. П.** Ствердження і заперечення в українській мові : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. П. Куш. – Вінниця, 2002. – 156 с.
17. **Ломтев Т. М.** Предложение и его грамматические категории / Т. М. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 198 с.
18. **Натансон М. Д.** О модальности предложения / М. Д. Натансон // *Тез. докл. конф. по вопр. грамматики герман. и роман. яз.* – М., 1959. – С. 48–50.
19. **Ніка О. І.** Теорія модусу в сучасній лінгвістиці / О. І. Ніка // *Укр. мова*. – 2011. – № 2. – С. 19–29.
20. **Охріменко В. І.** Смысловая структура модальных единиц : монография / В. І. Охріменко. – К. : Логос, 2011. – 403 с.
21. **Плющ Н. П.** Про один із засобів вираження суб'єктивної модальності речення / Н. П. Плющ // *Укр. мова і л-ра в шк.* – 1975. – № 12. – С. 31–33.
22. **Сиротинина О. Б.** Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с.
23. **Теория функциональной грамматики : Темпоральность и модальность** / [отв. ред. А. В. Бондарко]. – Л. : Наука, 1990. – 263 с.

24. Толстой И. В. Грамматическое отрицание и его функционирование в простом предложении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. В. Толстой. – М., 1972. – 24 с.
25. Українська мова. Енциклопедія / [редкол.: В. М. Русанівський та ін.]. – 3-є вид. зі змінами і доп. – К. : Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2007. – 856 с.
26. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 371 с.
27. Шендельс Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие / Е. И. Шендельс // Уч. зап. МГПИИЯ. – М., 1969. – Т. 19. – С. 137–141.
28. Шинкарук В. Д. Категорії модусу і диктуму у структурі речення / В. Д. Шинкарук. – Чернівці : Рута, 2002. – 271 с.

Надійшла до редколегії 12.02.14

УДК 81.111'373.612

Е. А. Клочко

Академия таможенной службы Украины (г. Днепропетровск)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СЛОВ, ОБЪЕДИНЁННЫХ ПОНЯТИЕМ «УЧЕНИК» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследовано лексико-семантическое развитие английских слов, связанных с процессом обучения и образования и передающих понятие «ученик». Статья является третьей в серии материалов, относящихся к понятиям «учебное заведение», «учитель (преподаватель)». Рассмотрен процесс проникновения и вхождения латинских заимствований в общепотребительную лексику английского языка в новоанглийский период его развития.

Ключевые слова: заимствование, образование, лексика, производные слова, этимология, латинский язык.

Клочко О. О., Академія митної служби України (м. Дніпропетровськ). **ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ГРУПА СЛІВ, ОБ'ЄДНАНИХ ПОНЯТТЯМ «ШКОЛЯР» В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ**

Досліджено лексико-семантичний розвиток англійських слів, пов'язаних з процесом навчання та освіти в цілому, які передають поняття «учень». Стаття є третьою в серії матеріалів, що стосуються лексем зі значенням «навчальний заклад» та «вчитель» / «викладач». Розглянуто процес входження латинських запозичень в загальноновживану лексику англійської мови в новоанглійський період її розвитку.

Ключові слова: запозичення, освіта, лексика, похідні слова, етимологія, латинська мова.

Klochko E. A., Academy of Customs of Ukraine (Dnipropetrovsk). **LEXICO-SEMANTIC WORDS DENOTING THE NOTION «PUPIL» IN THE ENGLISH LANGUAGE**

The article is the third attempt to investigate semantic and lexical development of the special words with the notions «educational establishment», «teacher» and «pupil». The particular paper deals with the problem and development of the word groups denoting the notion pupil (schoolboy, schoolgirl). The process of the borrowings from Latin is investigated. The period of Renaissance certainly added very many Latin words to the English ordinary vocabulary, as well as introducing many which failed to receive general approval. Besides, words belonging to the terminology of scholastic world and disputations found their adoption in Early Modern English. Among words of Latin (or Greek) origin first found in the plays written between 1550 and 1600, there is a number of scientific terms of a more or less specific kind. It is also classical loan-word in a popular stage-play may have caused it to be accepted into current usage. Heard from the lips of a skilled actor, the word may have

sunk into the minds of the spectators more effectively than if they had met it in a written text. Latin being for us a dead spoken language, but in constant literary use we have it at all times. It is a rich source for supplying us with additional words, especially those of the learned kind. The subject of our investigation are the words which (in one or another way) connected with the process of education or teaching and training. It has been said that the influx of Latin words, owing to its literary use has been fairly continuous in English. The investigation of the global sources of the Latin classic and vulgate words is necessary to carry out in the combination with the studies of the interaction of European languages of the Roman origin.

Key words: borrowings, education, lexics, derivatives, etymology, Latin, language.

Целью настоящего историко-семасиологического исследования является описание развития и функционирования слов, объединённых понятием «ученик». Одновременно эта работа завершает цикл статей, связанных с появлением в английском языке понятий «учебное заведение», «учитель», «ученик», которые включены в систему педагогической лексики в целом [4; 5]. Будучи частью того или иного языка, педагогическая лексика связана с общей лексикологией и весьма интересна с точки зрения семантики и этимологии слов.

Образование национальных языков и переход к обучению на родном языке дали толчок развитию педагогической теории и практики [6; 7]. Предметом изучения стали исконные слова, объединённые понятием «ученик» и «студент».

Объектом исследования послужили письменные аутентичные материалы средне- и в основном новоанглийского периода. Несомненно, главным источником пополнения английской лексики в эпоху Возрождения был латинский язык (или латинский через французский). Бруннер приводит такие данные: «Из 20 тыс. слов, включенных Скитом в его этимологический словарь, 2880 заимствованы непосредственно из латинского языка» [2, с. 100]. У исследователей до сих пор нет единого мнения относительно одностороннего или обоюдного влияния латинского языка на европейские языки и степени их взаимовлияния. Английский язык в этом смысле также не исключение. При изучении процесса заимствования возникает вопрос: каким путём приходили слова - книжным (письменным) или устным? В своё время в полемике приняли участие Н. Н. Амосова, Б. Гавранек, Н. С. Шумова и др. [1; 3; 7]. Основным аргументом в пользу книжного пути было то, что употребление латыни в качестве разговорного языка в Англии было социально и функционально ограниченным. Однако, по мнению Н. Н. Амосовой, круг людей, общавшихся на латинском языке, был весьма широк: учёные, духовенство, врачи, юристы и т. д. [1, с. 10]. Нередко слова из латинского языка претерпевали превращения и проникали в английский язык в двух формах: так называемой «вульгарной» латыни и «учёных» форм из французского языка, например:

Разговорная форма из «вульгарной» латыни	«Учёная» форма	Классическая форма
<i>oblisance</i>	<i>obedience</i>	<i>obedientian</i>
<i>penance</i>	<i>penitence</i>	<i>poenitentiam</i>
<i>ransom</i> (англосакс. <i>ransoun</i>)	<i>Redemption</i>	<i>redemptionem</i> [9, с. 264]

В рамках настоящей статьи нашей задачей не является анализ прямых латинских заимствований или через французский язык: это глобальный процесс, к сожалению, не очень глубоко изученный в отечественной лингвистике. Работы, связанные с изучением латинских заимствований в английском языке, как правило, носят характер общих утверждений и описаний этого процесса по периодам (древне-, средне- и новоанглийский) и не дают какой-либо тематической классификации конкретного появления и развития группы слов. Возможно, что изучение

конкретных слов, объединённых понятием «ученик», внесёт некоторую ясность в те особенности, которые имел язык педагогики и обучения как процесс, протекающий в эпоху Возрождения в Англии. Отмечено, что в новоанглийский период происходят значительные изменения компонентов синонимического ряда слов, объединённых понятием «ученик», в частности появление одних (*pupil, schoolboy*) и фактически полное исчезновение других слов (*leornung-cild, -cniht, -man; læring-man; læring-mæden; cleric*). Некоторые члены синонимического ряда (*scholar, disciple*) приобретают новые значения и меняют свою смысловую структуру.

В новоанглийском языке довольно широко и в течении долгого времени употребляются такие слова, как *scholar* и *disciple*. Элиот, например, использует их как синонимы: «*The most necessary things to be observed by a master in his disciples or scholars is shamfastness and prais ...*» («Самое главное, что должен отмечать учитель в своих учениках, – это скромность и похвала») [11, с. 34].

В начале новоанглийского периода слово *disciple* употребляется наряду со словом *scholar* в значении «ученик», но с появлением слов *pupil* и *schoolboy* фактически утрачивает его, сохраняя при этом значение «последователь» («апостол»). Это в определённой мере подтверждает мысль о том, что различные значения слов заимствуются и утрачиваются неодновременно [7, с. 81]. Постепенно и слово *scholar* («ученик») почти совсем выходит из употребления и заменяется словами *pupil* и *schoolboy*.

Развитие значения слова *pupil* и вхождение его в круг слов, объединённых понятием «ученик», представляет особый интерес. Слово *pupil*, заимствованное из латинского языка через французский в XIV веке, имеет значение «сирота», «ребёнок, находящийся на попечении» (лат. *pupul* – «мальчик», *пура* – «девочка»; фр. *pupille* – «маленькая девочка»). Однако у Шекспира это слово уже употребляется в значении «ученик», «ученица»: «*Take you the lute, and you set of books, you shall go see your pupils presently ...*» («Возьмите лютню, а вы возьмите книги и тотчас же ступайте к ученицам ...») [14, с. 15]. Процесс закрепления за словом *pupil* значения «ученик» довольно длителен. В XVIII – XIX веках оно ещё передаёт понятие «сирота» [10, с. 72], пока полностью не вытесняется другим заимствованным из латинского языка словом *orphan* (от греч. *orphanos* – «осиротевший»), которое выражает это понятие.

Процесс появления слова *schoolboy* связан как с лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В XV – XVI веках наблюдается рост количества школ. Это, вероятно, послужило развитию процесса деривации на базе слова *school*. Кроме того, школы и университеты в это время уже настолько отличаются своими методами обучения, уровнем преподавания и контингентом учащихся, что возникает необходимость чётче определять принадлежность к тому или иному учебному заведению. Появившееся слово *schoolboy* обозначает не просто «ученик», а «школьник». Лексема *schoolboy*, употребляемая в XVI – XVII веках наряду со словами *pupil* и *scholar*, вытесняет последнее. Это, возможно, объясняется тем, что лексема *scholar* имеет три значения: «ученик», «учёный», «студент», что затрудняет коммуникацию, так как все значения связаны с процессом обучения, воспитания, образования; слово же *schoolboy* обладает большей определённой, то есть «школьник», а не «ученик» вообще.

Аналогично можно объяснить и появление слова *schoolgirl*. Однако оно зарегистрировано значительно позднее, чем слово *schoolboy* (по данным NED лишь в начале XIX в.), хотя в устной речи оно, вероятно, существовало несколько раньше. Это связано отчасти с тем, что школы для девочек были созданы в Анг-

лии позднее. Первая школа или, вернее, отделение для девочек в школе для мальчиков была организована в 1655 году [12, с. 411].

С появлением больших *Public Schools* стало возможным употребление слова *student* в значении «учащийся школы»: «*This was the famous ... school ... the students were of both sexes, of very different ages ...*» («Это была знаменитая ... школа ... учащиеся были обоих полов и самых разных возрастов») [13, с. 248]. В новоанглийском языке слово *student* фактически теряет значение «учёный», а слово *scholar*, наоборот, утрачивает возможность обозначать понятие «ученик», «студент», хотя в XIX веке встречаются случаи его использования для выражения этого понятия, и сохраняет своё, теперь уже основное значение «учёный».

Слово *scholar* употреблялось в собирательном значении «учёный» вплоть до 1840 года, когда впервые появилось слово *scientist*. В то же время цепочка *student, pupil, schoolboy(girl)*, являясь элементами одной понятийной группы, тем не менее исключают взаимоупотребление (кроме слов *pupil* и *schoolboy*), так как служат для обозначения учащихся двух разных систем образования – среднего и высшего.

Слово *pupil*, вероятно, служит связующим звеном в группе: *student - pupil - schoolboy*. Тем более что словарь Bailey определяет *pupil* как «сирота», «несовершеннолетний», «опекаемый», а также «студент университета, руководимый наставником» [8, с. 324]. Однако для современного английского языка разрыв между основными значениями слов *pupil* («ученик») и *schoolboy* («студент») достаточно велик, чтобы допустить возможность их взаимоупотребления и синонимических связей. Очевидно, что в новоанглийский период лексика обучения и образования всё больше сближается с общеупотребительной. Это явление можно проследить по высокой частотности словообразовательной активности лексем *school, university, teacher, tutor, pupil, student* и др., связанных со сферой обучения и образования [4; 5]. Одновременно это и период, когда замедлился процесс заимствований, в частности, из латинского языка, но он не прекратился, а перешёл на качественно новый уровень [6, с. 34].

Никто не отрицает ту великую роль, которую сыграл латинский язык в формировании национальных языков Европы, объединив их в группу «романские». Однако называть сегодня латинский язык «мёртвым», наверное, не совсем корректно. Он живёт в терминологических системах естественных и гуманитарных наук (биологии, медицине, ботанике, зоологии, социологии, филологии и т. д.), и не только английского языка. Это даёт возможность унифицировать терминологию и избежать разночтений в понятийной системе многих наук. Ресурс латинского языка далеко не исчерпан и, возможно, в будущем он ещё станет основой для широких заимствований в европейские языки.

Библиографические ссылки

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / Н. Н. Амосова. – М., 1956. – 288 с.
2. Бруннер К. История английского языка / К. Бруннер. – М., 1959. – 226 с.
3. Гавранек Б. Проблема смешения языков / Б. Гавранек // Новое в лингвистике – М., 1970. – 189 с.
4. Ключко Е. А. Развитие специальных наименований, объединённых понятием «учебное заведение» в древне- и среднеанглийском языке / Е. А. Ключко // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. «Мовознавство». – 2011. – Вип. 17. – С. 88–93.

5. **Клочко Е. А.** Развитие специальных наименований, объединённых понятием «учитель» в английском языке / Е. А. Клочко // Нова філологія. – 2012. – Вип. 51. – С. 91–95.
6. **Лотте Д. С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 150 с.
7. **Шумова Н. С.** Формально-семантические характеристики глаголов, заимствованных в английский язык из латыни в эпоху Возрождения : дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Шумова. – Калинин, 1974. – 195 с.
8. **Bailey N.** An Universal Etymological English Dictionary / N. Bailey. – London, 1888. – 888 p.
9. **Barclay's Universal English Dictionary** / Barclay's UED. – London, 1774. – 730 p.
10. **Champneys A. Ch.** History of English. The sketch of the origin and development of the English Language / A. Ch. Champneys. – London, 1893. – 182 p.
11. **Elyot Th.** The Governour / Th. Elyot. – London, 1881. – 80 p.
12. **Monroe.** Cyclopaedia of Education / Monroe. – London, 1914. – Vol. 5. – 801 p.
13. **The New English Dictionary of the English Language** / Vol. 1–12. – Oxford, 1888 – 1933.
14. **Shakespeare W.** The Taming of the Shrew / W. Shakespeare. – Act III, Sc. I, L.108. – 89 p.

Надійшла до редколегії 17.02.14

УДК 81'373.45

О. Е. Козлова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«МГНОВЕННЫЕ ТВИТЫ, БЕСКОНЕЧНЫЕ ЧАТЫ...» (особенности освоения английской интернет-лексики русским языком)

Рассмотрены некоторые особенности усвоения интернет-заимствований на грамматическом, словообразовательном и семантическом уровнях современного русского языка; отмечены основные трансформации преимущественно английской по происхождению специальной лексики Интернета, вошедшей в употребление миллионов русскоязычных пользователей на протяжении последних десяти лет.

Ключевые слова: интернет-лексика, заимствование, лексическое значение, словообразовательное значение производное слово, словообразовательные средства, формообразование, морфонологические явления.

Козлова О. Е., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **«МИТТЄВІ ТВИТИ, НЕСКІНЧЕНІ ЧАТИ...» (особливості засвоєння англійської інтернет-лексики російською мовою)**

Розглянуто деякі особливості засвоєння інтернет-запозичень на граматичному, словотвірному та семантичному рівнях сучасної російської мови; відзначено основні трансформації переважно англійської за походженням спеціальної лексики Інтернету, яка увійшла до вжитку мільйонів російськомовних користувачів протягом останніх десяти років.

Ключові слова: інтернет-лексика, запозичення, лексичне значення, словотвірне значення, похідне слово, словотвірні засоби, формотворення, морфонологічні явища.

Kozlova O. Ye., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **«INSTANT TVITS, ENDLESS CHATS...» (the peculiarities of mastering the English internet vocabulary by the Russian language)**

In different languages the Internet has brought to life a lot of new lexical units and the development of new semantic variants of already existing words. The article analyzes the features of adap-

tation of the English Internet vocabulary at the grammatical, word-formation and semantic levels of the Russian language.

The Russian language is characterized by such peculiarities of mastering the English Internet vocabulary as transliteration of words, which leads to the noticeable changes in their sound pattern compared to the source, and the perception of the loan words ending in a consonant as nouns regardless of their part of speech in English. Such borrowed nouns have the same form creation as the Russian masculine null-ending substantives. Some of these substantives become a word-formation basis for the creation of new verbs and nouns.

If an English word is loaned directly as a verb, it is often formed according to the model «noun stem + и(ть)» with word-formation meaning «to do something that is named by productive stem». These verbs belong to the second type of conjugation which often hinders the formation of their forms of the 1st Person Singular (The Present/Future Tense).

A noticeable amount of derived words created on the basis of loanwords using Russian affixes prove semantic and derivational adaptation of the English Internet vocabulary.

However, many loanwords already have successful Russian equivalents, some of which subsequently can displace the English variant.

Key words: Internet vocabulary, loan word, lexical meaning, word-formation meaning, derivative word, word-formation means, form creation, morphonological phenomena.

За последние десятилетия Интернет из средства специальной связи превратился в принципиально новый вид передачи, хранения и распространения информации и популярный способ массовой коммуникации. Чрезвычайная оперативность, всё большая доступность (в том числе и благодаря активному развитию мобильной интернет-связи), появление новых видов персональных компьютеров, освоение которых не представляет сложности для представителей не только молодого, но и старших, традиционно более консервативных поколений пользователей, – все это делает Интернет поистине незаменимым атрибутом жизни современного человека.

Следует отметить и тот факт, что единая глобальная сеть сегодня делится на национальные сектора со своими языками общения, одним из которых является быстро растущий Рунет, причем русский язык используется как средство общения в Интернете далеко за пределами России.

Массовое обращение к Интернету носителей русского языка чрезвычайно быстро привело к активному функционированию в речи пользователей большого количества новых заимствованных слов из так называемого «сетевого английского», в котором наблюдаются и сдвиги в семантической структуре известных английских слов, и появление новых лексических единиц [см., напр.: 10]. Именно с такими новыми «специальными» значениями и заимствуют английские слова русскоговорящие пользователи Интернета.

Ярким примером заимствования слов с новым даже для английского языка лексическим значением является возникшее совсем недавно название специального действия – прикосновения к сенсорному экрану – *тан* (англ. *tap* – стучать, постукивать, обстукивать, хлопать) [1, с. 599]. Очевидно, что такое специальное значение возникло вначале в английском языке, и уже этот новый семантический вариант слова *tan* был заимствован Рунетом.

На предпочтительное использование заимствованных единиц в сфере интернет-коммуникации повлияло и то, что сама сеть и доступ к ней вначале воспринимались (и фактически были таковыми) как явления элитарные, доступные лишь немногим (не случайно сначала возникло понятие «компьютерный жаргон», а массовый интернет-жаргон сформировался позже). Когда же Интернет на наших просторах получил распространение, широкие слои русскоязычных пользовате-

лей начали осваивать функционирующие в нем иноязычные слова, что и породило устойчивую традицию их употребления в Рунете.

Относительная новизна таких слов и их активное использование не только в Рунете, но и в средствах массовой информации, рекламных текстах, в живом разговорном языке делает актуальным анализ заимствованной лексики, вошедшей в нашу жизнь вместе с Интернетом. Именно поэтому жаргон, сленг, профессиональный язык пользователей Рунета еще в конце 90-х годов и в самом начале XXI века стали (и продолжают оставаться) объектом внимания русистов, предпринимающих попытки выделить основные тематические группы интернет-лексики, их стилистическую окраску, источники пополнения [2; 3; 12] и характер влияния на современный русский язык [4; 6].

Задача нашего исследования – проанализировать некоторые особенности освоения английской по происхождению лексики, свойственной интернет-коммуникации, на семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях современного русского языка.

Источником фактического материала нашего исследования стали различные словари интернет-лексики, которые за последние годы появились в Рунете [8; 9] и отражают этот пласт слов наиболее оперативно, а также язык различных интернет-форумов, русскоязычных СМИ и рекламных текстов, связанных с продвижением современных интернет-технологий.

Прежде всего следует отметить, что Интернет «открыл» особый путь заимствования слов. Фактически ставшая международной интернет-лексика отличается от так называемых интернациональных слов, большинство которых составляют термины, тем, что в основном не является кодифицированной и используется в сфере неофициального, непринужденного общения миллионов людей, в том числе не владеющих английским языком-источником. Именно такая особая сфера функционирования и позволяет отнести эту лексику к жаргону или сленгу. При этом, распространяясь в глобальной сети благодаря письменным текстам, интернет-лексика по особенностям освоения больше напоминает заимствования устные, сделанные и воспроизводимые на слух, в процессе которых иноязычное слово нередко претерпевает значительные звуковые и грамматические изменения.

Фонетические изменения, которые наблюдаются во многих заимствованных единицах лексики Интернета, объясняются как раз тем, что носители русского языка при обращении к английским по происхождению словам пытаются их транслитерировать, ориентируясь именно на их написание, а оно в языке-источнике часто не совпадает с произношением (в качестве такого примера можно привести произношение названия популярной программы «Word» в английском и русском языках). И хотя количество людей, владеющих английским языком, на постсоветском пространстве значительно возросло, недавно заимствованная часть сложных слов *smart-* по-русски произносится как *смарт*, а не *сма*.

Трудности для пользователей Рунета составляет грамматическое освоение английских слов. В английском языке, который относится к аналитическим, очень часто имена существительные и глаголы отличаются лишь синтаксической функцией в предложении, а не грамматической формой, благодаря которой можно узнать глагол, существительное или прилагательное в русском языке. Именно поэтому русскоязычные пользователи Интернета английские слова с «нулевым окончанием» и основой на твердый согласный обычно воспринимают как имена существительные мужского рода (ср.: *сайт*, *скриншот*, *спам* и под.), хотя в языке-источнике многие из таких единиц могут быть и глаголами. Например, англий-

ский глагол *like* означает «нравиться», «любить», а в Рунете *лайк* трактуется как «одобрение» и соответственно склоняется как существительное мужского рода с нулевым окончанием, образуя в том числе и формы множественного числа (*лайк, лайка, лайку...*, *лайки, лайками* и т. д.). И это несмотря на то, что в русскоязычных сетях функция, обозначаемая этим существительным, называется «мне нравится». Точно так же в русскоязычном сегменте Интернета и в различных словарях интернет-сленга (или жаргона) в качестве имен существительных используются и приводятся такие слова, как *пост, клик, респект, тап, фейк* и другие, которые в английском языке могут быть и субстантивами, и глаголами. Все приведенные слова переводятся на русский язык отглагольными существительными, обозначающими однократное действие, предмет-результат действия или состояние: *пост – сообщение, клик – щелчок, респект – поддержка и уважение, фейк – ложная информация, фальсификация, тап – легкий стук, троллинг – написание провокационных сообщений в Интернете* и т. п.

Такие заимствованные существительные становятся в Рунете базой образования новых слов, как правило, глаголов с помощью русских словообразовательных средств: *спам – спамить, лайк – лайкать, клик – кликать, пост – постить* и др.

Если же семантика английских слов не позволяет носителям русского языка их «опредмечивать», то такие слова сразу оформляются в русском переводе как глаголы: *troll – троллить* (размещать сообщения провокационного характера), *flood – флудить* (писать большое количество одинаковых сообщений), *debug – дебажить* (устранять неполадки в программе), *upgrade – апгрейдить* (усовершенствовать, модернизировать), *boot, reboot – бутить, ребутить* (загружать и перезагружать компьютер), *fix – фиксить* (исправлять, налаживать), *parse – парсить* (разбивать код страницы на отдельные части), *hack – хачить* (взламывать компьютер), *friend – френдить* (заводить виртуальную дружбу), *back up – бэкапить* (создавать резервные копии) и др.

Выбор глагольного суффикса, который присоединяется к производящей заимствованной основе, обычно связан с лексической семантикой глагола. Так, от основы *клик*- глаголы образуются с суффиксами *-а-* и *-ну-*, выражающими словообразовательное значение «длительное повторяющееся действие» (ср.: *кликать – прыгать*) и «однократное короткое действие» (ср.: *кликнуть – прыгнуть*) [7, с. 347]. Наличие такой глагольной пары объясняется характером обозначаемого глаголом действия (оно может многократно повторяться в процессе работы с компьютером, но может быть и одиноким).

Система Twitter, которая позволяет пользователям отправлять короткие (до 140 знаков) текстовые заметки, породила глагол *твитнуть*, словообразовательное значение которого хорошо коррелирует с особенностями создаваемых сообщений, коротких и оперативных.

Не так давно в этой системе появилась функция *retwitt* (ретвит), от названия которой в Рунете сразу же был образован глагол *ретвитить* со значением «делать ретвиты»: «...Этот Печерски в Сочи даже никогда не был, что не помешало некоторым отечественным «блогерам» ... *ретвитить* его записи с большим воодушевлением...» [11].

Анализ заимствованных глаголов, функционирующих в Рунете, показывает, что большинство их дополнили относительно малочисленную группу русских глаголов второго спряжения с инфинитивом на *-и(ть)*. Такие глаголы, мотивированные именами существительными (а именно так воспринимаются русскоговорящими английские слова, оканчивающиеся на согласный, независимо от их ре-

альной частеречной принадлежности), имеют словообразовательное значение «делать, создавать то или заниматься тем, что названо производящим словом» [7, с. 334–335]. Именно такой словообразовательный тип кажется наиболее подходящим семантическим образцом и для перевода английских глаголов, и для образования глаголов от заимствованных из английского языка существительных (например: *фиксить*, *спамить*, *френдить* и под.). Вместе с тем глаголы второго спряжения имеют особенности образования форм 1-го лица единственного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, которое сопровождается различными морфонологическими явлениями [Там же, с. 660]. Так, если основа настоящего/будущего времени глагола оканчивается переднеязычными или губными звуками, то перед окончанием -у происходят их чередования с шипящими и сочетаниями «губной+л'», что в ряде случаев затрудняет образование форм 1-го лица единственного числа и делает парадигму глагола неполной.

Именно такие окончания основ имеют многие английские глаголы, заимствованные Рунетом, что и тормозит их полное грамматическое освоение. Так, вторые основы глаголов *бэкапить* (англ. *back up*), *спамить* (англ. *spam*), *сейвить* (англ. *save*) оканчиваются губными или губно-зубными согласными (*сейв-ят*, *бэкап-ят*, *спам-ят*), поэтому по правилам русского языка в формах 1-го лица единственного числа должно происходить чередование конечных звуков с сочетаниями «губной+л'» (ср.: *ловить* – *ловлю*, *кропить* – *кроплю*, *кормить* – *кормлю*). Такое чередование в конце английских корней, очевидно, пока что не воспринимается носителями русского языка, и формы типа **спамлю*, **бэкаплю*, **сейвлю* практически не употребляются.

В тех случаях, когда основа настоящего/будущего времени глагола второго спряжения оканчивается переднеязычным согласным, в формах 1-го лица единственного числа обязательно происходит чередование с шипящими звуками (ср.: *пуст-ят* – *пуц-у*, *вод-ят* – *вож-у*, *крут-ят* – *круч-у*, *нос-ят* – *нош-у* и т. п.). Такие замены звуков должны были бы наблюдаться в форме первого лица единственного числа у глаголов *флудить* (англ. *flood*), *апгрейдить* (англ. *upgrade*), *фиксить* (англ. *fix*), *постить* (англ. *post*), *бутить* и *ребутить* (англ. *boot, reboot*), *парсить* (англ. *parse*), *френдить* (англ. *friend*), *ретвитить* (англ. *retwit*) и некоторых других. Потенциальные формы типа **флужу*, **поцу*, **паршу*, **ретвичу* фонетически «отрываются» от инфинитива, что также затрудняет их употребление.

При заимствовании английских глаголов с основами на заднеязычные согласные [g] и [k] чередования с шипящими происходят еще в основе инфинитива перед суффиксом -и(ть) и сохраняются во всех лично-числовых формах настоящего / будущего времени, например: *hack* – *хачить* (*хачу*, *хачишь*, *хачит*, *хачим*, *хачите*, *хачат*), *debug* – *дебажить* (*дебажу*, *дебажишь*, *дебажит*, *дебажим*, *дебажите*, *дебажат*) и т. п. Скорее всего, подобные формы (как и глаголы в целом) останутся только в сленге «продвинутых» пользователей.

В свою очередь, от заимствованных глаголов в русском языке путём редеривации может образоваться существительное со значением деятеля. Так, в Сети широко используется слово *троль* с семантикой «тот, кто троллит», которое не является субстантивированным английским глаголом *troll*. Появлению этого существительного в Рунете, очевидно, способствовало то, что слово *троль* давно известно как название зловредного существа в скандинавских мифах и сказках [5, с. 550], поэтому существовавшая у этого слова коннотация и звуковое совпадение с английским глаголом позволили использовать его в Сети в новом значении – человек, размещающий в Интернете провокационные сообщения.

Об активном усвоении пользователями Рунета многих английских заимствований свидетельствует и «обрастание» таких слов русскими производными. Так, от глаголов появляются дериваты с русскими префиксами (*постить* – *перепостить*, *юзать* – *поюзать*, *гуглить* – *погуглить*, *банить* – *забанить* и др.), тогда как существительные становятся базой для образования суффиксальных субстантивов, как правило, стилистически окрашенных (*фейк* – *фейковицина*, *троль* – *троллятина* и под.).

Таким образом, Интернет как вид связи и как средство массовой коммуникации вызвал к жизни в разных языках, на которых говорят его пользователи, множество новых лексических единиц и развитие у уже существовавших слов новых семантических вариантов. Для русского языка характерны такие особенности освоения английской лексики Интернета, как восприятие заимствуемых слов, оканчивающихся на согласный, в качестве существительных независимо от их частеречной принадлежности в английском языке. Большинство таких заимствованных существительных образуют формы единственного и множественного числа и склоняются как субстантивы мужского рода с нулевым окончанием. Некоторые из этих существительных становятся в языке Рунета словообразовательной базой для создания новых глаголов и суффиксальных субстантивов.

В тех случаях, когда английское слово сразу заимствуется в качестве глагола, оно, как правило, оформляется по модели «основа существительного+и(ть)» со словообразовательным значением «делать то, заниматься тем, что названо производящей основой». Такие глаголы относятся ко второму типу спряжения, и это иногда затрудняет образование у них форм 1-го лица единственного числа настоящего/будущего времени.

О семантической и словообразовательной адаптации английской интернет-лексики свидетельствует заметное количество созданных на базе заимствований с помощью русских аффиксов производных слов.

Вместе с тем делать окончательные выводы о судьбах многих широко употребляемых сегодня в Рунете единиц английского происхождения еще рано. Следует обратить внимание на то, что у многих таких лексем уже имеются удачные эквиваленты, часть которых приобрела специальные значения и может вытеснить английский первоисточник на периферию. Так, русские *загрузка* и *перезагрузка*, *загрузить* и *перезагрузить* сейчас гораздо более употребительны, чем английские по происхождению *бутить* и *ребутировать*, русские слова *подключаться* и *подключение* практически вытеснили *коннектить(ся)* и *коннект*, а *щелкнуть* успешно конкурирует с *кликнуть*. Анализировать, а в некоторых случаях и более активно направлять этот процесс, предлагая профессиональные рекомендации пользователям Интернета, – задача будущих исследований.

Библиографические ссылки

1. **Англо-русский словарь** / [сост. В. К. Миллер]. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – 1955. – 700 с.
2. **Дедова О. В.** О специфике компьютерного дискурса / О. В. Дедова // Русский язык : исторические судьбы и современность : Второй международный конгресс : труды и материалы. – М., 2004. – С. 93–101.
3. **Лихолетов Т. В.** Компьютерный жаргон [Электронный ресурс] / Т. В. Лихолетов // – Режим доступа : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/r/28_357.

4. Лукина М. С. Компьютерная лексика в интернет-пространстве русского и французского языков / М. С. Лукина // Вест. Челябин. гос. ун-та. – Филология. Искусствоведение. – №35 (326). – Вып. 85. – 2013. – С. 79–84.
5. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл. – 1991. – 736 с.
6. Рощина Ю. В. Лексика, связанная с информационными технологиями, и процесс анализа русской грамматики / Ю. В. Рощина // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – Вып. 28. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 156–166.
7. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1.
8. Словарь интернет-сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.uralweb.ru/pages/archive.php?id=2006.09.17.11>.
9. Словарь терминов Интернет : толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.prostosite.ru/other/dictionary.shtml>.
10. Слово «ретвитить» включено в Оксфордский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.polit.ru/news/2011/08/19/dictionary_new_words.
11. Татаринов А. Фактор «девочки на коньках» [Электронный ресурс] / А. Татаринов. – Режим доступа : <http://www.vz.ru/opinions/2014/2/12/672310.html>.
12. Трофимова Г. Н. О чем пока молчит Рунет [Электронный ресурс] / Г. Н. Трофимова. – режим доступа : http://www.gramota.ru/mag_author.html, 14/11/2000.

Надійшла до редколегії 16.01.14

УДК 81'373.611

Е. А. Конопелькина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУФФИКСАЛЬНОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ОТЫМЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале лексики экономико-правовой сферы русского языка)

Рассмотрены ономаσιологические возможности суффиксального способа образования отыменных наименований лиц по роду профессиональной деятельности в экономико-правовой сфере современного русского языка; выделенные ономаσιологические типы охарактеризованы с точки зрения их продуктивности в исследуемом номинативном пространстве. В частности установлено, что исследуемые номинации образуются с помощью 15 формантов, характеризующихся различной частотностью.

Ключевые слова: наименования лиц по роду профессиональной деятельности, экономико-правовая сфера, ономаσιологические типы, отыменные суффиксальные производные.

Конопелькіна О. О., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ОНОМАСІОЛОГІЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ СУФІКСАЛЬНОГО СПОСОБУ ТВОРЕННЯ ВІДІМЕННИКОВИХ НАЗВ ОСІБ ЗА РОДОМ ДІЯЛЬНОСТІ (на матеріалі лексики економіко-правничої сфери російської мови)**

Розглянуто ономасіологічні можливості суфіксального способу творення відіменникових похідних, що називають осіб за родом їх діяльності у економіко-правовій сфері російської мови; виділені ономасіологічні типи схарактеризовано за їх продуктивністю у досліджуваному номінативному просторі. Зокрема встановлено, що досліджувані номінації утворюються за допомогою 15 формантів з різною частотністю.

Ключові слова: найменування осіб за родом діяльності, економіко-правова сфера, ономасіологічні типи, відіменникові суфіксальні похідні.

Konopelkina O. O., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *ONOMASIOLOGICAL POTENTIAL OF THE SUFFIXAL WAY OF FORMATION OF DENOMINATIVE NOMINATIONS OF PERSONS ACCORDING TO THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES (on the basis of lexis of the economic and legal sphere of the modern Russian language)*

The article deals with the study of the derivative nominations of persons according to their professional activities. The onomasiological analyses of nominations of persons according to their professional activities that are formed from nouns and adjectives by suffixation and function in the economic and legal sphere of the modern Russian language is the aim of the article. The main research method is onomasiological and word-formative analyses of names.

It was specified, that denominative nominations of persons of the analysed sphere are divided into two basic subgroups: 1) derivatives, motivated by its relations to the object of activity, and 2) locative nominations of persons that denominate them according to their place of employment (department, organisation, etc.) The selected onomasiological types of each group are characterized by their productivity in the sphere under the study. Particularly, it was defined, that these nominations are formed with the help of 15 formants, which are characterized by different frequency. The most frequently used suffixes are *-чик/-щик* (being involved in creation of nominations of 6 onomasiological subtypes), *-ик/-ник/-овик* (4 subtypes), *-ёр/-ёр/-онер* (4 subtypes), *-оп/-тор/-атор* (3 subtypes), *-ист* (3 subtypes). Less frequently used *-ант/-ент*, *-ар/-арий*, *-лог*, *-ир*, *-ус/-арус*, etc.

Key words: *nominations of persons according to their professional activities, economic and legal sphere, onomasiological types, denominative suffixal derivations.*

Словарный состав русского языка пополнялся ранее и пополняется в наши дни преимущественно путем развития деривации. Огромное количество новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа, иллюстрирует, как именно действует словообразовательный механизм языка в этот период, какие классы производных слов пополняются наиболее активно, а какие обнаруживают пассивность [1, с. 26]. Значение словообразования в языках типа русского трудно переоценить. Н. М. Шанский отмечал, что «без словообразования язык не мог бы иметь словарный состав (на каждом новом этапе своего развития все больший), который соответствовал бы развитию общества» [12, с. 253].

Целью настоящего исследования стал ономаσιологический анализ наименований лиц по роду профессиональной деятельности, образованных путем суффиксации от имен существительных и прилагательных и функционирующих в экономико-правовой сфере (ЭПС) русского языка. Обращение к данному пласту лексики обусловлено тем, что, по нашим наблюдениям, в ряду способов производства новых наименований лиц суффиксация является самым активным. Так, из 1070 однословных наименований, входящих в нашу выборку, составленную на базе специальных словарей, с помощью аффиксации образовано 47 % (503 ед.). При этом 398 наименований, что составляет более 79 % всех аффиксальных образований, создано с помощью суффиксации; номинации, образованные с помощью префиксации, составляют 11 % (58 ед.); единичные наименования (1 %) созданы префиксально-суффиксальным способом (7 ед.) и около 8 % аффиксальных номинаций (40 ед.) – суффиксально-сложным способом.

По грамматическому характеру мотивирующего слова (см.: [8, с. 142]) все суффиксальные наименования лиц по роду деятельности (НЛД) можно разделить на три группы: 1) мотивированные существительными; 2) прилагательными; 3) глаголами. В соответствии с характером мотивации, определяющим семантическую структуру производного слова, имена лиц ЭПС разделяются на отглагольные и именные (отыменные). Многие из отыменных лиц характеризуются двойственной номинацией: они могут быть соотнесены как с основой существительного, так и со словосочетанием, включающим относительное прилагательное (ср.: *он-*

товик – «тот, кто занимается *оптовой* торговлей / торговлей *оптом*» [СТП]; **рыночник** – «сторонник *рыночной* экономики» [БЭС]; «Экон. Сторонник *рынка* как основы хозяйственной жизни страны; специалист по *рыночной* экономике» [АЛ]). Вслед за Е. А. Земской мы считаем, что подобное различие в мотивации не влияет на характер семантики производного, на его ономаσιологическую структуру, что позволяет объединить собственно субстантивные и отаггективные производные под общим названием отыменных и противопоставить их отглагольным как единый разряд [2, с. 95].

Рассмотрим отыменные наименования лиц по роду деятельности в ЭПС, учитывая тематическую принадлежность анализируемых единиц к профессиональным именам.

Отыменные наименования лиц ЭПС по трудовой, коммерческой или профессиональной деятельности распределяются по двум основным подгруппам.

Большая часть наименований **первой подгруппы** представляет собой различные производные, в основе мотивации которых лежит отношение к *объекту деятельности*. При этом ономаσιологический базис может указывать:

1) на сферу предпринимательской деятельности, вид осуществляемой сделки, операции (торговой, биржевой, банковской и т. д.). Производные этой подгруппы описываются, как правило, ономаσιологической формулой «тот, кто занимается тем, что названо базовой основой». В подгруппу входят наименования, соответствующие 5 ономаσιологическим типам с формантами: а) **-ант*** (**консультант** – ‘тот, кто занимается *консультированием*’, ‘дает *консультации*’ [БЭС]; **коммерсант** – ‘тот, кто занимается коммерцией’; *коммерция* – ‘деятельность по продаже товаров и услуг с целью получения прибыли’ [БЭС]); б) **-ор/-тор/-атор** (**аудитор** – ‘тот, кто занимается *аудитом*’ [БЭС]; **консигнатор** – ‘тот, кто занимается *консигнацией* как агент, посредник’; в) **-ёр/-ер/-ёр** (**арбитражёр** – лицо, занимающееся *арбитражем* (*арбитражными* сделками); **дисконтер** – ‘банковский служащий, выполняющий операции по *дисконту* векселей’ [БЭС]; г) **-овик/-евик** (**оптовик** – ‘тот, кто занимается *оптовой* торговлей’ [АЛ]; **биржевик** – ‘специалист, занимающийся *биржевыми* операциями’ [АЛ, БЭС]; **фондовик** – ‘участник *фондового* рынка’ [АЛ, разг.]; д) **-щик/-чик** (**таймшерщик** – ‘тот, кто занимается таймшером’ [АЛ, разг.; БЭС];

2) область знаний, сферу деятельности. Ономаσιологическая формула имеет вид «специалист в области или сфере, названной мотивирующей основой». Производные образуются по следующим подтипам с формантами: а) **-ист** (**криминалист** – ‘специалист в области криминалистики’; **рекламист** – ‘специалист по рекламе’; **финансист** – ‘специалист по ведению *финансовых* операций’ [БЭС];

* Вопрос об определении морфологической природы элементов **-ант/-ент**, **-ат**, **-тор/-атор/-итор**, **-ёр/-ер/-ёр/-онер** и некоторых других относится к дискуссионным и неоднократно рассматривался в работах, посвященных заимствованной лексике с этими компонентами [3; 4; 9]. Большинство терминологических НЛД с типичными для подязыка экономики формантами **-ор**, **-ер**, **-ант** и др. (*аудитор*, *дебитор*, *кредитор*, *комиссионер*, *акцептант*, *репрезентант* и др.), по мнению некоторых авторов, относятся к терминам, образованным аффиксальным способом [7, с. 10]. Другие же авторы рассматривают их в числе заимствований [11], оправдывая такой подход тем, что, хотя данные номинации морфемно членимы, каждая из них заимствована, а не образована средствами русского языка [6, с. 66–71]. Мы следуем точке зрения, изложенной в «Русской грамматике» и «Краткой русской грамматике», согласно которой указанные форманты относятся к суффиксам [8, с. 146, 148, 188, 190, 191, 194; 5, с. 49–51]. Для анализа привлекались лишь те наименования, которые представлены как суффиксальные в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [10, т. 1–2].

цивилист – ‘специалист в області *цивільного права*’ [БЮС]; к этому же ряду относится и родовое наименование **специалист** – ‘лицо, владеющее какой-л. *специальностью*’ [БТС]); б) **-лог** (**графолог** – ‘специалист по *графологии*’ [РАЮС]; **криминолог** – ‘специалист в области *криминологии*’ [РАЮС]; **маркетолог** – ‘специалист в области *маркетинга*’; ‘тот, кто занимается *маркетингом*’ [БЭС, АЛ]; в) **-ик/-овик/-ник** (**аналитик** – ‘специалист в области *аналитики*’ [БЭС]; **законник** – ‘тот, кто хорошо знает законы и контролирует их исполнение’ [РАЮС, АЛ]; **правовик** – ‘специалист в области *права*’ [РАЮС]; г) **-щик** (**рекламщик** = рекламист [АЛ, разг.]); д) **-енец** (**управленец** – ‘тот, кто занимается *управлением*; является членом правления’ [БЭС]; **снабженец** – ‘тот, кто занимается снабжением; специалист по снабжению’ [БЭС]);

3) вид договора, предложения. Ономаσιологическая формула может включать следующие имплицитные предикаты: «тот, кто (*предлагает, принимает, основывается на, получает право, работает на основании*) + документ, названный мотивирующей основой». Ономаσιологический признак выражается формантами: а) **-ант/-ент** (**контрактант** – ‘тот, кто принимает на себя обязательства по *контракту*’; **комитент** – ‘тот, кто поручает выполнить сделку на основе договора *комиссии*’); б) **-ар/-арий** (**фидуциар/фидуциарий** – ‘лицо, управляющее имуществом другого лица на основе *фидуции*’ [БЭС]); в) **-ор/-тор/-атор** (**арендатор** – ‘тот, кто получает временное право на что-либо на основе *аренды*’ [БЭС]; **контрактор** – ‘тот, кто берет на себя и выполняет обязательства по *контракту*’ [БЭС]; г) **-онер** (**концессионер** – ‘лицо, получившее *концессию, концессионный договор*’ [БЮС]; **комиссионер** – ‘агент, выполняющий поручение на основе договора *комиссии*’); д) **-ник** (**контрактник** – ‘тот, кто работает по *контракту*’ [АЛ]);

4) иерархическое положение лица. В этой подгруппе представлено единичное наименование с формантом **-щик** (**номенклатурищик** – ‘тот, кто принадлежит *номенклатуре*’ [БЭС, АЛ]);

5) объект и результат деятельности. Производные этой подгруппы соответствуют ономаσιологической формуле «тот, кто (*разрабатывает, составляет, хранит*) то, что названо мотивирующей основой» и создаются при участии формантов **-ор** (**креатор** – ‘специалист по рекламе, разрабатывающий креатив’ [АЛ]); **-ёр** (**диспашер** – ‘специалист, оставляющий *диспашу* – расчет по распределению расходов по общей аварии между судном, грузом и фрахтом’ [БЭС]); **-ист** (**чартист** – ‘специалист, составляющий чарты’ [БЭС]); **-щик** (**креативщик** = креатор [АЛ]); **-ачей** (**казначей** – ‘хранитель казны’ [РАЮС, БЭС]);

6) обстоятельства, условия деятельности. Единичные наименования, входящие в данную подгруппу, оформляются с помощью формантов **-ёр** (**стажёр** – ‘тот, кто проходит испытательный *стаж*’ [БЭС]) и **-льщик/щик** (**сдельщик** – ‘тот, кто выполняет сдельную работу’ [БТС – разг.]); **поденищик** (‘рабочий, занятый *поденным* трудом’ [БТС]);

Во **вторую группу** входят **локативные** наименования лиц, которые обозначают лиц по месту работы (по ведомству, организации) и описываются ономаσιологической формулой «тот, кто (*работает, продает, занимается чем-л.*) + локатив» или же ее модификацией «работник, сотрудник + место работы, деятельности». Производные оформляются при помощи формантов: 1) **-ир** (**кассир** – ‘работник *кассы*’ [БЭС]); 2) **-ист** (**аукционист** – ‘лицо, производящее продажи на *аукционе*’; **галерист** – ‘тот, кто занимается экспонированием и продажей произведений искусства в *галерее*’ [БЭС, АЛ]); 3) **-ус/-ариус** (**архивариус** – ‘сотрудник *архива*’ [БТС, РАЮС]; **нотариус** – ‘работник *нотариальной* конторы’ [РАЮС,

БЮС]; 4) **-ник/-шник** (*таможенник* – ‘работник *таможни*’ [РАЮС, АЛ]; 5) **-чик/-щик** (*аппаратчик* – ‘работник аппарата – государственного органа управления’ [БЭС]; *галерейщик* = галерист [АЛ, разг.]; *кладовщик* – ‘работник кладовой, склада’ [БТС]; *конторищик* – ‘работник *конторы*’ [БТС]; *тюремщик* – ‘надзиратель в *тюрьме*’; ‘тот, кто работает в *тюрьме*’ [РАЮС]);

К единичным производным относятся в анализируемой номинативной сфере наименования лиц: а) по *инструменту*, с помощью которого действует лицо: *табельщик* – ‘работник, ведущий учет по *табелю*’ [БЭС]; б) по возглавляемому *коллективу*: *бригадир* – ‘руководитель *бригады*’ [РАЮС].

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что отыменные номинации лиц по роду профессиональной деятельности в ЭПС русского языка образуются с помощью 15 формантов, характеризующихся различной частотностью. К наиболее частотным относятся суффиксы *-чик/-щик* (участвует в образовании имен 6 ономаσιологических подтипов), *-ик/-ник/-овик* (4 подтипа), *-ёр/-ёр/-онер* (4 подтипа), *-ор/-тор/-атор* (3 подтипа), *-ист* (3 подтипа). Менее частотны форманты *-ант/-ент*, *-ар/-арий*, *-лог*, *-ир*, *-ус/-ариус* и др.

Исследование может быть продолжено на материале наименований лиц по роду непрофессиональной деятельности, а также имен, образованных с помощью суффиксации от глаголов, что позволит провести сопоставление и сделать определенные выводы об активности отыменной или отглагольной суффиксации в ЭПС русского языка.

Библиографические ссылки

1. **Демина Е. И.** Новые наименования лиц в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Демина Екатерина Ивановна. – Самара, 2004. – 229 с.
2. **Земская Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
3. **Ипполитова Л. В.** Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем (на материале имен существительных с суффиксом *-ёр*) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. В. Ипполитова. – М., 2003. – 20 с.
4. **Ковалева Т. В.** Производные с *-атор/-тор* в деривационной системе русского языка: когнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Ковалева. – Кемерово, 2004. – 20 с.
5. **Краткая русская грамматика** / [под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина]. – М. : Наука, 1989. – 682 с.
6. **Крысин Л. П.** Русское слово, свое и чужое / Л. П. Крысин // Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М., 2004. – 888 с.
7. **Никитина В. В.** Системное описание терминологии бизнеса современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В. В. Никитина. – М., 1995. – 17 с.
8. **Русская грамматика** : в 2 т. / [редкол.: Шведова Н. Ю. (гл. ред.) и др.]; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
9. **Соёлсурен Б.** Иноязычные слова с заимствованными суффиксами в современном русском языке: на материале слов с суффиксами *-аж*, *-ер*, *-инг* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Соёлсурен Баасанжав. – М., 2003. – 20 с.
10. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : [в 2 т.] / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 886 с.
11. **Труфанова Н. О.** Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Труфанова Наталья Олеговна. – М., 2006. – 214 с.

12. **Шанский Н. М.** Очерки по русскому словообразованию : [учеб. пособие] / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1968.

Словари

- АЛ** – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.
- БТС** – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- БЭС** – Большой экономический словарь / под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
- БЮС** – Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2002. – 704 с.
- РАЮС** – Борисенко И. И. Русско-английский юридический словарь / И. И. Борисенко, В. В. Саенко. – К. : Юринком Интер, 1999. – 608 с.
- СИСВ** – Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 778 с.
- СТП** – Словарь терминов современного предпринимательства / под ред. В. В. Морковкина. – М. : АСТ, Астрель, 2002. – 416 с.

Надійшла до редколегії 07.02.14

УДК 811.161.2'38

В. В. Корольова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СТАТУС ЗАГОЛОВКА В МОВНОМУ ПРОСТОРИ СУЧАСНОЇ ДРАМИ

Досліджено особливості заголовків сучасних драматургічних творів, зокрема, запропоновано структурний аналіз заголовків, розкрито питання статусу заголовка щодо художнього тексту, зроблено спробу типологізації назв драматургічних творів, проведено квантитативні підрахунки й виділено найпоширеніші типи заголовків п'єс, з'ясовано функційний потенціал заголовків та їх зв'язок з найважливішими текстовими категоріями (інформативністю, комунікативністю, модальністю, зв'язністю, цілісністю, інтертекстуальністю).

Ключові слова: заголовок, текстові категорії, драматургічні твори, концепт, структурна схема заголовка, автор, читач.

Корольова В. В., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **СТАТУС ЗАГОЛОВКА В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ**

Исследованы особенности заглавий современных драматургических произведений, предложен структурный анализ заглавий, раскрыт вопрос статуса заглавия относительно художественного текста, сделана попытка типологизации названий драматургических произведений, проведены квантитативные подсчеты и выделены наиболее распространенные типы заглавий пьес, выяснен функциональный потенциал заглавий и их связь с самыми важными текстовыми категориями (информативностью, коммуникативностью, модальностью, связностью, целосностью, интертекстуальностью).

Ключевые слова: заглавие, текстовые категории, драматургические произведения, концепт, структурная схема заглавия, автор, читатель.

Koroliova V. V., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE STATUS OF TITLE IN THE WORLD OF MODERN DRAMA**

The issue of defining the status of title in connection with text has been discussed to this date. Some researchers support the idea that title is a part of a text while others interpret title as a separate element.

The proposed article aims at providing a complex analysis of titles of modern Ukrainian dramatic compositions. The set purpose implies fulfillment of the following tasks: to make structural analysis of the names of modern plays; to define the functional prospects of titles, their connection with major text categories; to separate and to illustrate main types of titles of dramatic compositions. The sources for analysis include 200 plays of more than one hundred Ukrainian playwrights. The title of a composition is an actualisator of almost all text categories, and it is this fact that illustrates the multi-functionality of titles.

Titles are created following particular patterns which are led by general regularities of syntax. Having analyzed titles of dramatic compositions, we can state that the biggest part constitutes titles which are word-combinations. Typology of titles of dramatic compositions as for indication of the object, place, action is presented in four groups: 1) titles connected with proper names of characters of plays; 2) titles that indicate social status of a character or other personal features; 3) titles of plays which demonstrate the place of action; 4) titles which inform the reader about this or that event. Some of analyzed titles are aimed at originality, unexpectedness, provocation.

The prospect of further investigation is the analysis of titles as means of expression of authors' positions in a dramatic composition.

Key words: title, text categories, dramatic compositions, concept, title's structural scheme, author, reader.

Питання визначення статусу заголовка щодо тексту до цього часу має дискусійний характер. Одні дослідники обґрунтовують думку щодо заголовка як частини тексту, інші інтерпретують заголовок як самостійний елемент. Низка розвідок подає аналіз двоїстої природи заголовка (наприклад, дослідження Н. Кожині, Л. Коробової [6; 7]), що дає змогу назві твору бути як відносно самостійним елементом, так і частиною тексту.

Деякі лінгвісти через високу концентрацію інформації в заголовках і багатоплановість їх змісту трактують заголовки як цілісний текст. Витлумачуючи текст, за І. Поповою, як «будь-яке комунікативно значуще, формально й змістово завершене мовленнєве утворення, побудоване з певною прагматичною настановою» [11, с. 149], погоджуємося з думкою Л. Сахарного, який виділяє заголовки в особливу категорію текстів-примітивів, що являють собою своєрідний згорт художнього тексту, який згодом розкриває весь внутрішній потенціал заголовка [12, с. 221]. Отже, у своїй розвідці аналізуватимемо заголовки відносно самостійно від змісту решти драматичного тексту, хоч і не заперечуватимемо амбівалентний характер заголовка, який уможливорює інтерпретацію основної частини художнього твору. Системні відношення *заголовок – текст* сформовані на векторі опозиції. З одного боку, заголовок сприймають як дотекстовий автономний мовний елемент, з іншого – як повноправний текстовий компонент, що є його скомпресованим змістом.

У пропонованій статті маємо на *меті* подати комплексний аналіз заголовків сучасних українських драматургічних творів. Поставлена мета передбачає виконання таких *завдань*: зробити структурний аналіз назв сучасних п'єс, з'ясувати функційний потенціал заголовків, їх зв'язок з основними текстовими категоріями, виділити й проілюструвати основні типи заголовків драматургічних творів. Матеріалом для аналізу стали заголовки 200 п'єс понад ста сучасних українських драматургів, серед яких П. Ар'є, А. Багряна, Я. Верещак, А. Крим, Г. Легка, С. Майданська, О. Мардань, О. Миколайчук-Низовець, Н. Неждана, Н. Симчич і багато інших.

Попри широкий спектр дослідження заголовків, в українському мовознавстві не до кінця з'ясованими залишаються питання типології та функціонування заголовків сучасних українських драматургічних творів, що й зумовлює **актуальність** запропонованої роботи.

Заголовок художнього твору уможливорює різноманітні авторські інтенції, а саме: 1) відбиває авторське бачення відтворюваних ситуацій, реалізує авторський задум як цілісність, наприклад: «Дивна і повчальна історія» (О. Клименко), «Звичайна історія» (М. Ладо); 2) гармоніює художній текст з його художнім світом (головними героями, часом і простором тощо), наприклад: «Венера в хутрі» (Б. Жолдак), «Азартні ігри» (В. Герасимчук), «Вечір навшпиньках» (І. Бондар-Терещенко); 3) встановлює контакт з адресатом тексту й передбачає його оцінку. Заголовки безпосередньо звернені до адресата тексту, тому поодинокі назви навіть виражені питальними або спонукальними конструкціями, напр.: «Купіть місячну доріжку!» (В. Тарасенко), «Хто дзвонить у двері?» (Б. Мельничук), «Хто підставив Грейс Келлі?» (М.).

Заголовок і текст пов'язують з тема-рематичними відношеннями. Назва твору є темою художнього повідомлення. Текст же щодо назви вторинний і зазвичай є ремою. Як зазначає Н. Кожина, заголовок, проходячи через текст, стає ремою цілого художнього твору, і «функція номінації тексту поступово переходить у функцію предикації тексту» [6, с. 5]. Отже, заголовок – це інтегрована з текстом своєрідна формула для вираження теми та ідеї останнього.

Заголовок художнього твору є «актуалізатором практично всіх текстових категорій» [8, с. 90], саме цим можна пояснити поліфункціональність заголовків. Номінативна функція заголовків пов'язана з категорією інформативності. Заголовок називає п'єсу за темою – однією з основних її ознак, наприклад: «Пенсійні справи» (В. Сердюк), «Вакансія» (В. Пушкаренко). Мовознавець К. Горшкова зазначає, що заголовок як експліцитний знак поверхневої структури тексту є водночас потужним імпліцитним маркером його глибинної структури, тобто концепту [3, с. 175]. Трактуючи концепт тексту як його основну ідею, зауважимо, що наповнення змісту концепту має поступовий характер, оскільки саме в процесі прочитання драми зміст концепту трансформується й збагачується. На думку В. Кухаренка, семантична специфіка заголовка полягає в тому, що в ньому одночасно сконцентровано і конкретизацію, і генералізацію значення: «генералізація пов'язана із залученням до розшифрування заголовка багатьох значущостей різних елементів художнього тексту, що й дає змогу заголовкові стати знаком типового, узагальнювального, знаком концепту» [9, с. 96].

Категорія комунікативності пов'язана з тлумаченням заголовка як такого елементу організаційної структури драми, за допомогою якого відбувається пряма зовнішня комунікація й залишається поза полем дії система внутрішньої комунікації [2, с. 124]. Заголовок – це перший ілюкутивний акт, здійснений автором твору, за допомогою якого адресант намагається в максимально стислій формі передати адресатові максимально змістовну інформацію. Зокрема, назва «Пригости мене горіхами» (А. Багряна), що передає своєрідну філософію життя, є закликком автора до читача не контролювати власні бажання, уміти радіти кожній секунді буття, який стає зрозумілим у кінці п'єси. Особливістю назви драматургічного твору є те, що реципієнт не очікує прямої авторської допомоги в декодуванні значення заголовка, подібної тій, яку отримує під час прочитання роману чи поезії.

Категорія цілісності (когерентності) відбита в здатності заголовків відмежовувати один цілісний текст від іншого, що умотивовано делімітативною

функцією заголовків. Мовознавець І. Карімова вказує на те, що заголовок – це єдиний обов'язковий атрибут драматургічного твору, який має чітко фіксовану позицію в п'єсі [5]. Будь-який драматичний твір має назву, що є першим словесним знаком п'єси. Наприклад, заголовки «Сповідь з постаменту» (А. Семерякова), «Час відьом» (Лана Ра), як і безліч інших, починають знайомство читача із твором.

Експліцитним є зв'язок заголовка з категорією модальності, виражений через використання конотативної лексики в прямому значенні або ретроспективне оцінне переосмислення заголовка. Ю. Лотман зазначає: «Заголовок співвідноситься з лексико-оцінною темою тексту, і функцію його можна позначити як привертання уваги через вербалізацію описуваної в основному тексті проблеми» [10, с. 10]. Наприклад, назви «Тріумфальна жінка» (Н. Ковалик), «Шляхетний дон» (С. Щученко) передають суб'єктивне авторське ставлення до своїх персонажів.

Категорія зв'язності тексту (когезія) актуалізована за рахунок повтору лексем із заголовка в структурі драматургічного твору. Заголовок художнього тексту є знаком, що потребує постійного повернення до себе, ретроспективного усвідомлення адресатом (читачем) свого значення. Саме цим заголовок пов'язує початок і кінець драматургічного твору. Так, у п'єсі В. Сердюка й В. Кожелянка «Лізкава» okazіональна лексема *лізкава* зустрічається, крім заголовка, у мові персонажів 10 разів щоразу з іншим асоціативним значенням. Зазначена лексема концентрує на собі увагу читача, чим об'єднує текст драматургічного твору, являючи собою засіб когезії.

Категорія інтертекстуальності умотивована використанням у заголовках драматургічних творів цитат й алюзій на інші твори, зокрема класичні й Біблію. Наприклад: «Є в ангелів – від лукавого» (А. Багряна), «Ромео і Жасмин» (О. Гаврош), «Коломбіна, П'єро, Арлекін» (С. Лелюх), «Аве, Каїн!» (Ю. Табачников).

Крім зазначених вище функцій заголовків художніх творів, лінгвісти виокремлюють також графічно-видільну, атрактивну (рекламно-прагматичну), прогностичну та інші функції.

Графічно-видільна функція властива всім заголовкам і зумовлена залученням паралінгвістичних засобів, зокрема шрифту й візуальних компонентів організації назви твору. За цією функцією вирізняємо назви, у яких автори використовують латиницю, додаткові «нелітерні» символи й знаки, наприклад: «Help» (С. Щученко), «Requiem на замовлення» (С. Самосенко), «YQ» (Ю. Паскар), «Mira+Epika(a)» (Н. Симчич), «Сто бак\$ів» (С. Ушкалов).

Атрактивна функція пов'язана зі здатністю заголовків привертати увагу читача, бути неочікуваними, виразними, епатажними. Ця функція яскраво виявлена в сучасних назвах українських драм, напр.: «Розібрати М.** на запчастини» (В. Сердюк), «Душа моя зі шрамом на коліні» (Я. Верещак), «Борщ» (Є. Марковський, А. Непиталюк). Так, у п'єсі на дві дії «Краще з'їсти кирпичину» Л. Драбини заголовок, жодна асоціація з яким відсутня в самому тексті драми, тримає читача в постійному напруженні, зацікавленості в тому, чому твір має таку назву. І лише перед самою завісою назва стає своєрідною відповіддю дійових осіб на пропозицію керівника-деспота, коли «усі мовчки витягають руки вперед і показують на замуроване цеглою вікно» [4], ніби говорячи, що «краще з'їсти кирпичину», ніж співпрацювати з вами.

Прогностичну функцію тлумачимо як здатність заголовка будувати у свідомості читача своєрідну проекцію тексту, уможлививши цим передбачення

змісту п'єси. Успішна реалізація цієї функції залежить від контекстного середовища заголовка, що складається зі взаємодії мікроконтексту (лінгвістичного контексту в межах заголовка), макроконтексту (контексту всього драматичного твору) й екстралінгвістичного контексту (позатекстової життєвої ситуації). Так, назва «Станція» (О. Вітер) може викликати в читача такі передбачення щодо змісту п'єси: «станція метро», «вокзальна станція», «автозаправна станція», «науково-дослідна станція», «міжпланетна станція», «поштова станція» та ін. Утім під час прочитання тексту може бути втілена лише одна з асоціацій, пов'язаних із заголовком, оскільки дії в драмі розгортаються на станції залізничного вокзалу.

Проаналізовані функції беззаперечно підтверджують думку І. Арнольд, яка відносить заголовок до «сильної позиції тексту» [1, с. 24], оскільки саме назва вибирає концентровану сутність твору, не належачи в цьому разі йому повністю.

Заголовки побудовані за певними моделями, підпорядкованими загальним закономірностям синтаксису. Структурно заголовки поділяємо: 1) на заголовки-словоформи: «Хованка» (Я. Верещак), «Вакансія» (В. Пушкарєнко); 2) заголовки-словоз'єднання [11, с. 114]: «Ассо і Піаф» (О. Миколайчук-Низовець), «Авва і Смерть» (О. Танюк); 3) заголовки-словосполучення [Там само, с. 114]: «Азартні ігри» (В. Герасимчук), «Угода з ангелом» (Н. Неждана); 4) заголовки-речення: «Що Вам до вподоби?» (К. Солов'єнко), «Боги вмирають від нудьги» (А. Багряна). Окремо варто виділити подвійні заголовки, що структурно складаються із двох назв, виражених словосполученнями, словоз'єднаннями або реченнями, наприклад: «Труп на кухні, або Вагітна Лола» (М. Вакула), «Піймати за хвіст бісенятко, або Як вийти заміж» (Т. Іващенко).

Проаналізувавши заголовки драматичних творів, зазначимо, що найбільшу групу становлять назви – словосполучення (52%). Серед них найпоширенішими виявилися прості субстантивні словосполучення з головним компонентом – іменником у називному відмінку, які відповідно до залежного слова розмежовані: а) на субстантивно-ад'єктивні (найбільш вживаний тип словосполучення), наприклад: «Паперові фрегати» (Д. Березіна), «Любий розпусник» (В. Тарасов); б) субстантивно-субстантивні, наприклад: «Танго з пустотою» (Ж. Безп'ятчук), «Дорога до моря» (О. Мацюпа); в) субстантивно-прономінальні (поодинокі приклади вживання), наприклад: «Брате мій» (Я. Верещак). Маловживаними є інші сполучення, а саме: нумеральні, наприклад: «Сім кроків до Голгофи» (О. Гончаров), «Три Ніцше» (Т. Киценко); вербальні: «Грати в ката-мишку» (О. Мардань) та ін. Складні субстантивні поєднання слів, що мають три й більше компонентів, посідають значне місце серед заголовків-словосполучень, наприклад: «Сезон полювання на кохання» (В. Тарасов), «Газовий котел у кредит» (Г. Легка), «Сліди вчорашнього піску» (О. Вітер).

Група заголовків з однослівним компонентом посідає друге місце за частістю (24 %). Чим лаконічніший заголовок, тим більш семантично значущим він є. У зазначеній групі домінують іменники у формі називного відмінка, наприклад: «Кафедра» (В. Врублевська), «Стіна» (О. Шниткіна), «Міміка» (Л. Якимчук); інші словоформи постають поодинокі: «Сподіватись» (Ю. Щербак), «Над часом» (А. Багряна).

Меншою є група, представлена заголовками-реченнями (9 %), наприклад: «Коли повертається дощ» (Н. Неждана), «Стефко продався мормонам» (Я. Верещак), «Неаполь – місто попелюшок» (Н. Ковалик), «Я знаю п'ять імен хлопчиків» (О. Погребінська). Найменш численними виявлено заголовки, виражені словоз'єднанням (3 %), наприклад: «Калина та песиголовці»

(Н. Марчук), «Дахи і східці» (К. Тягло); а також подвійні заголовки (6 %): «Вареники, або 18 гризота» (Р. Обшарська), «Повернення, або Баскетбол на двох» (Ю. Паскар), «День пригод, або 32 червня» (В. Сердюк).

Досліджувані заголовки переважно побудовані за такими синтаксичними структурними схемами: N1, A1N1, N1N2, де N – іменник, A – прикметник, цифра вказує на відповідний відмінок, наприклад: «Реторта» (М. Соколян), «Різниця» (А. Вишневецький); «Літній сум» (А. Бондаренко), «Єврейський годинник» (С. Кисельов, А. Рушковський); «Жага екстриму» (А. Крим), «Доктрина Менделя» (О. Гончаров), «Допит небіжчика» (І. Негреску).

Класифікація заголовків запропонована багатьма дослідниками й ґрунтується на структурно-граматичних та змістових характеристиках. Услід за О. Кубряковою [8, с. 5–6] подамо типологію назв драматургічних творів за виявом об'єкта зображення, місця, дії, розподіляючи заголовки на чотири групи: 1) назви, пов'язані з власними іменами героїв п'єс: «Летіція» (О. Костецький), «Давид» (В. Лесюк), «Ельза» (Л. Волошин); 2) заголовки, що містять вказівку на соціальний статус героя або інші особистісні характеристики: «Люб'язніший приятель» (О. Гаврош), «Святополк окаянний» (О. Клименко), «Шинкарка» (С. Новицька); 3) назви п'єс, у яких указано місце дії: «Дачі» (М. Нікітюк), «Coney Island» (В. Махно), «Кавказ» (В. Бобрович); 4) заголовки, що повідомляють про ту чи ту подію: «Вибори біля панелі» (В. Герасимчук), «Неоголошена війна» (О. Заворотній), «Зрада» (С. Майданська).

У квантитативному співвідношенні кількість заголовків першого типу становить 5 %, другого – 15 %, третього – 17 %, четвертого – 24 %. Переважання назв, асоційованих з подіями, місцями та соціальною характеристикою героїв, свідчить про зсув художнього інтересу до сфери соціуму.

Серед аналізованих заголовків виокремлюємо розраховані на оригінальність, неочікуваність, епатаж, наприклад: «Свиняча печінка» (С. Брама), «Пластиліновий метал» (В. Сердюк, В. Кожелянко), «Краще з'їсти кирпичину» (Л. Драбина), «Зніміть з небес офіціанта» (О. Миколайчук-Низовець). Запропоновані епатажні назви, на нашу думку, можна виділити в окремий тип, зазначивши, однак, що подібна характеристика можлива для назв будь-якого типу: «Заповіт цнотливого бабія» (А. Крим) – в основі назви соціальна характеристика героя та подія; «Село. Еволюція (8-й поверх)» (Д. Гуменний) – в основу заголовка покладено місце дії. Отже, зважаючи на численну кількість прикладів таких заголовків (17%), наведений вище тип можна трактувати як самостійний.

Нестандартні авторські заголовки є наслідком праці когнітивних механізмів авторської свідомості, підпорядкованих вибору найоптимальніших мовних форм, «мовленнєвих рівнянь». «Мовленнєве рівняння» – це слово (словосполучення, речення), що в разі завершення мовленнєвої комунікації дасть змогу адресатові адекватно, повністю декодувати більшість закладених у ньому смислів, а адресантові впевнитися в правильності кодування інформації, уміщеної в мовленнєвому рівнянні [2, с. 126].

Підтверджуючи думку М. Голованевої, зазначимо додатковим типом до класифікації О. Кубрякової групу назв, які містять вказівку на предмет чи явище, що відіграє вирішальну роль у розвитку сюжетної лінії п'єси [2, с. 127]. Наприклад: «Ікона» (П. Ар'є), «Очі лиха» (В. Гітін), «Жетон» (Б. Жолдак), «Портрет» (Р. Кухарук), «Корінь троянди» (Н. Симчич), «Пересажене серце» (В. Фольварочний). Кількісна характеристика цієї групи становить 15 % від загальної кількості аналізованих заголовків. Схожі назви утворені у процесі

номінативної діяльності мозку: заголовок цього типу, імпульсивно народжений ще на стадії задуму драми, виявляється найяскравішим з усіх варіантів.

Отже, проаналізувавши заголовки сучасних драматургічних творів, зауважимо, що це особливе лінгвістичне поняття, позначене поліфункціональністю й структурною різноманітністю. Типологія заголовків сучасних п'єс маркована тенденцією до епатажу, нестандартності, виразності. Заголовок є своєрідним «мовленнєвим рівнянням», що не можна розв'язати до кінця, оскільки драматург не може використати жодного мовного засобу для повної передачі бажаного смислу в назві твору. Перспективою подальшого дослідження можна вважати аналіз заголовків як засобів вираження авторської позиції в драматургічному творі.

Бібліографічні посилання

1. **Арнольд И. В.** Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностран. яз. в шк. – 1978. – № 4. – С. 24–27.
2. **Голованева А. М.** Коммуникативно-когнитивное пространство драмы (на материале русских пьес 1980–2000 годов) : монография / А. М. Голованева. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2011. – 255 с.
3. **Горшкова К. А.** Роль заглавия-аллюзии в реализации категории интертекстуальности в художественном тексте / К. А. Горшкова, Н. Г. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту. Сер. Романо-германська філологія. – 2005. – № 667. – С. 175–178.
4. **Драбина Л.** Краше з'їсти кирпичину [Електронний ресурс] : п'єса / Л. Драбина. – Режим доступу : <http://litforum.com.ua/index.php?r=11&a=2247>.
5. **Каримова И. Р.** Коммуникативная организация драматического произведения : на материале пьес А. Галича, В. Максимова, А. Вампилова [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. Р. Каримова. – Казань, 2004. – 21 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kommunikativnaya-organizatsiya-dramaticheskogo-proizvedeniya>.
6. **Кожина Н. А.** Заглавие художественного произведения : структура, функции, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Н. А. Кожина. – М., 1986. – 18 с.
7. **Коробова Л. А.** О семантике газетного заголовка / Л. А. Коробова // Иностран. филология. – Алма-Ата, 1975. – Вып. 6. – С. 77–84.
8. **Кубрякова Е. С.** Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67. – № 4. – С. 3–10.
9. **Кухаренко В. А.** Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
10. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
11. **Попова І. С.** Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) : монографія / І. С. Попова. – Д.: Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.
12. **Сахарный Л. В.** Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1986. – С. 221–237.

Надійшла до редколегії 15.02.14

УДК 81'367.624

С. В. Короткова

*Государственное высшее учебное заведение «Национальный горный университет»
(г. Днепропетровск)*

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ НАРЕЧИЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрена типология русских наречий в современной лингвистике; на материале сформированного корпуса наречий, функционирующих в специальных текстах, описаны их структурные типы; установлена степень соотнесенности структурных типов общеязыковых наречий и наречий специального дискурса.

Ключевые слова: наречие, структурные типы наречий, корпус наречий, общеязыковое наречие, специальный текст.

Короткова С. В., Державний навчальний заклад «Національний гірничий університет» (м. Дніпропетровськ). **СТРУКТУРНІ ТИПИ ПРИСЛІВНИКІВ У СПЕЦІАЛЬНОМУ ТЕКСТІ**

Розглянуто типологію російських прислівників у сучасній лінгвістиці; на матеріалі сформованого корпусу прислівників, що функціонують у спеціальних текстах, описано їх структурні типи; встановлено ступінь співвіднесеності структурних типів прислівників загальномовних прислівників та прислівників спеціального дискурсу.

Ключові слова: прислівник, структурні типи прислівників, корпус прислівників, спеціальний текст, загальномовний прислівник.

Korotkova S. V., State Higher Educational Institution «National Mining University» (Dnipropetrovsk). **THE STRUCTURAL TYPES OF ADVERBS IN SPECIAL TEXT**

The purpose of this research is to distinguish and to describe structural types of adverbs in special texts. To meet the goal we had to cope with the number of tasks : 1) to examine traditional typology of Russian adverbs in modern Linguistics; 2) to determine the set of special text's adverbs; 3) to divide these adverbs into groups according to their structural types. To cope with our tasks we used the descriptive method, which includes the techniques of observation, classification and comparison. Our analysis makes it possible to assert that a special text contains adverbial units of all traditionally distinguished types (substantive, adjectival, numerical, verbal and adverbial). The lexical contents of these groups are absolutely different in their volume as well as in their patterns of formation productivity degree. Our classes of adjective adverbs on *-о* (73 % of the expert) and on *-(ск)и* (8 %) can be viewed as lexically wide. All other determined patterns can be considered as less productive (less 1 % of the experts) or not productive (single examples). A group of models, for example, adverbial *по-...ку*, on *-охонько/-ошенько*, adverbial *без-...у*, *в-...-о*, *в-...-ку*, *на-...-о*, on *-мя* are not characteristic of special speech. The prospect research comprises the research of adverbs functional properties in different sublanguages of science and engineering in comparative aspect.

Key words: adverb, structural types of adverbs, case of adverbs, special text.

В русском языке наречие наряду с именными частями речи и глаголом представляет собой один из основных лексико-грамматических разрядов слов, что определяется, с одной стороны, ролью адвербиальных единиц в построении предложения, а с другой – их количественным составом. Изучению русских наречий посвящены многочисленные работы, в частности таких ученых, как И. К. Галаншина, О. А. Глущенко, В. Б. Евтюхин, В. М. Никитин, Ф. И. Панков, И. А. Попов, Л. А. Савелова, М. В. Филипенко, Н. В. Чурмаева и др. При этом наречие до сих пор остается одной из наиболее спорных частей речи, что объясняется в первую очередь нечеткостью границ между отдельными частями речи. В случае с наречием дело осложняется и тем, что в большинстве своем адверби-

альные слова являются производными. Одним из наиболее продуктивных способов образования наречий является адвербиализация, то есть переход слов иных частей речи в разряд наречий. Проследить этапы данного процесса, а тем более констатировать его завершение, оказывается не так просто.

В своей работе мы будем руководствоваться следующим определением наречия, дать которое нам позволил учет признаков слов данной части речи, традиционно выделяемых русскими лингвистами [1, с. 144; 2, с. 13–14; 6]: **наречие** – это лексико-грамматический разряд слов со значением непроцессуального признака, неизменяемых в большинстве своем и несогласуемых, примыкающих к глаголу, категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них и выступающих в первую очередь в синтаксической функции обстоятельства.

Давая определение наречию как целому классу слов, мы осознаем, что «речь идет лишь об относительной однородности, которая задается общностью семантико-синтаксических свойств на определенной ступени абстракции» [7, с. 32], а потому требует дальнейшего тщательного изучения.

Целью настоящего исследования является выделение и описание структурных типов наречий, встречающихся в специальном тексте. Для достижения поставленной цели предполагается решить несколько **задач**: 1) рассмотреть традиционную типологию русских наречий, представленную в современной лингвистике; 2) методом сплошной выборки выявить корпус наречий, функционирующих в специальном тексте; 3) распределить наречия по структурным типам; 4) установить степень соотносительности структурных типов общеязыковых наречий и наречий специального дискурса. При решении заявленных задач использован в основном метод описания, включающий приемы наблюдения, обобщения, классификации и сопоставления.

Описание семантики, структурных особенностей, специфики функционирования наречий в специальном тексте, на наш взгляд, может существенно расширить представления о смысловом и функциональном богатстве класса адвербиальных слов русского языка. Изучение текстов данного типа позволяет говорить о том, что класс наречий в русском языке постоянно пополняется: в специальном тексте встречаются слова, не зафиксированные ни в толковых, ни в словообразовательных словарях современного русского языка.

В качестве источников фактического материала послужили научные и производственно-технические тексты, отражающие процессы коммуникации в научной и производственно-технической сферах (см. Список источников фактического материала).

Процесс формирования наречий, как известно, начался давно, но продолжается и сегодня, что демонстрируют исследования текстов разных типов, в том числе и специальных. Все наречия русского языка этимологически восходят к словам других частей речи, хотя многие из них на современном этапе имеют статус непроизводных слов. Так, к немотивированным относятся древнейшие по образованию наречия, связанные с местоимениями. В современном русском языке они выступают как непроизводные, и в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова [9] отмечены как вершины словообразовательных гнезд. Так, базой для производства наречий исторически являлись, по данным Э. А. Балалыкиной, древнейшие местоимения: вопросительно-относительные и указательные. Первая группа вопросительно-относительных местоименных наречий характеризуется элементом **-къ**: *как, куда, где, откуда, когда, пока*. Вторая

группа содержит бывший указательный элемент **-тъ**: *так, туда, там, оттуда, тогда*. Третья группа – это местоименные наречия также с древним указательным элементом **-сь**: *везде, всюду, отсюда, здесь, всегда* [1, с. 149–150]. В специальном языке такие наречия функционируют в основном как союзные слова в составе сложноподчиненных предложений. Наиболее частотным оказалось наречие *когда*. Ср.: *Однако это выгодно только тогда, когда на каждый переход затрачивается малое машинное время* [ТТМ, с. 151]; *К тому же редки случаи, когда крутой пласт залегает изолированно* [ГД, с. 59].

К немотивированным мы отнесли единицы, которые зафиксированы в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова как вершины словообразовательных гнезд, среди них наречия *пока, сплошь*, представленные в следующих контекстах: *Пока на роторных линиях лучшие всего освоены всевозможные процессы обработки давлением...* [ТТМ, с. 202], *Вся площадь щита сверху сплошь перекрыта двумя рядами металлической сетки* [ГД, с. 191]. Кроме того, мы считаем немотивированными наречия *весьма, гораздо, иногда, очень, почти*, которые не зафиксированы в Словообразовательном словаре и по данным Морфемно-орфографического словаря А. Н. Тихонова [8] не делятся на значимые части – морфемы.

Анализ известных нам структурных типологии наречий (см., например: [1, с. 151–159; 6; 7, с. 54–56]), позволяет сказать, что традиционно русисты соотносят слова данной части речи с существительными (*днем, про запас*), с прилагательными и причастиями (*весело, примиряюще*), с местоимениями (*по-вашему*), с числительными (*дважды, вдвое*), с глагольными формами (*молча, припеваючи*), с наречиями (*недолго, тихонько*). Причем наиболее лексически обширными в современном русском языке (как и на более ранних этапах его развития) считаются следующие формальные классы наречий: 1) отадективные на **-о, -(ск)и, по-...-и, по-...-ому/-ему**; 2) отсубстантивные на **-ом/-ем, -ой/ою, -ами**, соотносительные с формой творительного падежа; 3) отнаречные на **не-, -оват(о), -еньк-/оньк(о)**; 4) откомпаративные на **по-**; 5) отпричастные на **-ще** [7, с. 54].

Выделяются также менее продуктивные и непродуктивные формальные классы наречий: отадективные модели **в-...-ую** (*вкрутую*), **в-...-о** (*встарь*), **в-...-е** (*вкратце*), **в-...-о** (*влево*), **впро-...-о** (*впрозелень*), **до-...-а** (*добела*), **из-...-а** (*издалека*), **за-...-о** (*задолго*), **на-...-е** (*налегке*), **на-...-о** (*намертво*), **по-...-у** (*подолгу*), **с/со-...-а/у** (*свысока*), на **-ком, ш/ом** (*тайком, нагишом, живьем*); отсубстантивные модели **впол-...-а** (*вполголоса*), а также адвербиализированные предложно-падежные формы типа *до тошноты, сходу, по дешёвке, кверху, вмиг, набок, под ключ, под пятой, вдали, на бегу*; отнаречные модели **по-...-(к)у** (*потихоньку, понемногу*), на **-охонько/-ошенько** (*ранёхонько, скорёшенько*); отнумеративные модели **в-...-ом** (*вдвоём*), **в-...-о** (*вдвое*), **на-...-о** (*надвое*), на **-жды, -ју** (*дважды, шестью*); отглагольные модели **без-...-у** (*без просыпу*), **в-...-о** (*взахлёб*), **в-...-ку** (*вдогонку*), **на-...-о** (*наповал*), на **-мя** (*стоймя*), на **-(к)ом, -ју** (*волоком, ощупью*); отглагольные и отнаречные на **полу-** (*полулёжа, полусерьёзно*); декомпаративы на **-ее, -ше** (*левее, дальше*) [Там же, с. 54–56].

Рассмотрим теперь структурные типы мотивированных наречий, функционирующих в специальных текстах.

I. Большую продуктивную группу в русском литературном языке составляют наречия на **-о**, производные от прилагательных и причастий. В специальном тексте такие наречия наиболее частотны. В результате сплошной выборки в научных и производственно-технических текстах нами зафиксировано около

250 отадъективных наречий, образованных с помощью суффикса *-о*, причем часть таких наречий в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова не отмечена, фиксируются только соответствующие прилагательные или причастия, выступающие в качестве мотивирующей основы. Наречия данной подгруппы образуются как от общеупотребительных, так и от терминологических прилагательных: *бифилярно, опосредованно, ориентировано, пространственно, секционно, тангенциально, веерообразно* и др. Функционирование таких слов демонстрирует продуктивность словообразовательной модели, по которой они образуются, а также показывает роль наречия в специальном тексте, его способность выражать необходимое содержание минимальным образом. Такие единицы совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи. Причем в силу высокой продуктивности или так называемой привычности этой модели, которую отмечали ученые, исследовавшие наречия-инновации, такие образования не воспринимают носители языка как новые (см., например: [10, с. 41]).

Мотивирующей основой отадъективных наречий на *-о* могут выступать непроизводные прилагательные, которые являются вершинами соответствующих словообразовательных гнезд, например, *активный* в знач. «деятельный», *интенсивный, компактный, косвенный, совершенный, ясный*. Ср.: *Чтобы струя воздуха активно омывала забой, ... по подбортным стойкам полосы (по длине штрека), производят отшивку из прорезиненной ткани* [ГД, с. 179]; *Высота гребешков особенно интенсивно возрастает на участке подач 0,6–0,7 мм/об.* [ТТМ, с. 57]; *Амплитуду горизонтальных ускорений определяют косвенно* [КГР, с. 250]; *Зависимость удельного сопротивления горной породы от давления ... ясно выражена у пористых горных пород* [ЭР, с. 20]).

Довольно часто наречия анализируемой группы мотивированы производными прилагательными, которые, в свою очередь, образованы:

– суффиксальным способом с помощью суффиксов *-н(ый)* (*абсолютный, автономный, выгодный, достаточный, комплексный, консольный, параллельный, раздельный* и др.), *-нн(ый)* (*децентрализованный, изолированный*); *-онн(ый)* (*дистанционный, приближенный, сокращенный, традиционный, упрощенный*), *-енн(ый)* (*естественный, качественный, количественный, обособленный, особенный, преимущественный, рассредоточенный, соответственный, существенный* и др.), *-тельн(ый)* (*длительный, дополнительный, желательный, затруднительный, значительный, исключительный, касательный, обязательный, отрицательный* и др.), *-ательн(ый)* (*окончательный*), *-альн(ый)* (*горизонтальный, максимальный, минимальный, нормальный, радиальный, экспериментальный*), *-ельн(ый)* (*смертельный*), *-ичн(ый)* (*аналогичный, ритмичный, симметричный, экономичный*), *-ивн(ый)* (*конструктивный, эффективный*), *-чив(ый)* (*настойчивый*), *-ист(ый)* (*прерывистый*) *-т(ый)* (*замкнутый*). Ср.: *Однако соорудить абсолютно воздухонепроницаемую перемышку невозможно* [ГД, с. 392]; *Приблизленно размер партии можно определить по формуле ...* [ТТМ, с. 87]; *Естественно, что эффективность управления зависит в конечном счете от того, насколько качественно работает человек-управляющий* [УК, с. 20];

– сложением (*круглосуточный, прямолинейный, подковообразный* и др.), например: *Рольганги размещают прямолинейно, подковообразно или замкнуто в виде вытянутой буквы «о»* [ТТМ, с. 502].

– префиксацией с помощью приставок *не-* (*немедленный, необратимый, неподвижный, непрерывный*) и *по-* (*попеременный*). Ср.: *Оплаваясь, смола обвола-*

квивает зерна песка тонкой пленкой, которая при дальнейшем нагревании **необратимо** затвердевает [ТТМ, с. 24]; Обогащение осуществляется в **попеременно** восходящей и нисходящей струе воды... [ГД, с. 256];

– префиксально-суффиксальным способом: *не-избеж-н(ый), на-гляд-н(ый), по-очеред-н(ый), чрез-мер-н(ый), за-вед-ом(ый)*. Ср.: Штамповка в открытых штампах **неизбежно** сопровождается потерей металла на образование облоя до 20% и более от веса заготовки [ТТМ, с. 17]; Боковые стороны витка обрабатываются **поочередно**, с круговой подачей резцов [ТТМ, с. 379].

Некоторые качественные наречия на **-о, -е** имеют формы словоизменения – образуют степени сравнения, что является своеобразным исключением, так как наречие считается неизменяемой частью речи. Сравнительная степень наречия омонимична сравнительной степени прилагательных, но они различаются синтаксически: сравнительная степень наречия относится к глаголу: *Перестройка станков общего назначения, выполняющих одну простую операцию, осуществляется **быстрее** и **проще**, чем перестройка сложных станков с большей концентрацией обработки* [ТТМ, с. 78]; *Установлено, что при фрезеровании износ режущего инструмента происходит **интенсивнее**, чем при точении...* [МТМ, с. 36].

Во вторую продуктивную группу как в литературном языке, так и в языке для специальных целей входят наречия на **-и**, образованные от прилагательных на **-ский**. Наречий с таким словообразовательным формантом мы встретили чуть больше двадцати. О продуктивности данной словообразовательной модели нам позволяет говорить наличие образований, которые можно отнести к потенциальным производным, то есть не зафиксированным в Словообразовательном словаре среди образований от соответствующих прилагательных с суффиксом **-ическ(ий)** (*асимптотический*) и с суффиксом **-еск(ий)** (*кинематический*). Такие наречия встречаются в следующих контекстах: *Кривая **асимптотически** приближается к оси абсцисс* [МТМ, с. 48]; *...на шахтах осуществлялась взрывная отбойка руды на скребковый конвейер, **кинематически** увязанный с крепью и забойными щитами ограждения* [ОН, с. 23].

В качестве мотивирующей основы наречий данной группы, зафиксированных в Словообразовательном словаре, могут выступать:

– непроизводные прилагательные (*герметический, термический*): *В потолке камеры 8 монтируются насос-форсунка ... и **герметически** закрытый стеклом осветительный фонарь 6 для местного электрического освещения камеры* [ТТМ, с. 277]; *Верхнюю часть ножа делают из ... **термически** обработанной высококачественной стали* [ТТМ, с. 116].

– прилагательные с суффиксами **-еск(ий)/-ическ(ий)** (*графический, математический, механический, пластический, практический, технический, экономический, электрический; автоматический, аналитический, периодический, стратегический, технологический, фактический, химический, циклический* и др.). Ср.: *Полученные отсчеты **математически** приводят к оси конструкции* [МН, с. 62]; *...компенсирующая разность потенциалов подбирается **автоматически** без участия оператора* [ЭР, с. 140]; *В обычных условиях ... метан **химически** инертен и соединяется только с галоидами* [ГД, с. 271].

Единичны примеры отадъективных наречий с суффиксами **-е, -иком, -остью**, образованные от прилагательных *крайний, полный, целый* и др. Ср.: *...на данной ступени допуск использован **полностью*** [ТТМ, с. 36]; *...выявлены изменения силы тяжести, которые не могут быть **целиком** объяснены погрешностью измерений* [КГР, с. 68].

Наречия могут быть образованы и конфиксальным способом, причем в отличие от литературного языка в специальных текстах набор таких формантов менее разнообразен. Продуктивными оказались модели образования наречий с формантами:

– **по-... -ому, по-...-ему**: *По-иному* ведут себя вторые производные гравитационного потенциала [КГР, с. 32]; Протягивание **по-черному** требует специальной конструкции протяжек... [ТТМ, с. 134];

– **с-...-а**: При обработке двустороннего ступенчатого вала пришлось бы значительную часть работы производить с подачей **слева** направо, что нерационально [ТТМ, с. 106]; Для соединения в конце каждой трубы закладывается кольцо из стальной проволоки, которое **слегка** сжимается... [ГД, с. 358].

– **на-...-о**: Сначала всю партию валов обрабатывают **начерно** в две установки, после чего валы обтачивают **начисто**, также в две установки [ТТМ, с. 106];

– **в-...-е**: В производственных условиях такого сравнения часто бывает **вполне** достаточно [ТТМ, с. 60]; Общий расход воды в сосудах на предупреждение одного взрыва равен 5 кг площади поперечного сечения выработки **вчерне** [ГД, с. 294].

– **на-...-ую, в-...-ую**: ...обрабатываемая деталь устанавливается на направляющую линейку **вплотную** к осевому упору... [ТТМ, с. 117]; ...чугунные и бронзовые детали шлифуют **всухую** [ТТМ, с. 141]; Детали диаметром от 0,12 до 15 мм редуцируют **вхолодную**... [ТТМ, с. 38].

Еще более редки наречия, образованные от прилагательных конфиксальным способом по моделям **за-...-о**, а также **в-...-о**: Наиболее устойчив диоксид азота NO_2 – газ красно-бурого цвета и легко обнаруживается по резкому запаху **зadolго** до опасной концентрации [ГД, с. 270]; Обнажившаяся поверхность металла **вновь** покрывается пленкой... [ТТМ, с. 264].

И наконец, к отадъективным образованиям можно отнести адвербиализированные сочетания предлога **в** с прилагательным в форме предложного падежа: Долбежные станки **в основном** применяют в индивидуальном и мелкосерийном производствах для обработки поверхностей сложной конфигурации... [ТТМ, с. 227].

II. Среди **наречий, образованных от существительных**, традиционно выделяют две группы: наречия, восходящие к существительному с предлогом, и наречия, восходящие к беспредложным формам существительных. Первые составляют большинство из зафиксированных нами отсубстантивных наречий (22 единицы из 25). Значение предлога при этом тесно сливается со значением падежа, образуя новое, обстоятельственное значение всей формы. В этой группе выделяется несколько морфологических типов, восходящих к сочетаниям различных падежей с разными предлогами:

– родительный с предлогом **с** (*сразу, сначала, снизу* и др.): Круг при этом методе шлифования **сразу** устанавливают на полную глубину снимаемого припуска [ТТМ, с. 113]; Цикл работ включает в себя ... отбойку угля слоями **снизу** вверх... [ГД, с. 86];

– дательный с предлогом **по** (*по преимуществу, по вертикали* и др.): Наличие таких возможностей, их развитие **«по горизонтали»** и качественным характеристикам **«по вертикали»** создает новый уровень конкурентоспособности предприятия [УК, с. 43]; Продукты обогащения **по отдельности** вместе с суспензией поступают на грохоты со щелевидными ситами [ГД, с. 255];

– винительный с предлогами **в, на** (наполовину, вниз, внахлестку и др.): *Одинарные перемычки сооружают из двух-четырех стоек, к которым со стороны движения воздуха прибавляют **внахлестку**, сверху **вниз**, доски или обапола* [ГД, с. 346]; *Внутренний валовой продукт сократился на 58,5%, а объем производства промышленной продукции – **наполовину*** [УК, с. 45];

д) предложный с предлогом **в**: *Крыло – часть шахтного поля (или горизонта), расположенная по одну сторону от вертикальной плоскости, которую проводят **вкрест** простираения пласта...* [ГД, с. 25]; *С уменьшением подачи шероховатость обработанной поверхности **вначале** уменьшается очень быстро, а затем замедляется* [ТТМ, с. 57].

Наречия, восходящие к беспредложным формам существительных, образованы путем своеобразной изоляции одной падежной формы [3, с. 27]. Пополнение наречий за счет падежных и предложно-падежных форм имен существительных – это непрерывный процесс, который продолжается и сейчас, что иллюстрируют такие слова, как *вкрест, прессованием, самотеком, скачком*, не зафиксированные в Словообразовательном словаре, но встречающиеся в специальном языке: *Сложные профили из цветных сплавов, а также из стали получают **прессованием*** [ТТМ, с. 22]; *... увеличивается дробление угля, который **самотеком** спускается в откаточный штрек...* [ГД, с. 59]; *... вторая производная потенциала притяжения при переходе через поверхность шара терпит разрыв и изменяется **скачком** на ± 4* [КГР, с. 32]. Можно сказать, что падежные и предложно-падежные формы с обстоятельственным значением являются постоянным резервом наречий как части речи.

III. Наречия, мотивирующей основой которых выступают наречия, составляют третью по численности группу (27 единиц). Из всех моделей, которые встречаются в литературном языке, в специальных текстах продуктивной оказалась лишь префиксальная модель с префиксами **не-, на-, за-, из-** (несколько, насквозь, заранее, извне и др.). Ср: *В этом случае выражение (2.1) **несколько** преобразуется и получает вид $I=I_o (L+L_{дон})/100$* [МТМ, с. 37]; *При бесконтактном сближении электродов ... сначала образуются углубления на поверхности детали, а затем они прошиваются **насквозь*** [ТТМ, с. 40].

Большинство образований рассматриваемой группы имеет двойственную мотивацию, так наречия *незначительно, неоправданно, нередко* и подобные в Словообразовательном словаре приводятся в разных словообразовательных цепочках, в одной из которых производящим выступает наречие (*значительно, оправданно, редко* и т. д.), а в другой – прилагательное или причастие (*незначительный, неоправданный, нередкий* и т. д.). Но учет контекстов, в которых функционируют данные слова, позволяет нам считать более вероятной связь с наречием, так как рассматриваемые образования являются антонимами наречий без **не-**. О продуктивности такой модели свидетельствуют образования, не зафиксированные лексикографическими источниками: *В тех случаях, когда мощность станка используется **неполностью**, догружать станок следует увеличением числа одновременно работающих инструментов* [ТТМ, с. 84]; *Для определения функции U_2 образуем из выражения частные производные по координатам x, y, z , **неявно** входящим в нее через ρ* [КГР, с. 34];

Отсутствие суффиксальных образований можно объяснить тем, что суффиксы, которые участвуют в образовании отнаречных наречий, как правило, вносят эмоционально-оценочный компонент, что делает образования типа *слабовато, хорошенько* ограниченными по сфере функционирования и недопустимыми в

языке для специальных целей. Для научной речи, по наблюдениям многочисленных исследователей, типичны смысловая точность, безобразность, объективность изложения.

IV. В связи с тем что сама группа числительных лексически ограничена, **наречия, образованные от числительных**, очень немногочисленны. В литературном языке все разряды числительных (количественные, порядковые, собирательные) могут образовывать наречия. В исследованных нами текстах мы встретили 5 отнумеративных наречий. Среди них:

– суффиксальное образование на **-жды** от количественного числительного *два*, которое восходит к древнему сочетанию числительного с глаголом *шьды* (от *идти*) *дъва + шьды* – «два раза шедший» [1, с. 158] и конфиксальное наречие, образованное по модели **за-...-о** от количественного числительного *один*: *При точном вращении Земли каждая точка земной поверхности будет дважды находиться в условиях, когда сила тяжести минимальна* [КГР, с. 69]; *Постоянные плиты выполняют заодно с корпусом кондуктора* [ТТМ, с. 449];

– конфиксальные со вторым нулевым элементом от собирательных числительных с предлогом **в**: *...составляющая P_y возрастает почти вдвое* [МТМ, с. 179]; *...товарооборот между странами СНГ сократился почти втрое* [УК, с. 37];

– конфиксальное образование от порядкового числительного *первый* по модели **с-...-а**: *Для автоматов ... следует записывать переходы сперва выполняемые поперечным суппортом в 1-й позиции ...* [ТТМ, с. 187].

V. Самой непродуктивной группой оказались **отглагольные наречия**. Нами было зафиксировано лишь одно суффиксальное образование *включительно*, которое, по данным Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, является производным от глагола *включить*: *Гидравлическая добыча применяется на пластах мощностью 0,9 – 20 м с углами падения 5-80°, по газу метану – до сверхкатегорных включительно...* [ГД, с. 220].

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что в специальном тексте представлены адвербиальные единицы всех традиционно выделяемых структурных типов (отсубстантивные, отадъективные, отнумеративные, отглагольные и отнаречные), однако лексическое наполнение данных групп различно как по своему объему, так и по степени продуктивности моделей образования. Так, к лексически обширным в специальном языке можно отнести лишь классы отадъективных наречий на **-о** (73 % всей выборки) и **-(ск)и** (8 %). Все остальные обнаруженные модели можно рассматривать как менее продуктивные (менее 1 % выборки) или непродуктивные (единичные примеры). Целая группа моделей, например, отнаречные *по-...ку*, на *-охонько/-ошенько*, отглагольные *без-...-у*, *в-...-о*, *в-...-ку*, на *-...-о*, на *-мя* в силу своей стилистической окрашенности для специальной речи не характерна.

Важно отметить, что процесс пополнения лексики современного русского языка продолжается. В специальной речи функционирует значительный пласт наречий, не представленных в лексикографических изданиях. Большинство таких наречий образовано узуальными способами в соответствии с законами русской грамматики, при этом наибольшую активность можно отметить у суффиксального (словообразовательные форманты **-о**, **-и**), префиксально-суффиксального (словообразовательные форманты **в-...-ую**, **в-...-о**), морфолого-синтаксического (адвербиализация формы творительного падежа существительного) и префиксального (словообразовательный формант **не-**) способов.

Перспектива исследования видится нам в изучении функциональных свойств наречий, используемых в различных подъязыках науки и техники в поставительном аспекте.

Библиографические ссылки

1. **Балалыкина Э. А.** Современный русский язык. Морфология. Часть I: Имена. Наречия. Категория состояния / Э. А. Балалыкина. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2003. – 172 с.
2. **Евтюхин Е. С.** Наречие : учеб. пособие / В. Б. Евтюхин. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 48 с.
3. **Калечиц Е. П.** Переходные явления в области частей речи (учебное пособие по спецкурсу) / Е. П. Калечиц. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1977. – 78 с.
4. **Пристайко Т. С.** Лексико-номинативная организация специального текста : монография / Т. С. Пристайко. – Д.: УкО ІМА-прес, 1996. – 200 с.
5. **Радзієвська Т. В.** Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзієвська. – К. : Вид-во Ін-ту укр. мови НАНУ, 1993. – 194 с.
6. **Русская грамматика:** в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusgram.narod.ru>.
7. **Савёлова Л. А.** Семантика и прагматика русского наречия : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Савёлова. – Северодвинск, 2009. – 386 с.
8. **Тихонов А. Н.** Морфемно-орфографический словарь / А. Н. Тихонов. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 704 с.
9. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. – М. : Рус. яз., 1990.
10. **Тропина И. А.** Наречия-инновации : лингво-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. А. Тропина. – Ростов н/Д, 2007. – 148 с.

Список источников фактического материала

ГД – Килячков А. П. Горное дело : учебник для техникумов / А. П. Килячков, А. В. Брайцев. – М.: Недра, 1989. – 422 с.; **ОН** – Коровяка Є. А. Обґрунтування напрямів удосконалення технології розробки тонкожилних золоторудних родовищ України : монографія. – Д. : Нац. гірн. ун-т, 2008. – 139 с.; **МР** – Магниторазведка. Справочник геофизика / под ред. В. Е. Никитского, Ю. С. Глебовского. – М. : Недра, 1980. – 367 с.; **МТМ** – Маталин А. А. Технология машиностроения : уч. для машиностр. вузов по специальности «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» / А. А. Маталин. – Л. : Машиностроение, Ленингр. отд-ние, 1985. – 496 с.; **КГР** – Миронов В. С. Курс гравитационной разведки / В. С. Миронов. – Л. : Недра, 1980. – 543 с.; **МН** – Николаева Т. Г. Маркшейдерские наблюдения за деформациями металлоконструкций горнотранспортного оборудования : монография / Т. Г. Николаева. – Д. : Нац. горный ун-т, 2009. – 168 с.; **УК** – Скударь Г. М. Управление конкурентоспособностью крупного акционерного общества: проблемы и решения / Г. М. Скударь. – К. : Наук. думка, 1999. – 496 с.; **ТТМ** – Тихонов А. П. Технология машиностроения / А. П. Тихонов, М. А. Заславский. – М., 1962. – 534 с.; **ЭР** – Якубовский Ю. В. Электроразведка : уч. для вузов / Ю. В. Якубовский. – 2-е изд., перераб. – М. : Недра, 1980. – 384 с.

Надійшла до редколегії 18.01.14

Г. К. Красильщик

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара***ЗАГАЛЬНООСВІТНЄ ЗНАЧЕННЯ ВИВЧЕННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ**

Показано, що вивчення іноземної мови має практичне та освітньо-виховне значення і відіграє важливу роль у підготовці студентів. Відзначено, що робота над мовою створює сприятливі умови для виконання освітньо-виховних завдань. Підкреслено, що в процесі вивчення іноземної мови особлива увага студентів повинна звертатися на нові факти і явища, нові лінгвістичні поняття і граматичні категорії, не властиві рідній мові; шляхом виконання мовних і мовленнєвих вправ має відбуватися розвиток логічного мислення студентів.

Ключові слова: іноземна мова, ВНЗ, значення вивчення мови, логічне мислення.

Красильщик А. К., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Показано, что изучение иностранного языка имеет практическое и образовательно-воспитательное значение и играет важную роль в подготовке студентов. Отмечено, что работа над языком создает благоприятные условия для решения образовательно-воспитательных задач. Подчеркнуто, что в процессе изучения иностранного языка особое внимание студентов должно обращаться на новые факты и явления, новые лингвистические понятия и грамматические категории, не свойственные родному языку; путем использования языковых и речевых упражнений должно происходить развитие логического мышления студентов.

Ключевые слова: иностранный язык, вуз, значение изучения языка, логическое мышление.

Krasylyshchik A. K., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **GENERAL EDUCATIONAL VALUE OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE**

The article shows that learning a foreign language is a practical and educational - educational value and plays an important role in preparing students. Work on the language creates favorable conditions for solving educational - educational objectives. Students will learn new facts and phenomena, new linguistic concepts and grammatical categories are not peculiar to their native language. Develop logical thinking of students should occur through the use of language and speech exercises for mastering a foreign language.

The purpose of the paper is to show the general educational value of learning a foreign language. With the goal can define the following objectives: 1) to disclose the value of learning a foreign language, such as German; 2) to teach students to observe, compare and compare the facts and phenomena studied language, with the same events and facts of the native language; 3) show the ability to make the right conclusions from the facts and check conclusions; 4) to analyze the phenomena of language learning with the aim of each part.

As a result, we can conclude that in the process of learning a foreign language students acquire speech needed to express ideas orally and in writing; students develop the ability to observe, compare and compare the facts and phenomena studied language, with the same events and facts of the native language, they learn draw the right conclusions from the facts and verify the findings. As the material for language learning and language teaching methods at universities must pursue in addition to practical purposes, and certainly educational.

Key words: foreign language school, the value of learning the language, logical thinking.

Зараз у світі спостерігається підвищення інтересу до іноземної мови, що втілюється не тільки у масових виданнях посібників з іноземних мов на основі навчальної літератури, відкритті різних курсів з їх вивчення, а й, що особливо важливо, у зміні ролі і місця іноземної мови в системі освіти. Сучасні методики навчання іноземним мовам дозволяють вирішувати не лише освітні, а й різні допо-

міжні завдання: виховні, освітні та практичні. Вивчення іноземної мови розвиває увагу, пам'ять і спостережливість.

Вивчення іноземної мови розвиває логічне мислення студентів: вони вчать-ся зіставляти і порівнювати, аналізувати і синтезувати, робити висновки та умовиводи. Вивчаючи іноземні мови, студенти набувають навичок самостійної роботи. Вони вчать-ся користуватися словником і іншими довідниками, а також опановують методику вивчення іноземної мови, яку зможуть надалі застосовувати, опановуючи будь-яку іншу мову [7, с. 22].

Вивчення іноземної мови виконує ще одну важливу функцію – виховання почуття інтернаціоналізму, поваги до культури іншого народу. Студенти дізнаються про норми поведінки в тих країнах, мову яких вони вивчають. Вони вчать-ся культурі спілкування, листування. На уроках іноземної мови студенти мають змогу ближче познайомитися з країнами: з їх географією, історією, економічним і політичним становищем, мистецтвом, звичаями.

Мета дослідження полягає в тому, щоб показати загальноосвітнє значення вивчення іноземної мови. Для досягнення поставленої мети було виконано такі **завдання**: 1) розкрити значення вивчення іноземної мови, наприклад німецької; 2) навчити студентів спостерігати, зіставляти й порівнювати явища та факти досліджуваної мови з аналогічними явищами та фактами рідної мови; 3) розвинути вміння робити правильні висновки з фактів і перевіряти зроблені висновки; 4) проаналізувати досліджувані явища мови для пізнання кожної складової частини.

Аналізованій проблемі приділено чимало уваги в роботах вчених А. А. Вербицького, А. А. Артьомова, Н. І. Гез, О. А. Григоренко, В. Д. Девкіна, Г. А. Китайгородської, Е. А. Непомнящої, Г. І. Щукіної та ін. Однак питання дослідження явища мови з метою пізнання кожної складової частини мови не було висвітлено належним чином. Не надто глибоко розкрито в їх працях й проблема розвитку логічного мислення студентів під час вивчення іноземної мови [2; 3; 5; 6; 8; 10; 12; 18].

Знання іноземної мови дає людині такі практичні можливості, як спілкування з представниками країн, мова яких вивчається, листування з ними, читання газет, журналів, книг за фахом мовою оригіналу.

Німецьку мову як іноземну вивчають у школах всіх європейських країн. Це мова багатой культури. Знаючи німецьку мову, легше засвоїти інші германські мови: англійську, датську, шведську, норвезьку, голландську. Німецька мова входить до п'яти робочих мов світу, прийнятих в ООН (англійська, китайська, німецька, російська, французька).

Німецька мова – другий за кількістю носіїв представник німецької групи індоєвропейської сім'ї, десятий за кількістю носіїв в світі. Німецька мова – це мова німців, австрійців і частини швейцарців. Це офіційна мова Німеччини, Австрії, Ліхтенштейну, одна з офіційних мов Швейцарії, Люксембургу та Бельгії. Німецька мова є державною в семи країнах Євросоюзу.

Загальноосвітнє значення має як вивчення самої системи мови, в якій відображена відмінна від рідної мови форма мислення, так і ті відомості екстралінгвістичного характеру, які студенти отримують, вивчаючи іноземну мову. Практичний курс мови забезпечує не тільки знання мови і вміння їх застосовувати, але й можливість одержати відомості загальноосвітнього характеру, необхідні для засвоєння будь-якої мови [4, с. 86].

Наука про мову знайомить студентів з типовими для структури будь-якої мови або групи мов явищами; показує, як ті чи інші категорії української мови

втілені в інших мовах, наприклад множина іменників в українській мові передається за допомогою закінчення (*країна – країни*), у німецькій мові – через суфікс (*Land – Länder*). Категорії роду в українській мові передаються за допомогою закінчення, в німецькій – за допомогою артикля і т. д.

Вивчаючи політичні тексти, студенти дізнаються про поточні міжнародні події, а також про внутрішню і зовнішню політику країни, мову якої вивчають. З курсу країнознавства вони можуть використовувати різноманітні відомості про побут та традиції німецького та австрійського народів, окремі міста Німеччини та Австрії, історичні події Німеччини та Австрії, державний устрій Німеччини та ін. З курсу літератури це можуть бути біографії видатних німецьких письменників, їх твори, критичні статті тощо. З області мистецтва бажано ознайомити студентів з життям видатних німецьких і австрійських драматургів, артистів, музикантів, композиторів і художників та їх творами.

На думку вчених, важливо, щоб інформація, яку одержують студенти в межах практичного курсу мови, відповідала таким вимогам:

1) доповнювала та розширювала, а не дублювала ті знання, яких студенти набувають на спеціальних заняттях з мовознавства, країнознавства і т. д.;

2) була цікавою студентам [13, с. 17].

Інший спосіб підвищення загальноосвітнього рівня студентів полягає в методиці навчання мови, у розвитку їх логічного мислення. Мова як особливе суспільне явище розвивається за особливими законами. Ця специфіка накладає свій особливий відбиток і на розвиток логічного мислення людей. Вивчення іноземної мови дає студентам можливість краще усвідомити процес свого мислення. Л. В. Щерба вказував, що свідоме вивчення іноземної мови дає можливість не змішувати способи вираження думки з сутністю речей [16, с. 44].

Насправді, знаючи тільки рідну мову, студенти настільки звикають до засобів вираження понять і думок, що часто застосовують їх до іноземної мови, якій зовсім не властиві. Зазвичай студенти отожднюють поняття з їх лексичними і граматичними засобами вираження в рідній мові.

Розвиток правильного мислення студентів у процесі навчання їх іноземної мови передбачає:

1. Розвиток вміння спостерігати, зіставляти і порівнювати явища і факти досліджуваної мови з аналогічними явищами і фактами рідної мови, знаходити подібні й відмінні ознаки і вміти класифікувати їх за цими ознаками.

2. Навчання подумки поділяти досліджувані явища мови на суттєві елементи для більш глибокого пізнання кожної складової частини і подальшого синтезу відокремлених елементів в єдине нове, більш складне ціле.

3. Навчання студентів узагальнювати і конкретизувати істотні властивості явищ і фактів, що вивчаються, і знаходити важливі зв'язки і відношення між ними (правила і закономірності).

4. Пояснення студентам, що правильне тільки те мислення, яке точно відображає реальну дійсність, і досягнення того, щоб логіка думки студентів точно виражала в мові об'єктивну логіку речей і явищ реального світу [17, с. 37].

Розвивати логічне мислення студентів слід, використовуючи мовні і мовленнєві вправи для опанування іноземної мови.

На думку О. М. Солововой, особливо складним для студента є засвоєння граматики. Складність полягає не стільки в розумінні граматики, скільки в застосуванні вивчених правил граматики під час читання тексту і особливо у разі висловлення своїх думок в усній або письмовій формі. Навіть студенти, які погано

вчатися, порівняно легко запам'ятовують правила граматики. Вони зазвичай можуть їх формулювати і можуть наводити приклади, що ілюструють правила. Проте навіть студенти, які гарно вчатися, виявляються часто безпорадними, коли потрібно застосувати ці правила на практиці [15, с. 146]. Пояснюється це тим, що, по-перше, правил дуже багато, по-друге, вони часто сформульовані занадто абстрактно і, по-третє, одні правила нерідко протирічать іншим. Справжнє засвоєння граматики полягає в тому, щоб студенти вміли застосовувати вивчене правило під час читання і в процесі мовлення; набули б певних граматичних навичок, аналогічних тим, які вони мають у рідній мові.

Розвиваючи логічне мислення студентів у процесі навчання граматиці, слід враховувати характер граматичного матеріалу, а саме: його типовість, сполучуваність і наявність аналогії з граматичними явищами рідної мови. Для розвитку логічного мислення придатні тільки типові для сучасної німецької мови граматичні явища, які поширюються на велику кількість слів. Нетипові явища, що є пережитком більш ранніх стадій розвитку мови, необхідно вчити напам'ять, наприклад форма множини від іменника *die Tochter*, відмінювання іменників *der Gedanke*, *der Hegg* і т. д. У засвоєнні цих явищ головна роль належить пам'яті.

Зв'язок вивчення лексики іноземної мови з розвитком логічного мислення студентів має складний характер. На відміну від інших дисциплін, де студенти постійно знайомляться з новими поняттями, що збагачують і розвивають їх мислення, на практичних заняттях з іноземної мови вони, як правило, мають справу з уже знайомими поняттями. Виняток становить невелика кількість нових понять, з якими вони знайомляться, вивчаючи нову структуру мови, і декілька нових реалій, з якими вони зустрічаються, читаючи оригінальну німецьку літературу.

Як справедливо вважає Л. М. Колкер, для розвитку логічного мислення студентів у процесі навчання навичкам усного мовлення можуть бути використані перш за все специфічні мовні особливості, які полягають в тому, що усне мовлення часто значно відрізняється від письмового варіанта. Так, під час аналізу на слух німецького слова *sieh* в нашій свідомості виникають два звуки [zi:], в той час як на папері – чотири літери [9, с. 17].

Зі сказаного вище очевидна важливість ролі, яку відіграє свідомий метод навчання усного мовлення, які можливості він дає для розвитку логічного мислення. Свідомий метод навчання усного мовлення, по-перше, дає зайвий час для порівняння (почутого з написаним) і, по-друге, привчає студентів здійснювати цілий ряд розумових операцій, користуючись, головним чином, тільки слуховим сприйняттям. Розвиваючи логічне мислення в процесі навчання усного мовлення, студенти отримують й правильне уявлення про звукову природу мови і про її сучасний стан.

Аркуш через свою консервативність відображає завжди, як уже вказувалося, одночасно і минулий стан мови, нетиповий для її сучасного стану.

Сказане вище дає можливість визначити зміст і характер вправ для розвитку логічного мислення у процесі навчання письму. Насамперед у вправи повинні бути включені такі мовні явища, які або не знаходять спеціального вираження на папері, або знаходять на папері інше відображення, ніж в звуковій мові. На явища першого порядку можна вказати студентам, знайомлячи їх з омографами, наприклад німецьке дієслово *'übergehen* 'переходити' і *'über'gehen* 'проходити повз'.

На думку С. А. Мілорадова, для розвитку розумових здібностей студентів необхідно, звичайно, використовувати не тільки окремі мовні явища, а й зв'язний мовний матеріал. Викладачі вузів часто відзначають, що студенти погано викладають свої думки іноземною мовою: відсутня стрункість і логіка викладу, думка

виражається недостатньо ясно і чітко, виклад засмічений «словами-паразитами» як-от *nun, also* й т. д. Для подолання цих та інших недоліків слід навчити студентів висловлювати одні й ті ж думки різними словами і різні думки одними й тими ж словами, скорочувати і поширювати текст, описувати картину, дотримуючись логічного ходу думок й т. д. [11, с. 13].

Особливе значення для розвитку логічного мислення має читання. Насамперед читання має величезне значення для самоосвіти. На питання, які літературні твори було б доцільно читати студентам, можна відповісти однією фразою: «... такие произведения, где каждая фраза значительна и не заставляет жалеть о потраченном на нее труде» [4, с.16]. До таких книг можна віднести Goethe «Faust», «Dichtung und Wahrheit»; «Deutschland. Ein Wintermarchen»; Th. Mann «Buddenbrooks»; H. Mann «Der Untertan»; B. Kellermann «Totentanz»; E. Remarque «Im Westen nichts Neues»; L. Feuchtwanger «Die Geschwister Oppermann»; J. Becher «Abschied» та ін.

Читання цих творів буде сприяти підвищенню загальноосвітнього рівня студентів та розвитку їх смаку, за умови, що викладач навчить їх не тільки стежити за загальною фабулою, а й більш глибоко проникати у зміст.

На думку Є. І. Пассова, повне і глибоке розуміння тексту може бути досягнуте тільки в тому випадку, якщо викладач навчить студента роздумувати над текстом, а не тільки схоплювати загальний зміст. Крім того, читання сприятиме розширенню загальної освіти студентів, якщо буде достатньо інформативним, тобто буде містити відомості з різних галузей людських знань [14, с. 112].

Ще раз наголосимо, що німецька мова належить до міжнародних мов, тобто на міжнародних конференціях і нарадах документи повинні бути перекладені, в тому числі і німецькою мовою. Німеччина є для всіх європейських і для багатьох неєвропейських країн найважливішим торговельним партнером, першою індустріальною країною в Європі і однією з найважливіших індустріальних країн у всьому світі. Хто розмовляє німецькою мовою, той покращує свої торговельні відносини з партнерами у великій індустріальній країні.

Усім відомо, що основний вектор розвитку економіки Німеччини – це експорт. Саме через це ділові та партнерські міжнародні відносини, співробітництво у німецьких бізнесменів – буденна справа. Велика кількість спільних російсько-німецьких підприємств вельми успішно діють як на території України, так і в Німеччині. Всі ці причини спонукають багатьох людей вивчати німецьку мову [1, с. 57].

Знання мов допомагає зміцнювати дружбу і взаєморозуміння між людьми. Загальна кількість мов і діалектів у світі наближається до п'яти тисяч. У інформаційне століття, у століття, яке стирає межі між людьми, вільне володіння іноземними мовами дозволяє більш широко використовувати свої можливості. Німецька мова – це теж одна зі світових мов. Саме вона, можна сказати, особливо цінна не тільки для знавців і цінителів філології, але і для успішного позиціонування себе в суспільстві та моделювання свого майбутнього, націленого на успіх.

Ділові зв'язки з німецькомовними країнами розширюються, все більше людей виїжджають за кордон, відчуваючи труднощі через незнання німецької мови. Тому значення навчання німецькій мові дуже велике.

Таким чином, можна зробити висновки, що в процесі вивчення іноземної мови студенти опановують мову, необхідну для вираження думок в усній та письмовій формі; у студентів розвивається вміння спостерігати, зіставляти і порівнювати явища і факти досліджуваної мови з аналогічними явищами та фактами

рідної мови; вони вчаться робити правильні висновки з фактів і перевіряти їх. Як матеріал для вивчення мови, так і метод навчання мови у ВНЗ повинні переслідувати, крім практичних цілей, неодмінно й загальноосвітні.

Бібліографічні посилання

1. **Букина А. Н.** Воспитание и мотивация учебной деятельности студентов / А. Н. Букина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 103 с.
2. **Вербицкий А. А.** Формирование познавательной и профессиональной мотивации студентов / А. А. Вербицкий, Т. А. Платонова. – Вып. 3. – М., Науч.-исслед. институт высш. шк. – 1986 – 40 с.
3. **Вопросы психологии и методики обучения иностранным языкам** / под ред. В. А. Артёмова. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 247 с.
4. **Гальскова Н. Д.** Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АРКТИ, 2003. – 192 с.
5. **Григоренко О. А.** Контекстный метод и организация профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе / О. А. Григоренко. – М. : МГЛУ, 2002. – 224 с.
6. **Девкин В. Д.** Особенности немецкой разговорной речи / В. Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1965 – 318 с.
7. **Карпов И. В.** Развитие логического мышления учащихся в процессе обучения иностранным языкам / И. В. Карпов, И. В. Рахманов. – 1963. – 185 с.
8. **Китайгородская Г. А.** Методика интенсивного обучения иностранным языкам / Г. А. Китайгородская. – М. : Высш. шк., 1987. – 103 с.
9. **Колкер Л. М.** Практическая методика обучения иностранному языку / Л. М. Колкер, Е. С. Устинова, Т. М. Еналиева. – М. : Академия, 2001. – 264 с.
10. **Методика обучения иностранным языкам в средней школе** : учебник / Н. И. Гез [и др.]. – М. : Высш. шк., 1982. – 373 с.
11. **Милорадов С. А.** Обучение дискуссионному общению на иностранном языке : автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. А. Милорадов. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. – 25 с.
12. **Непомнящая Э. А.** Формирование мотивов учебной деятельности при обучении общенаучным дисциплинам на I курсе вуза (на материале иностранного языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Э. А. Непомнящая. – К., 1977. – 16 с.
13. **Очерки по методике обучения немецкому языку** / Т. Д. Вербицкая, Н. И. Гез, И. В. Рахманов, Н. Б. Соколова. – М. : Высш. шк., 1974. – 244 с.
14. **Пассов Е. И.** Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
15. **Соловова Е. Н.** Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 237 с.
16. **Щерба Л. В.** Как надо изучать иностранные языки / Л. В. Щерба // Л. В. Щерба. Преподавание языков в школе : Общие вопросы методики : учеб. пособие для студ. филол. фак. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.; М., 2002. – С. 111–129.
17. **Щерба Л. В.** Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопр. методики / Л. В. Щерба. – СПб. : Академия, Филол. фак.-т СПбГУ, 2003 – 160 с.
18. **Щукина Г. И.** Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе / Г. И. Щукина. – М., 1979. – С. 98–100.

Надійшла до редколегії 18.02.14

УДК 81'373.22

Е. Л. Ляпичева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ЗООНИМОВ В ПОЭЗИИ Б. ГРЕБЕНЩИКОВА

Рассмотрена семантика названий животных в художественном тексте, исследована её роль в образовании художественной картины мира автора. Семантика зоонимов классифицирована на основе тематического принципа, выявлены её доминирующие типы: зоонимические обозначения людей, сопровождающиеся оценкой; обозначения Бога и проводников в мир Божественного, обозначения состояний души человека.

Ключевые слова: зоонимы, семантика, художественная картина мира, тематическая классификация.

Ляпичева О. Л., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

КОНЦЕПТУАЛЬНА СЕМАНТИКА ЗООНІМІВ У ПОЕЗІЇ Б. ГРЕБЕНЩИКОВА

Розглянуто семантику назв тварин у художньому тексті, досліджено її роль в утворенні художньої картини світу автора. Семантику зоонімів класифіковано за тематичним принципом, виявлено її домінуючі типи: зоонімічні позначення людей, що супроводжуються оцінкою; позначення Бога та провідників у світ Божественного, позначення станів душі людини.

Ключові слова: зооніми, семантика, художня картина світу, тематична класифікація.

Lyapicheva Y., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **CONCEPTUAL SEMANTICS OF ZOONYMS IN B. GREBENSHCHICOV'S POETRY**

In the works devoted to the cultural problems in linguistics the question of researching methods of material is discussed actively at present.

The goal of the studying of animal's names in fiction is investigation of the semantics from the position of the character of the subject which is designated. This tasks of studying are 1. Defining semantics of animals names. 2. Their classification. 3. Defining of the dominate types. The method of studying is the analysis of discourse.

The results of investigation. In Grebenschchicov's poems the following types dominate: designations of people with their estimations, designations of God and conductors in the world of God, and marks of any states of the soul of men, animals and abstract concepts.

Perspective directions of the studying of textual zoonyms should include a comparative studying of the animal names in the Russian language and foreign-language texts.

Key words: zoonyms, semantics, the writer's art picture of the world, thematic classification.

В лингвокультурологических исследованиях последнего времени активно обсуждается проблема методов изучения фактического материала. Эта проблема важна для лингвокультурологии в аспекте самоидентификации: если эта новая наука существует, она должна иметь собственный метаязык и методы исследования. В лингвокультурологии смешаны методы смежных наук: лингвистики, этнографии, литературоведения, культурологи, философии. Сегодня она нуждается в методах, не зависящих от эмпирики, оперирующих большим массивом фактов и способных соединить содержательный анализ с математическими подсчётами. Самый большой вклад в разработку методов лингвокультурологии вносят лингвисты. А. Т. Хроленко относит к таким методам концептуальный анализ, дискурсный анализ, сопоставительный метод, кластерный анализ, методику сжатия конкорданса [11]. Активно используя эти методы в практике лингвокультурологических исследований, учёные всё больше их совершенствуют. Все эти методы применимы при изучении зоонимов в художественном тексте. Применяя концеп-

туальный анализ, мы выявляем совокупность контекстов употреблений зоонимов и объясняем их смысловые различия. При дискурсном анализе мы находим не только языковые, но и экстралингвистические факторы, влияющие на понимание зоонимов: когда, где и кем был написан текст, к кому и по какому поводу обращён, с какой целью, в чьих интересах, каковы установки автора. Накопленные на материале русского языка факты необходимы для сопоставления семантики зоонимов в разных языках. Зоонимы представляют собой кластер – сегмент информационного поля, специфичный для русского сознания. Его анализ предполагает лексикографическое описание всех входящих в кластер лексем с параллельным установлением всех связей каждого слова с остальными словами. Актуальна также методика сжатия конкорданса, учитывающая абсолютно все актуальные употребления слова в корпусе текстов. «Выжимка» из конкорданса – это ядро словарной статьи. Статья содержит указание: 1) на корпус текстов, являющихся базой словарной статьи; 2) заглавное слово с количеством употреблений; 3) толкование; 4) иллюстрацию; 5) связи с существительными, прилагательными, глаголами и т. д. Возможна и другая информация: ассоциативные ряды, поэтическая функция, производящее слово и др. В методике аппликации словарных статей речь идёт о сопоставлении статей, созданных на материале разных языков. Сравнивая статьи, мы видим различия в языковых картинах мира. В данной статье для толкования зоонимов мы применяем преимущественно дискурс-анализ. Таким образом, изучение зоонимов в художественном тексте совершенствует инструментарий лингвокультурологии и с этой точки зрения **актуально**.

Исследователи стихов Б. Гребенщикова, лидера группы «Аквариум», неоднократно отмечали изобилие в ней зоонимов. Так, О. Э. Никитина изучала образы птиц в его поэзии [6]. По её мнению, типология птичьих образов в поэзии Б. Гребенщикова представлена и реально существующими (*ворон, голубь, ласточка, лебедь, орел, ястреб*), и фантастическими птицами (*Сирин, Евдундоксия, Снандулия*). Она отмечает, что для поэзии Б. Гребенщикова не характерно постоянство значений птичьих образов. В ряде случаев значение восходит непосредственно к мифологическим традициям; часто оно переосмыслено. Использование зоонимов в текстах Б. Гребенщикова связано с особенностями его мировоззрения (интерес к восточным религиям, христианству, вообще к синтезу духовных школ современности и прошлого), с влиянием постмодернизма (использование цитат из других текстов) и со спецификой рок-поэзии в целом.

Специфическая черта русских рок-текстов 70-х гг., как отмечают И. Кормильцев и О. Сурова, – эскепистская установка [4] – стремление уйти от реальностей повседневной жизни, бытовых проблем в разного рода духовную, интеллектуальную деятельность; аполитичность, уклонение от участия в общественно-политической жизни, герметичность поэтического мира, который сводит к минимуму соприкосновение с жизненными реалиями. Пафос творчества Гребенщикова конструктивно бунтарский, потому что вместо изменения или разрушения существующего социума он создаёт свой, иной мир.

Одной из типологических особенностей русской рок-поэзии и постмодернизма принято считать ее принципиальную интертекстуальность: гипернасыщенность рок-текста цитатами – «памятью» о других текстах. В качестве цитируемых обычно используются: классические тексты русской художественной литературы и православной культуры; философские и художественные тексты других национальных культур, как правило, восточных; рок-тексты других авторов и, наконец, собственные, более ранние рок-тексты.

Таким образом, тексты Гребенщикова, как и вообще постмодернистскую поэзию, сложно интерпретировать: они допускают различную глубину и даже

свободу понимания. Их отличает информационная насыщенность, кодированность. От читателя требуется недюжинная образованность и ориентация в символах культуры.

Целью изучения названий животных в художественном тексте является исследование их семантики с точки зрения характера означаемого ими предмета. Эта цель реализуется в таких **задачах**: 1) выявление семантики зоонимов; 2) её типологизация; 3) определение доминирующих типов и функций зоонимов. Смыслы, формирующие семантику зоонима в поэзии Б. Гребенщикова, становятся понятными только при прочтении целого текста стихотворения, поэтому мы вынуждены в качестве иллюстраций использовать полные тексты стихотворений поэта. Материалом для исследования послужили 32 стихотворения Б. Гребенщикова, в которых использовано 50 зоонимов.

По своей семантике зоонимы, встречающиеся в текстах Б. Гребенщикова, могут быть разделены на 5 классов.

1. Зоонимы, обозначающие Божественное начало либо проводников в мир Божественного: *лебедь; Орёл, Телец и Лев, единорог; Сирин, Алконост, Гамаюн; лебединая сталь, конь, белый волк, белый гриф, белый тигр, синий дракон*. Например, в стихотворении «Орёл, Телец и Лев» эти животные приходят к лирическому герою как ответ на его жажду любви. Они появляются в виде прекрасной музыки, теней как живое ощущение Бога, ждущего от героя чего-то, возможно, движения в его творчестве:

*Как странно то, что затеваю я:
Подобие любви создать из жажды
И временем раскрасить, чтоб однажды
Поверить самому. Не знаю я*

*Откуда этот редкостный напев,
Знакомых нот чудесное сплетенье.
Стук в дверь мою. «Кто?» – спрашиваю. Тени.
Они отвечают: «Орел, Телец и Лев»...*

Используя зоонимы *Орёл, Телец и Лев*, Б. Гребенщиков отталкивается от традиционной символики этих животных, но дополняет её: животные приходят в гости к герою стихотворения в виде теней и ждут от него творчества и любви. В иудейско-христианском вероучении и богословии описано крылатое существо из видения пророка Иезекииля с четырьмя лицами: человека, льва, быка и орла, именуемое тетраморф – «четырёхвидный». Это стражи четырёх углов Трона Господа и четырёх пределов рая. Позднее эти животные были истолкованы как символы четырёх евангелистов: Матфей в образе ангела, Марк в образе льва, Лука в образе тельца, Иоанн в образе орла. Тетраморфы-символы евангелистов изображаются у Престола Вседержителя, окружая его с четырёх сторон, что символизирует распространение Благой вести на четыре стороны света. Григорий Великий (VII век) ситал, что существа выступают символами Иисуса Христа в различные фазы его земной жизни: родился он как человек, смерть принял как жертвенный бык, при воскресении был львом, а вознёсся как орёл. Также тетраморф получил трактовку как символ единого Евангелия (Слова Божия), записанного четырьмя евангелистами. Изначально в мифологической картине мира это существа, персонифицирующие направления и располагающиеся по четырём сторонам мирового древа. Это образы божественного покровительства, защиты от хаоса.

2. Зоонимы, обозначающие людей, в поэзии Б. Гребенщикова (23 примера) могут иметь положительную оценку (*рыба в океане, змея, трудовая пчела, волки и вороны, морской конёк, кит, мозговые рыбаки, господин одинокий журавль*), отрицательную оценку (*козлы, соколики, звери, свинья, пёс, ласточка*),

сочетание различной оценочности с целью создания иронической оценки или комического эффекта (*вороны, псы, пёс, учёная коза, динозавр, альбатрос*) или нейтральную оценку (*птица, молодые львы, птица чёрная*).

Изучая семантику зоонимов у Б. Гребенщикова, можно заметить также нестандартную оценочность многих названий животных. Так, неожиданную позитивную оценку получают зоонимы *змея, волки и вороны, журавль*, имеющие в русском фольклоре негативную оценочность. И наоборот, негативную характеристику получают традиционно позитивные животные: *ласточка, соколики*.

Рассмотрим **один из положительных образов животного** – морского конька – в одноимённом стихотворении Б. Гребенщикова. Это метафора человека, который наделяется следующими чертами: 1) он не желает жить по правилам аквариума – ходить по прямой, он стоит на месте; 2) он смущает посетителей зоомагазина своим стоянием на месте; 3) он разрушитель старого, примитивных правил; 4) он жаждет понимания, но не может сказать о своих чувствах, он одинок, его не понимают близкие; 5) он отчаялся что-либо изменить; 6) ему хочется глубины во всём. В. Клёц в статье, посвящённой символизму стихов Б. Гребенщикова, поясняет, что «сидеть на месте и тем самым, лететь со всех ног» – это аллюзия на аристотелевскую «первопричину» всего существующего или «недвижимую первопричину всех движущихся вещей». На английском эта идея звучит как «unmoved mover». В средние века идея аристотелевской первопричины была привнесена в христианское учение: бог есть недвижимая первопричина всего движущегося:

*Морской конёк, морской конёк,
Сегодня выдался нелёгкий день;
Ты сидишь на месте, но ты летишь со всех ног;
Бог тебе в помощь, Морской конёк.*

*Твои товарищи идут по прямой,
Но индустрия их счастья дала на тебе сбой;
Покупатели не знают, что и делать с тобой,
Иногда хочется уйти домой...*

*Морской конёк, Морской конёк,
В железном небе хотя бы один огонёк,
Чтобы сжечь этот дом, нужен один уголек,
Бог тебе в помощь, Морской конёк...*

Отрицательным образом животного в творчестве Гребенщикова является ласточка. Она предстаёт перед читателем в нетрадиционной роли предвестницы войны, держащей в лапках топор. Столкновение привычного для нас образа мирной и нежной птички с таким неожиданным по своей оценке символическим образом создаёт ощутимый иронический эффект, который не сразу понятен на уровне логического анализа, но легко ощутим в чувственном плане:

*Прыг, ласточка, прыг, по белой стене.
Прыг, ласточка, прыг, прямо ко мне;
Солнце взошло – значит, время пришло.
Прыг, ласточка, прыг – а дело к войне.
Прыг, ласточка, прыг, прямо на двор;
Прыг, ласточка, прыг, а в лапках топор.
С одной стороны свет; а другой стороны нет.
Значит, в нашем доме спрятался вор.
Жизнь канет, как камень, в небе круги.
Прыг, ласточка, прыг – а всюду враги.*

*На битву со злом взвейся, сокол, козлом,
А ты, ласточка, пой, а вслед не беги.
Пой, ласточка, пой – а мы бьем в тамтам.
Ясны соколы здесь, ясны соколы там.
Сокол летит, а баба родит;
Значит, все, как всегда, все по местам.*

К названиям животных со смешанной оценкой в стихах Б. Гребенщикова относятся зоонимы *коза* и *динозавр* из стихотворения «Уткина заводь». Уткина Заводь – затон на реке Нева в Санкт-Петербурге, устроенный в конце XIX века для отстоя судов на Неве. Лирический герой поэта иронически отмечает, что его девушку можно перепутать с учёной козой и что след когтя, оставленного ею на стене квартиры, в музее назвали когтем динозавра. Таким образом, с помощью зоонима *коза* герой иронически и наделяет любимую девушку такими качествами, как чрезмерная энергия и автоматизм, излишняя натренированность в действиях, а с помощью зоонима *динозавр* – такими качествами, как возбудимость, вспыльчивость, неумение контролировать свои эмоции. Тем не менее такие отрицательные качества ничуть не снижают оценки героини как достойной общения, дружбы и любви:

*... Ты давала интервью, ты объясняла, почему я тону.
Я всё могу понять, но зачем при этом выть на луну?
У тебя в ванной живёт учёная коза
Вас можно перепутать, если закрыть глаза,
Но ты значительно лучше, с тобой можно пить Ржавчину.

Приходила сестра хаос, оставила после себя бардак.
Уже четырнадцать суток я не могу соскрести со стен шлак.
Но рядом с тобой она сущее дитя,
Ты оставила у меня на стене след своего когтя,
Я отнес его в музей, мне сказали что ты **динозавр**, скажи, что это не так.

Раньше мы не знали друг друга; теперь это не так.
Но я снова шел по улице и снова мне привиделся знак –
Я слишком долго был глухой и немой.
Садись в вагонетку, отвезу тебя домой
В Уткину Заводь – учиться там плясать краковяк.*

Нейтральная оценка свойственна семантике словосочетания *молодые львы* из одноимённого стихотворения. Молодыми львами автор называет молодых людей эпохи Екатерины, возможно, её фаворитов, сильных, уверенных в себе, гордых, властных, сделавших много для России. Интересно, что содержание первой строфы ориентирует читателя на буквальное, а не метафорическое значение слова *львы* – ожившие памятники львам эпохи Екатерины. Образ молодых львов в целом имеет положительную оценку, но поэт не совсем согласен с ними, хоть и не хочет их переубеждать. Достигнутого с собой на тот свет не заберёшь: «всё, что было моим, возьмёт себе кто-то другой». Положительная оценка героев в сочетании с несогласием с ними делает оценку героев, скорее, нейтральной:

*Когда в городе станет темно,
Когда ветер дует с Невы,
Екатерина смотрит в окно,
За окном идут **молодые львы**.

Они не знают, что значит «зима»,
Они танцуют, они свободны от наших потерь!
И им нечего делать с собой сейчас,
Они войдут, когда Екатерина откроет им дверь!*

*А что нужно молодым львам?
 Что нужно молодым львам?
 Когда весь мир готовится лечь к их ногам,
 И им нечего делать сейчас!..*

3. Обозначения каких-либо состояний человека: *медведь, верблюд, кот зимы* – 3 слова из стихотворений «Гимн анахорету», «Маша и медведь». В стихотворении «Гимн Анахорету» метафора *кот зимы*, включающая зооним, описывает спокойную зиму с пушистым снегом, чистотой, размытостью очертаний. Состояние природы пробуждает в человеке тихую радость, неозабоченность суетой и обязанностями, свойственную отшельникам-анахоретам, удалившимся от мира. Метафорический зооним *кот* таким образом «притягивает» к себе и символическую семантику душевного состояния человека:

*Кот зимы на мягких лапах
 Тихо ходит меж сугробов
 И безмолвный снежный сумрак
 Прячет дым его хвоста.*

*Хорошо анахорету –
 Виски с Гиннесом мешая,
 Он плетется меж сугробов,
 Тихо песенки поет.*

4. Зоонимы, отражающие абстрактные понятия: *гиппопотам, летучие мыши, кони беспредела, змея, золотые лошади, муравей, кот зимы*. В стихотворении «Песня для нового быта», символически описывающем жизнь эмигрировавших после распада СССР и жизнь оставшихся в этой стране людей, метафорический зооним *гиппопотам* обозначает большое количество необходимых для комфорта человека вещей:

*Все, кто были, по-моему, сплыли,
 А те, кто остался, спят.
 Один лишь я
 Сажу на этой стене,
 Как свойственно мне.
 Мне сказали, что к этим винам
 Подмешан таинственный яд;
 А мне смешно – ну что они смыслят в вине?*

*Эй вы, как живет там?
 У вас есть гиппопотам,
 А мы в чулане
 С дырой в кармане,
 Но здесь забавно,
 Здесь так забавно...*

5. Зоонимы, обозначающие животных и сопровождающиеся иронической оценкой: *коростель, вороны, клопы, таракан, мухи*. Зоонимы с такой семантикой используются в иронических стихах Б. Гребенщикова. В отличие от ранее проанализированных текстов, в этих стихотворениях названия животных имеют прямые значения, но их употребление в силу негативного отношения к ним русских и в связи со столкновением их семантики с семантикой слов с высокой оценкой снижает оценку главного героя. В стихотворении «Поручик Иванов» герой давит клопов и мух, и именно это действие выражает смысл его жизни – горячо и жестоко бороться с врагами народа:

*Где ты теперь, поручик Иванов?
Ты на парад выходишь без итанов;
Ты бродишь там, божественно нагой,
Ты осенен троллейбусной дугой;*

*Когда домой идешь с парада ты,
Твои соседи прячутся в кусты.
Твой револьвер, блестящий, как алмаз,
Всегда смущал мой нежный глаз.*

*И по ночам горит твоя свеча,
Когда **клопов** ты душишь сгоряча,
И топчешь **мух** тяжелым сапогом...
Не дай Господь мне стать твоим врагом.*

Из данной классификации видно, что в стихах Б. Гребенщикова доминируют зоонимические обозначения людей, сопровождающиеся какой-либо оценкой. За ними следуют обозначения Бога и проводников в мир Божественного, а также обозначения каких-либо состояний в душе человека, абстрактных понятий и животных.

К перспективным направлениям изучения текстуальных зоонимов следует отнести сопоставительное изучение названий животных в русскоязычном и иноязычном текстах.

Библиографические ссылки

1. **Большой толковый словарь русского языка** / [авт. и руководитель проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов] – СПб. : «Норинт», 2003. – 1536 с.
2. **Ивлева Г.** Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова [Электронный ресурс] / Г. Ивлева. – Режим доступа: <http://japson.ru/gold/books-r/poeza.htm>
3. **Козлова Т. В.** Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – М. : Изд-во «Дело и Сервис», 2001 – 208 с.
4. **Кормильцев И.** Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция [Электронный ресурс] / И. Кормильцев, О. Сурова. – Режим доступа : <http://www.nautilus.ru/news/rock-poetry.htm>.
5. **Ляпичева Е. Л.** О семантике и функциях названий животных в поэзии Ю. Мориц для детей / Е. Л. Ляпичева // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах: матеріали Всеукр. наук. конф., (Дніпропетровськ, 26–28 березня 2003 року). – Д., 2003. – С. 235–239.
6. **Никитина О. Э.** Образы птиц в рок-поэзии Б. Гребенщикова : комментированный указатель [Электронный ресурс] / О. Э. Никитина. – Режим доступа : <http://japson.ru/gold/books-r/poeza.htm>.
7. **Русский семантический словарь.** Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 2 т. / [под общ. ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Азбуковник, 1998. – Т 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие; имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) – 1998. – 800 с.
8. **Смирнов И.** Время колокольчиков, или Жизнь и смерть русского рока / И. Смирнов. – М., 1994. – С. 29–31.
9. **Троицкий А.** Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е... / А. Троицкий. – М., 1991. – 215 с.
10. **Ужченко В. Д.** Концепт журавель в українській мовно-фразеологічній картині світу / В. Д. Ужченко // Наук. зап. Луган. нац. пед. ун-ту : зб. наук. пр. Концептологія : світ – мова – особистість. – 2005. – С. 49–58. – (Сер. «Філологічні науки», вип. 6).
11. **Хроленко А. Т.** Основы лингвокультурологии : учеб. пособие / А. Т. Хроленко [под ред. В. Д. Бондалетова]. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 184 с.

Надійшла до редколегії 22.01.14

УДК 811.112.2'38

Т. И. Манякина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Изложены некоторые наблюдения над трансляционными возможностями немецкого языка при переводах стихотворных произведений А. С. Пушкина. Установлено, что, несмотря на очевидные расхождения между русской (синтетической) и немецкой (в большой степени аналитической) языковыми системами, немецкий язык обладает значительными пластическими возможностями, позволяющими адекватно передавать тонкие смысловые и стилистические нюансы и изощренные рифмо-ритмические построения при переводе русских стихотворных текстов.

Ключевые слова: перевод, строфа, «онегинская строфа», стихотворный размер, рифма, адекватность перевода.

Манякина Т. І., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ДЕЯКІ НОТАТКИ ПРО ПЕРЕКЛАДИ ПОЕЗІЇ О. С. ПУШКІНА НІМЕЦЬКОЮ МОВОЮ

Наведено деякі спостереження трансляційних можливостей німецької мови у перекладах віршованих творів О. С. Пушкіна. Встановлено, що, незважаючи на розбіжності між російською (синтетичною) та німецькою (значною мірою аналітичною) мовними системами, німецька мова має значні пластичні можливості, які дозволяють адекватно передавати тонкі смислові та стилістичні нюанси, а також витончені римо-ритмічні побудови під час перекладу російських віршованих текстів.

Ключові слова: переклад, строфа, «онегінська строфа», віршований розмір, рима, адекватність перекладу.

Manyakina T. I., Oles Honchar Dnepropetrovsk National University. **SOME NOTES ABOUT GERMAN TRANSLATIONS OF PUSHKIN'S POETRY**

This article deals with some observations on German language capabilities while recreating semantic and stylistic as well as structural and architectonical peculiarities of A. S. Pushkin's poems.

Pushkin's oeuvre has always been regarded in Germany as a phenomenon belonging to ultimate achievements in the world literature. This is attested to by regular attempts to translate and publish his works there.

Translations of A. S. Pushkin's poems including the novel in verse «Eugene Onegin» demonstrate German translators' tendency to achieve not only semantic and stylistic adequacy but also architectonical equivalence between the target text and the source text.

Certain observations on Pushkin's poetry translations into German make it obvious that despite evident differences between the Russian (synthetic) and German (analytic) language systems German has considerable flexible capabilities that allow conveying impalpable semantic and stylistic peculiarities as well as intricate rhyme and rhythm structures while translating Russian texts written in verses.

The prospects of the research under consideration are seen in extending genre variety of Pushkin's poetry translations into German as well as in their contrastive analysis.

Key words: translation, strophe, «Onegin's strophe», metre, rhythm, translation adequacy.

Творчество А. С. Пушкина является культурным достоянием мирового значения. Его знают и читают во всем мире благодаря переводам на многочисленные языки. Каковы особенности этих переводов? Каков трансляционный потенциал языков, достаточно далеких от русского? Эти вопросы манифестируют одну из актуальных исследовательских сфер современного переводоведения. Они могут рассматриваться как в индивидуально-творческом, так и в сопоставительно-типологическом плане.

Целью статьи является изучение возможностей немецкого языка при воссоздании семантико-стилистического и структурно-архитектонического своеобразия стихотворных произведений А. С. Пушкина. К этой теме нас привел сугубо читательский интерес людей, владеющих немецким языком, и специфика профессиональной деятельности в качестве преподавателей немецкого отделения. Но в начале – небольшая преамбула.

Как самый дорогой сувенир от наших студентов, победивших в одном из первых конкурсов на получение стипендии для семестровой учебы в Германии, храним мы небольшую подборку пушкинских стихотворений и фрагментов из «Евгения Онегина» в переводе на немецкий язык. Сегодня с помощью Интернета можно собрать целую библиотеку пушкинских текстов в переводе на самые разные языки. Но эта, первая подборка, полученная пятнадцать лет тому назад, хранит память о трогательной обязательности и старании живого человека, студентки, которая потрудились в библиотеке Йенского университета, чтобы выполнить просьбу своего отечественного преподавателя.

В сопроводительной записке девушка посетовала на то, что наиболее «свежие» издания переводов Пушкина в библиотеке этого университета относятся ко второй половине 40-х годов XX века [3–5]. Для нас же это примечание явилось чрезвычайно значимым историческим штрихом: в первые послевоенные годы в Германии, как и во всей Европе, приоритетными, по нашему разумению, могли быть только экономические проблемы, но, оказывается, в это время здесь уже издавались (или переиздавались) переводы Пушкина! Таков, видимо, был авторитет страны-победительницы.

Нужно отметить, что в последующие десятилетия произведения А. С. Пушкина как стихотворные, так и прозаические, неоднократно переводились и публиковались и в ГДР, и в ФРГ, а с начала девяностых годов – в единой Германии. Нам известны, например, целых три стихотворных перевода «Евгения Онегина» на немецкий язык, а также выполненный в качестве эксперимента прозаический перевод, который был опубликован в виде параллельного русско-немецкого издания дважды – в 1994 и 1996 году [6]. Целью этого прозаического перевода было показать во всей возможной полноте и точности богатство, гибкость и живость пушкинской речи, передать все смысловые и стилевые нюансы повествования, ибо при стихотворном переводе романа неизбежны потери [6, S. 11]. Приведем небольшой отрывок этого прозаического переложения.

XXXI

*Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.*

*Ich habe Tat'janas Brief vor mir. Ich hüte ihn
wie ein Heiligtum, lese ihn immer wieder mit
heimlicher Sehnsucht und kann gar nicht ge-
nug davon haben- Wer gab ihr bloß diese
Zartheit ein, diese reizende Ungezwungenheit
der Worte? Wer gab ihr den rührenden Un-
sinn ein, die unüberlegte Sprache des Her-
zens, so hinreißend und so gefährlich? Ich
kann es nicht verstehen. Doch hier ist eine
unvollständige, schwache Übersetzung*- wie
die blasse Kopie eines lebensvollen Bildes,
wie ein «Freischütz», von schüchternen Schü-
lerinnen auf dem Klavier heruntergespielt.
(Übersetzung: M. Braun) [6, S. 51].*

Симптоматично, что при всей точности («подстрочности») этой реконструкции она более многословна и объёмна, чем оригинал, в силу специфики немецкой грамматики, о которой будет сказано ниже.

Но вернемся к стихотворным переводам поэзии А. С. Пушкина. Какое впечатление они производят на филолога-германиста? Без околичностей скажем: они воспринимаются как чудо! В первую очередь благодаря воспроизведению ритма, интонации, мелодики, архитектоники «онегинской строфы». Как чудо это воспринимается потому, что немецкий язык значительно отличается от русского по своей фонетике (многие звуки, соотносимые с русскими, имеют специфическую форсированную окраску, ощутима тенденция к фиксированному словесному ударению), но, главное, по структурно-грамматическим особенностям, таким как фиксированный словопорядок, рамочная конструкция, наличие «лишних» строевых слов – связочных и вспомогательных глаголов, артиклей, возвратных местоимений и других, создающих по сравнению с русским языком своеобразный словарный балласт, который удлинняет переводимую фразу и навязывает переводчику априори некий жесткий структурный каркас. Поэтому, приступая к чтению переводов, мы готовились обнаружить в них такие «объективные» потери, которые, несмотря на все усилия переводчика, не позволяют немецкому читателю ощутить весь блеск пушкинского слога. Однако вопреки нашим тревожным ожиданиям оказалось, что все структурные препоны в переводах благополучно преодолены, стихотворный размер и характер рифм с немецкой тщательностью воспроизведены, интонация вполне узнаваема, оптимальные лексические и стилистические соответствия найдены. Достаточно сравнить начало первой главы «Евгения Онегина» в оригинале и в переводе:

<i>«Мой дядя самых честных правил,</i>	<i>a «Mein Onkel tut sehr brav und bieder,</i>	<i>a</i>
<i>Когда не в шутку занемог,</i>	<i>b Jetzt plötzlich sterbenskrank zu sein:</i>	<i>b</i>
<i>Он уважать себя заставил</i>	<i>a So schätzt man ihn doch einmal wieder;</i>	<i>a</i>
<i>И лучшие выдумать не мог.</i>	<i>b Gescheitres fiel ihm selten ein.</i>	<i>b</i>
<i>Его пример другим наука;</i>	<i>c Sein Beispiel – andern eine Lehre!</i>	<i>c</i>
<i>Но, боже мой, какая скука</i>	<i>c Wenn nur, o Gott, die Qual nicht wäre,</i>	<i>c</i>
<i>С больным сидеть и день и ночь,</i>	<i>d Vom siechen Greis bei steter Wacht</i>	<i>d</i>
<i>Не отходя ни шагу прочь!</i>	<i>d Nicht loszukommen Tag und Nacht!</i>	<i>d</i>
<i>Какое низкое коварство</i>	<i>e Und diese Last gemeinster Pflichten:</i>	<i>e</i>
<i>Полу-живого забавлять,</i>	<i>f Solch halbem Leichnam beizustehn,</i>	<i>f</i>
<i>Ему подушки поправлять,</i>	<i>f Mit Arznei zur Hand zu gehn,</i>	<i>f</i>
<i>Печально подносить лекарство,</i>	<i>e Wehleidig ihm sein Pfühl zu richten –</i>	<i>e</i>
<i>Вздыхать и думать про себя:</i>	<i>g Da seufzt man wohl und denkt für sich:</i>	<i>g</i>
<i>«Когда же чёрт возьмет тебя!»</i>	<i>g «Wann endlich holt der Teufel dich!»</i>	<i>g</i>
[2, с. 8]	(Übersetzung: Th. Commichau) [4, S. 255]	

Еще раз подчеркнем: в переводе точно воспроизведены **стихотворный размер** (четырёхстопный ямб; в отдельных строках – ямб с энклитикой последнего, безударного слога) и **рифмо-схема** оригинала (указана справа от текстов); восклицания помещены в тех же строках и по тому же поводу; удивительно точно передан предметный смысл почти каждой строки и его словесное воплощение; переводчик почувствовал и блестяще воспроизвел заключенную в строфе иронию. И мы с изумлением открываем гибкость немецкого языка, его немалые поэтические возможности, проявляемые в сфере стихотворного перевода.

Обратимся к переводу еще одного произведения А. С. Пушкина. Одним из гениальнейших по эмоциональной глубине, психологической точности и по речевой естественности является, как думается, его стихотворение «Я вас любил ...». Немецкоязычный «двойник» этого текста сразу же был включен нами в число ма-

териалов, которые используются на немецком отделении ДНУ при постановке произношения. Студентам это произведение (на родном языке) хорошо известно еще из школы. Это обстоятельство помогает первокурсникам правильно интонировать и акцентировать текст перевода и облегчает его заучивание наизусть.

Догадка о первоисточнике возникает у отдельных студентов уже при первом (без указания автора) предъявлении немецкоязычного варианта: начальная фраза, а также знакомый ритм и знакомая интонация наводят их на такое предположение. Не совсем веря себе, они уточняют, не перевод ли это знаменитого пушкинского стихотворения. Нужно признать, что для сомнения имеется некоторое основание. Дело в том, что переводчик заменил местоимение «Sie» местоимением «du», то есть обращение на «Вы» обращением на «ты». Это повлекло за собой «сокращение дистанции» между субъектом признания и его адресатом. Вчитаемся в текст перевода.

<i>Ich liebte dich: vielleicht ist noch bis heute</i>	<i>a</i>
<i>In meiner Brust dies Feuer nicht verglüht;</i>	<i>b</i>
<i>Doch will ich nicht, daß es dein Schmerz erneute –</i>	<i>a</i>
<i>Nichts soll fortan erregen dein Gemüt!</i>	<i>b</i>
<i>Ich liebte dich mit hoffnungslosem Schweigen,</i>	<i>c</i>
<i>Bald schüchtern, bald durch Eifersucht betrübt;</i>	<i>d</i>
<i>Ich liebte dich so innig, so treueigen –</i>	<i>c</i>
<i>Gott gebe, daß ein andrer dich so liebt! (Übersetzung: F. Fiedler) [4, S. 113]</i>	<i>d</i>

<i>Я вас любил: любовь ещё, быть может,</i>	<i>a</i>
<i>В душе моей угасла не совсем;</i>	<i>b</i>
<i>Но пусть она вас больше не тревожит;</i>	<i>a</i>
<i>Я не хочу печалить вас ничем.</i>	<i>b</i>
<i>Я вас любил безмолвно, безнадежно,</i>	<i>c</i>
<i>То робостью, то ревностью томим;</i>	<i>d</i>
<i>Я вас любил так искренно, так нежно,</i>	<i>c</i>
<i>Как дай вам Бог любимой быть другим [1, с. 454]</i>	<i>d</i>

У Пушкина персонажей разделяет непреодолимая преграда, обозначенная холодным «Вы». В то же время читатель чувствует, что именно эта форма обращения при той предельной душевной открытости, с которой делается признание (по сути, самоанализ), служит лирическому герою моральной опорой и позволяет сохранить достоинство. В переводе же отчуждение еще не достигло предельной степени, после которой право или желание обращаться на «ты» окончательно утрачивается.

Поразительно, что замена такого маленького элемента текста смогла повлечь за собой его глубинную концептуальную трансформацию. Как думается, для данной лексической замены возможны две причины. Первая, простая, видится в том, что переводчик мог не осознать специфику обращения в оригинале, поскольку «вы» здесь печатается с маленькой буквы. Вторая причина глубже. Она связана с омонимией трёх местоимений в немецком языке: sie = она, sie = они, Sie = Вы. На слух местоимение «Sie» (Вы) в этом тексте может быть истолковано как «sie», т. е. «она». Иными словами, возникает вариант «Я её любил ...». При этом, если заменить «du» на «sie» во всех его позициях в данном тексте, то ни разу не возникает коллизии смыслового или грамматического недоразумения. Однако в результате такой замены искажается исходный ракурс подачи предмета страсти, так как исчезает прямое обращение к нему. А это ведёт к искажению психологической коллизии, к обеднению фактуальной и эмоциональной картины.

Кстати, такой нежелательный смысловый эффект в случае употребления местоимения «Sie» неизбежен при чтении перевода со сцены, по радио или по телевидению, т. е. тогда, когда текст должен восприниматься на слух. Видимо, переводчик, взвесив все варианты, выбрал тот, который давал меньшую потерю. Вот такие парадоксы может иногда всё же преподносить грамматика немецкого языка: в данном случае возник эффект игры слов (на основе омонимии), а это, как известно, явление практически неперебиваемое.

Наши окончательные выводы из изложенного будут следующими. Творчество А. С. Пушкина неизменно осознается в Германии как феномен, входящий в ряд высочайших достижений мировой литературы. Об этом свидетельствуют регулярно предпринимаемые здесь переводы и издания его произведений. Переводы стихотворных произведений поэта, в частности романа «Евгений Онегин», свидетельствуют о стремлении немецких переводчиков добиваться не только семантико-стилистической адекватности, но и архитектурного тождества перевода с оригиналом.

Уже отдельные наблюдения над переводами поэзии А. С. Пушкина на немецкий язык убеждают в том, что, несмотря на очевидные расхождения между русской (синтетической) и немецкой (в большой степени аналитической) языковыми системами, немецкий язык обладает значительными пластическими возможностями, позволяющими адекватно передавать тонкие смысловые и стилистические нюансы и изощренные рифмо-ритмические построения при переводе русских стихотворных текстов.

Перспективы дальнейших исследований в заявленном аспекте мы связываем с расширением жанрового спектра переводов поэзии А. С. Пушкина на немецкий язык, а также с их анализом в сопоставительном плане: имеется в виду сопоставительный анализ переводов «Евгения Онегина» разными переводчиками. Интересно было бы также рассмотреть переводы на немецкий язык прозаических произведений А. С. Пушкина.

Библиографические ссылки

1. **Пушкин А. С.** Сочинения в трёх томах. – М. : Худож. лит. – Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – 1985. – 735 с.
2. **Пушкин А. С.** Там же. – Т. 3: Евгений Онегин : Роман в стихах; Художественная проза. – 1954. – 620 с.
3. **Puschkin, Alexander S.** Gedichte. – Leipzig : Karl Rauch-Verlag, 1946. – 40 S.
4. **Puschkin, Alexander S.** Gedichte. Poeme. Eugen Onegin / Hrsg. von W. Neustadt. – B. : SWA-Verlag, 1947. – 556 S.
5. **Puschkin, Alexander.** Ausgewählte Werke / Hrsg. Von Johannes von Guenther. – B. : Aufbau-Verlag, 1949. – 271 S.
6. **Puschkin A. S. Evgenij Onegin.** Roman in Versen: Russisch-deutsche Parallelausgabe / Prosaübersetzung von Maximilian Braun; Hrsg. Von Vasilij Blok und Walter Kroll. – 2. Auflage. – Göttingen : Seminar für slawische Philologie der Georg-August-Universität, 1996. – 160 S.

Надійшла до редколегії 06.03.14

Т. Ю. Миронова

*Днепропетровская государственная финансовая академия***В ПОИСКАХ ПОДХОДА К СЕМАНТИКЕ ЦИТАТ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ**

Рассмотрена проблема цитирования в англоязычном тексте. Установлено, что цитаты в англоязычном авторском тексте представляют интерес как элементы общей семантики письменного документа. Выяснено, что цитирование тесно связано с интертекстуальностью произведения, его изучение требует определения степени разработанности этой современной лингвистической проблемы. Отмечено, что цитирование в англоязычном тексте является явлением, окрашенным национально-культурной спецификой и ожидает исследования по таким авторским параметрам смысла, как авторский взгляд, голос, динамика и т. д.

Ключевые слова: авторский смысл, национально-культурная специфика, авторский взгляд, голос, интертекстуальность, лингвистические средства.

Миронова Т. Ю., Дніпропетровська державна фінансова академія. **У ПОШУКАХ ПІДХОДУ ДО СЕМАНТИКИ ЦИТАТ У АНГЛОМОВНОМУ АВТОРСЬКОМУ ТЕКСТІ**

Розглянуто проблему цитування в англomовному тексті. Наголошено, що цитати в англomовному авторському тексті слід розглядати як елементи загальної семантики письмового документу. З'ясовано, що цитування тісно пов'язане із інтертекстуальністю твору, його вивчення вимагає визначення стану опрацювання цієї сучасної лінгвістичної проблеми. Відзначено, що цитування в англomовному тексті слід розглядати як явище, що має національно-культурну специфіку та потребує аналізу за такими авторськими параметрами смислу, як авторський погляд, голос, динаміка тощо.

Ключові слова: авторський смисл, національно-культурна специфіка, авторський погляд, голос, динаміка, інтертекстуальність, лінгвальні засоби.

Myronova T. Y., Dnipropetrovs'k State Financial Academy. **THE SEMANTICS OF CITATIONS WITHIN THE CONTEXT OF AN ENGLISH TEXT: IN SEARCH OF AN APPROACH**

Citation in English texts is considered as an element of text structure that affects the general content. The paper introduces several initial ideas of which way the presence of words that cannot strictly belong to the writer of a text can be correctly integrated within the semantics of his/her complete writing. A few theoretical standpoints are argued. They are connected with the invariably unique writer's personality; historical impact of antiquity on the writing traditions in English that still live long in good current works; and also with hands-on new experience of meaningful interpretation of citations in ancient Greek and Roman texts. A caution is needed on the part of non-native researchers of English texts as to being justly impenetrable to their own different socio-cultural experience of writing when they consider elements of mature English writing. The former practices of citing in totalitarian environment proved to be destructive to authors' quality writing. Here opens an important socio-cultural difference between the writing experience in English-speaking countries and that in post-totalitarian realities. Along with this, Ukrainian linguists have become enthusiastic investigators into cross-textual content; thus citing appears in focus of their academic studies. The approaches are multilateral and various, though the cross-textual properties are still vague. The present article summarizes important knowledge that can show the light as to the link among a writer's personality, his/ her content, and the amount and manner of citing. The present article is the first in a series on this broad topic, the following publications being specific analysis of several English texts either with abundant or scarce citing.

Key words: integration into the author's semantics, cultural specifics, the author's point of view, voice dynamism, cross-textuality; the author's linguistic choices.

Рассмотрение на материале отдельных текстов соотношения в них авторских смыслов и содержания, восходящего к другим источникам, представляет для нас интерес в такой мере, в какой такие знания позволяют корректно судить о коммуникативных ресурсах конкретного автора в его обращении к читателям. Не вызывает сомнения, что каждый индивидуальный документ не может обходиться без определенной доли смыслов, которые возвращаются как бы в общем употреблении среди современников, соотечественников и в целом людей, воспитанных в общей стихии определенного языка. Подобная сквозная текстовая семантика неоднородна как по связи с внетекстовой действительностью, так и по степени «стойкости», закреплённости хорошо знакомых или легкоузнаваемых понятий, стоящих за определенными языковыми единицами в рамках целого документа.

На данном этапе нашего исследования коммуникативной перспективы авторского текста мы обращаемся к самому протяженному, наиболее стабильному, личностно окрашенному виду несобственно-авторского содержания, которое в новосозданном документе предстает в виде цитат.

Рассмотрение функции отмеченного текстового явления в целостном документе и в соотношении с авторской индивидуальностью источника цитаты и личностью пользователя «чужого» смысла можно считать еще недостаточно раскрытой научной проблемой. Об этом можно судить по целому ряду современных публикаций, посвященных либо конкретизации общих представлений об интертекстуальности, либо узким вопросам отдельных национально-культурных концептов [1; 6; 9; 16; 21].

Поскольку данная статья предстает первой в цепочке наших публикаций в рамках затронутой темы, мы видим необходимость обосновать тот подход, который нам послужит теоретической основой в нескольких текстовых анализах. В последующих статьях в поле зрения предстанут особенности конкретных авторских работ, отмеченных разной мерой цитирования. По нашему замыслу такими материалами станут относительно завершённые фрагменты произведений тех авторов, с одной стороны, которые приводили много цитат, с другой – авторов, цитировавших с большой осторожностью и экономно.

Теперь, максимально сосредотачивая поиски на широком филологическом поле, следует уточнить, что мы обращаемся к англоязычным авторским текстам. При таком интересе к авторским работам обращают на себя внимание национально-культурные факторы, которые нам нужно учитывать. Кроме того, текстовый материал для последующей обработки отбирался таким образом, что содержит содержательные параллели, которые позволят некоторое сравнение результатов наблюдений за каждым из случаев. Все авторы, тексты которых мы анализировали, англоязычные, жили в XX в., почти все получили качественное университетское образование, общались с интересными людьми, стремились к познанию мира, раскрылись в относительно важный период развития в 16–20-летнем возрасте, и, наконец, все со временем заняли важные государственные посты.

Чтобы очертить теоретические границы подобного рассмотрения англоязычных текстов, мы совершим первый экскурс в направлении античного текстового наследия. Побуждением к этому можно считать мнение знатоков англоязычных традиций письма, которые в своем отечестве признают великое влияние древних греческих и римских произведений на становление качеств самостоятельно пишущего человека [23, с. 68]. Вторя их мысли, можно сказать больше: не только изысканность повествования в классических произведениях обостряли ожидания подобных высот в последующем выражении мыслей на английском языке, но и личности античных авторов, которые витали над своими строками, возносили индивидуальность их англоязычных последователей. Относительно

такого личностного эффекта следует добавить одно очень важное условие – для подобного перехода качеств необходимо в совершенстве знать древние языки, что считалось неизменным требованием как среди профессоров, так и студентов в старых британских элитарных учебных учреждениях, которые лидировали и продолжают быть первыми в предоставлении образцов качественного письма на их родном языке.

Опираясь на сведения от англоязычных текстовых аналитиков, добавим, что не только древние авторы подспудно звали британцев за собой к высотам текстового творчества через имплицитные личностные смыслы в своем содержании, но и читающая публика активно проявляла потребность в таком смысловом диалоге с индивидуальностью творца текста – и не только эллина или римлянина, но и своего соотечественника.

Элтону Оливеру, профессору из Ливерпуля, принадлежат слова о том, что в историческом плане английское сообщество довольно равнодушно относилось к определенному, всем известному текстовому образцу, типа литературных форм, но жадно искало при чтении личности отдельных писателей, чем коренным образом отличалось от французов, у которых происходило все наоборот. Если английские авторы, по какой-то причине испытывали дискомфорт проявления своей индивидуальности в английской прозе, то у них всегда в запасе оставалась прибежище латинского языка. Упомянутый английский профессор считает, что таким образом латинский язык становился воспитателем английского, однако письмо на этом древнем языке часто уводило за собой людей значительных личных качеств, в некоторой мере обездоливая английский [22, с. 627].

Совершенное знание античного классического наследия было обязательным не только для английских филологов, а считалось общепринятой основой университетского образования, делая замечательными авторами множество британцев, далеких от филологии. Античность «насыщала молодых людей качествами своих авторов», как это было сказано о британском государственном деятеле, авторе, открыто публиковавшемся исследователе античного творчества и переводчике ради собственного удовольствия из древних языков – Вильяме Юэрте Глэдстене (William Ewart Gladstone, 1809–1898), что в оригинале звучит следующим образом: «He was imbued with the substance of his authors» [23, p. 68].

Обращаясь к античным текстам в контексте нашего исследования, заметим, что там потребность пишущего в словах другого человека весьма нередкое явление. Таким приемом оформления содержания пользовались и Демосфен, и Цицерон. У них можно найти много примеров того, что на определенном этапе развития авторской мысли появляется голос дополнительного лица. Поскольку у этих античных авторов тексты неизменно использовались для устного выступления, то введение вспомогательного участника изложения содержания предполагалось делать ярким и заметным. У Демосфена цитаты приковывали к себе особое внимание, поскольку драматично прочитывались специально назначенным для этого человеком.

Цитаты у античных авторов могут быть пространными и предваряться интонационно и жестикомационно оформленными словами автора, как-то: «<...> в доказательство прочитай-ка <...> из того и другого все это будет вам ясно. Читай же» [7, с. 223] или «<...> Слышишь, что они говорят <...> Возьми-ка и прочитай самое обвинение» [Там же, с. 227], или еще «<...> Возьми-ка <...> и прочитай одно за другим. Из этого и станет ясно <...>» [Там же, с. 232]. Когда страсти накаляются, то автор в таком представлении иного текста становился резким и кратким, к примеру: «<...> Читай!» [Там же, с. 233]. Таким же образом в работе Демосфена обнаруживаются указания на 28 случаев поворота головы автора в сто-

рону представляющего цитаты [7, с. 210–303]. Подобной демонстративной торжественностью использование греческим автором слов другого лица не исчерпывается. После прочтения необходимого содержания его помощником он может вычленил из цитируемого текста определенный фрагмент, который на этот раз произносит сам, а иногда настоятельно неоднократно. Более того, автор укрепляет свое единодушие с исполнителем цитаты путем пересказа ее основной мысли.

Если мы обратимся к работам Цицерона, то цитаты из произведений других авторов ему не менее необходимы. Самое, пожалуй, элегантное их использование можно проследить в «Тускуланских беседах» [20]. Много кратких, но весомых по смыслу фрагментов, главным образом поэтических, находятся в третьей книге «Об ораторе» [19]. Еще чаще вызывает Цицерон к мнению известных мудрецов и мастеров слова в трактате «О дивинации». Произведение «О природе богов», наверное, более всех других содержит интересные нас текстовые явления, которые в определенных местах наплывают каскадами, что было, очевидно, обусловлено спецификой предмета.

Прямо сравнить упомянутые, интересные с точки зрения цитат, тексты Демосфена и Цицерона вряд ли возможно из-за того, что работы очень отличаются по своей текстовой природе друг от друга. Все же некоторое сопоставление достаточно корректно, если мы обратимся к тексту судебной речи Цицерона «В защиту Марка Целия Руфа» [20], изложенной автором после этого события. В названной работе используются десять прямых цитат, восемь намеков на всем известные исторические и драматические произведения и многочисленные лаконичные перифразы знакомого современникам писателя недавнего прошлого, а также фрагментов общественных речей и популярных изречений.

По содержательной основе речь Демосфена «О венке» [7] и речь Цицерона «В защиту Марка...» [20] роднит цель представить справедливое положение вещей. В структурно-содержательном плане интересующего нас использования мыслей другого автора они сравнимы одним прямым цитированием документа специально приглашенным для этого лицом и многочисленными перифразами.

Одновременный взгляд на эти два произведения убеждает, что в период античного авторства цитаты по смыслу глубоко интегрировались в текстовую ткань. У Демосфена это было четко структурированное, строго функциональное, информативное, ритмичное вкрапление, которое впоследствии при устном исполнении одухотворялось и драматично приобщалось к общему содержанию потенциалом вспомогательного чтеца через голос, жесты, телодвижения и подкреплялось, в случае особой важности, соответствующими возможностями автора. У Цицерона при некотором сохранении информативной функции возможности цитирования значительно расширяются, поскольку он видит в нем дополнительный канал гуманистического эмоционального смысла, который укрепляет собственно авторское содержание.

Примечательно, что у Цицерона появляется необычно длинная череда цитат в довольно-таки щепетильный для публики момент – когда приоткрываются личные тайные взаимоотношения знатного молодого человека и матроны высокого положения. Цицерон деликатно воздерживается много и открыто говорить на эту тему и передает свои мысли поэтическими цитатами. Такие ссылки его современники легко узнавали и более того досказывали сами себе, припоминая все непроизнесенное из древнего первоисточника: «О несчастный, о негодник!», или «Ну что сказать, чего мне пожелать? Ведь ты охоту мне отбил своею мерзостью!», или «И для чего связался ты с женой чужой, хищницей? Что ж разорйся! Сам потом нужду еще почувствуешь. Мне дела нет: пока я жив, мне хватит своего добра» и, наконец, «... Двери выломал? Поправя! Платье изорвал, Починится!» [20, с. 159].

Так Цицерон цитатами передає читателям більшість значень і сильніше возбуждає емоції, ніж на то були спроможні його прямі слова.

У Цицерона ще чіткіше видно вплив цитат на весь текст, якщо ми звернемо увагу на особливий прийом, так звану драматизацію виступу відсутньої особи, суворість судження якого всім відома. Такі випадки небагато, і їх можна додати до позначених вище інших видів цитат. Так, цікавить нас автор, який пропонує уявляти цитати з тим, щоб особисто відсторонитися від смислового слова, оскільки, як говорить Цицерон: «<...> не в моїх звичаях ворогувати з жінками, тим більше з тією, що завжди слухала скорше загальної подруги, ніж чим-то недругом» [20, с. 157]. Все ж автор уміло намагається висловити осуд від імені суворого родича тієї жінки, чье поведіння спроможне образити публіку. Репутація Слепого Аппія дає Цицерону свободу вираження, оскільки його сучасникам було відомо, що згаданий патриційське слово про провини не пом'якшує: «Що тобі в Целії, жінка, в дорослості, в чужому чоловіку? Чому така у вас близькість, що дала йому золото, і звідки така ворожнеча, що боїшся отрути?<...>». Такий прийом у Цицерона повторюється декілька разів з різним змістом.

Описаними шляхами, звичайно в доповнення до інших засобів, авторські параметри в розглянутому тексті набувають максимального заповнення: авторський **взгляд** отримує широту охоплення і прямоту розгляду; авторський **голос** звучить відкрито, і іронічно, торкаючись імпліцитних значень; **тон** модулює від гомогенних викидів до душевності; при цьому авторський **динамізм** розкривається в бурхливому натиску, все ж авторський **вкус** Цицерона не дозволяє обрушуватися потоком міцних слів, а елегантно вибирає в найтонших вираженнях думки. Треба сказати, коли подібний зміст усно промовлявся самим автором, який добре знав і майстерно використовував мелодичні, вражаючі перепади довгих і коротких голосних латини, враження було вражаючим.

Ми звернулися до двох античних авторів як до основоположників багатьох текстових явищ, які витримали випробування часом. Античну колыбель текстового мистецтва можна вважати загальноавторитетним початком як для нашої батьківщини (в російсько-, україномовному відношенні до цитування в повному тексті ми не змогли знайти національно-культурну різницю), так і англійської традиції письмового мистецтва. У античних авторів цитати незмінно працювали в загальному потоці авторського значення і узгоджувалися з індивідуальним змістом.

Російськими лінгвістами авторитет античності, можна сказати, також визнавався, якщо не вважати 1846-й рік, коли в імперській Росії була поставлена під сумнів свобода думки давніх римлян-республіканців і їх творчість була видалена з освіти [3]. Але це сумневіє для Цицерона і його російських шанувальників час не відкинув давню риторику в цілому: політичні події, що відбулися в ХХ в., «вернули» її.

Під впливом ідеологічних тенденцій в освіті, пресі і видавництві настає період переосмислення ролі цитат в авторській роботі: ними явно зловживали. Це свідчення, яким ми користуємося, пов'язане з цитатами в усних виступах, але обходження з подібним матеріалом в письмових текстах тієї пори легко розпізнаємо. Ср.: «Іноді, здається, що цитування не потребує особливих навичок. Однак і в цьому є свої особливості, свої позитивні і негативні сторони, які необхідно враховувати. Наприклад, деякі свою мову будують на одних цитатах. Такі виступи викликають невдоволення, т.б. слухачі хочуть знати думку самого оратора, результати його на-

блюдений. Кроме того, обилие цитат утомляет аудиторию, поскольку на слух трудно бывает уловить, что из сказанного принадлежит автору, а что тем, кого он цитирует. Поэтому, прежде всего, необходимо из выбранных для выступления цитат отобрать наиболее интересные, содержательные, оригинальные или наименее известные» [5, с. 157].

Как видно из предложенного фрагмента, отечественный, или, вернее, исторически родственный, русскоязычный знаток построения текста не заботится о гармоничности вхождения цитируемого фрагмента в преобладающее авторское содержание, поскольку такого содержания вовсе не видно в излагаемых рекомендациях. Подобное пренебрежение индивидуальными смыслами обуславливалось тем, что цитирование, главным образом, не рассматривалось как смысловое участие внешнего содержания в общей семантике нового текста. Цитаты тоталитарной поры не могли быть «чужими», «заимствованными» или «внешними» смыслами. Они вообще не назывались смыслами, а представляли законами! Цитаты мыслились как явления, соотносимые не столько со свойствами текста, сколько с социально-политическими ориентирами.

Цитаты из руководящих политических документов превратились в традиционные, ритуальные* зачины и концовки любых письменных документов. Эти обязательные элементы построения текстов социалистической поры играли роль пропуска для дальнейшего функционирования письменных работ, которые их вмещали. Такие «клятвы верности» иногда доходили до комизма. К примеру, можно открыть сборник профессиональных технологий национальной и международной кухни 1977 г. и найти следующее содержание: «В «Основных направлениях развития<...>», далее «Последовательное претворение в жизнь Программы мира<...>», кроме этого «Как отмечалось в докладе <...> на съезде <...>» и наконец, «Успехи <...> социалистического строительства <...>» [17]. Другим примером мог быть неизменный подбор школьниками цитат из художественных произведений по критериям идейности, народности и т. д.

Еще у одного – не такого давнего – специалиста по русскоязычным текстам, профессионально обращающегося с цитатами, их видение предстает предельно социально детерминированным. Ср.: «Своеобразным видом фактического материала <...> являются цитаты – части текста, выписанные из другой книги или статьи без всяких изменений. Трудно назвать такой вид литературы, в котором не использовались бы цитаты. Широко применяли цитаты в своей литературной работе, в частности, и классики марксизма-ленинизма <...>. Они (цитаты – Т. М.) были необходимы в борьбе с идейными противниками... необходимо приведение целого ряда длинных цитат... обойтись без них совершенно невозможно... читатели должны иметь под рукой все важнейшие заявления <...> Классики марксизма-ленинизма очень часто прибегали также к цитированию произведений, в которых содержатся ошибочные высказывания, – с целью их опровержения и разоблачения <...> К сознательному искажению мыслей противника прибегали буржуазные политики, писатели, публицисты <...> Преднамеренное искажение высказываний <...> использовали и используют враги рабочего класса... Прямую фальсификацию <...> допускает буржуазная печать Запада <...>» [13, с. 231–233].

Предложенный материал подает цитирование как недавнее историческое поле социальных битв и вместе с тем как оружие в таких сражениях. Допустим,

* Термин «ритуальное общение» ранее употреблялся в теории речевой коммуникации Е. Ф. Тарасова в значении формального употребления слов, утративших свой первоначальный смысл, но используемых ради вежливости, установления контакта. Здесь мы говорим о ритуальном цитировании как о церемониальной демонстрации верности политическому режиму [15, с. 5–147].

что к ритуальному цитированию (см. ранее – *Т. М.*) как пропуску текстов к опубликованию многие писавшие в ту пору относились как к чистой формальности. Согласимся, что теперь, по ненадобности заверений в политической лояльности через ссылки на идеологию, пишущие отбросили подобную практику. Однако только по причине такого отказа отечественному аналитику, обращающемуся к англоязычным текстам, не так легко поставить себя вровень с коллегами-носителями языка в полном видении данного структурно-содержательного текстового элемента, введенного в иноязычный текст с иной национально-культурной позиции.

Теперь мы приблизились к тому моменту в осмыслении текста как коммуникативной единицы, который заметно – исторически – отличает англоязычных авторов от наших соотечественников [24]. Подобные несовпадения побуждают исследователей англоязычных документов осторожно обходиться с цитирования в них как с текстовым явлением, отмеченным национально-культурной спецификой. Англоязычная письменная культура никогда не сталкивалась с так называемым ритуальным цитированием и сопутствующими ему обстоятельствами. В целом в англоязычной среде не считалось возможным деформировать авторскую текстовую ткань из-за опасений перед внешними силами. В данном случае мы не имеем в виду неизменные гуманистические критерии – они внутренние мерки – но под внешними факторами, влияющими на пишущего человека, понимаем заинтересованное политическое давление. Если подобное все же как-то случалось, то легко распознавалось, а соответствующий продукт считался некачественным произведением, ущербным содержанием, не представляющим ценности для человечества. Точно также с трудом можно представить англоязычного автора, который, не отрекаясь от пера, пишет и боится действительности. Одним из примеров того, как англоязычные писатели, случалось, открыто перед всей страной противостояли подобному положению автора, могут служить статьи-письма Элвина Брукса Вайта, «самого ясного ума во всей Америке» (*The Wall Street Journal*) [25, с. 545–546].

Обращаясь к современной отечественной филологии, следует отметить, что широкому интересу к свойствам текста сопутствует обостренное внимание исследователей к интертекстуальности, к которой, вровень с другими ее видами, относится важное для данной работы цитирование. Диапазон изучения этого явления достаточно широкий, а для того, чтобы его очертить по некоторым приметам, сошлемся на следующих коллег-соотечественников.

Так, предлагается считать, что «интертекстуальность – это «склеивание» из строк известных и малоизвестных высказываний полотна новых ассоциаций, создание новых картин в воображении читателя, там, где нелегко заметить грань между цитатой и текстовой тканью, между старым и новосозданным» [16, с. 367]. Многие также обсуждают мнение Р. Барта, который описал текст, игнорируя авторскую личность как новую ткань, сотканную из старых цитат. Абстрагируясь от индивидуальных смыслов творца письменного документа, он далеко не гуманистически характеризует материю письменного слова как некое абсорбирующее вещество. Так, якобы фрагменты культурных кодов, формул, ритмичных структур, отрывки социальных идиом и тому подобное поглощаются текстом и смешиваются в нем в виду того, что и до текста, и вокруг него всегда существует язык [2, с. 367]. Д. Кузьменко определяет два плана интертекстуальности: авторский и читательский, которые взаимно связаны общекультурной памятью [10, с. 94]. В словаре С. И. Кормилова при трактовке интересующего нас явления также на первое место ставится не автор, а читательское восприятие. При этом интертекстуальность определяется как механизм «метатекстовой рефлексии», при

которой весь мир отождествляется с одним общим текстом, так называемым интертекстом [14].

Отечественные публикации приводят размышления исследователей над недостаточно раскрытыми сторонами затронутого нами текстового явления, являющегося также стихией цитат. В частности, М. Р. Ткачивская пишет, что, с ее точки зрения, интертекстуальность не всегда становится спланированным инструментом достижения авторского замысла [16]. Она не соглашается с предположением Д. Кузьменко о том, что, изучая биографию писателя, следует проследить те тексты, которые повлияли на его мировоззрение, а впоследствии, сознательно или нет, проникли в его творчество [10, с. 348].

Все эти попытки интересны и есть свидетельства усилий доискиваться природы текста, но они упираются в существенную преграду на своем пути, воздвигнутую либо безлично-абстрактным, либо неупорядоченным толкованием текстового материала. Многие работы в рамках интертекстуальности не проводят четкой грани между цитированием – дополнительным каналом в общем потоке авторского смысла и цитированием – отдаленной семантической связью между работами разных авторов разных времен и мест.

На общем фоне впечатляет книга В. Коптилова, который однозначно подразделяет пять типов взаимодействия текстовых смыслов, относя то, что интересует нас в этой статье, к первому из них, а именно к «собственно интертекстуальности(и) как присутствию(ю) в одном тексте других текстов в виде цитат, аллюзий и т. д.» [9, с. 53]. Узнав волнующую нас проблему во взглядах опытного филолога, мы должны отметить, что при солидарности с взглядами В. Коптилова мы уходим в несколько иную сферу. Мы намерены заглянуть в авторский текст с той стороны, изучать которую упомянутый ученый и переводчик не ставил своей задачей.

Специфика нашего научного поиска в области англоязычных авторских текстов заключается в том, что мы используем набор смысловых категорий, который помогает различать индивидуальную семантику текста. Таким образом, продолжая исследовать коммуникативную перспективу индивидуального текста по семи авторским параметрам [24], мы предполагаем обогатить свою работу пониманием цитируемых фрагментов, если таковые имеются в тексте, в связи с общей авторской семантикой.

Такое изучение представляется вполне возможным, поскольку законченный цельный индивидуальный текст не вмещает никакой доли содержания, на которую бы не реагировали другие смысловые составляющие. Следовательно, если авторский документ содержит цитаты, то они неизменно работают на какой-то определенный или определенные параметры смысла, что может у разных авторов заметно отличаться. Такими семантическими измерениями, как это можно судить по десятку наших предшествующих публикаций, мы считаем авторский взгляд, голос, тон, дикцию, динамику, позицию и вкус [11; 12].

Далее, изучая опыт В. Коптилова, мы солидарны с его искренним пониманием текстовой природы, в особенности тогда, когда исследователь признает, что «интертекстуальность представляет собой понятие не менее важное, чем **структура текста**. Эти два понятия дополняют друг друга, охватывая как внутренние, так и внешние связи художественного произведения. Недостатком понятия интертекстуальность можно считать **недостаточную четкость, расплывчатость**, которая возникает именно тогда, когда мы покидаем **теоретические вершины и приступаем к практическому его использованию** (выделено нами. – Т. М.)» [9, с. 54].

Мнение В. Коптилова нам особенно ценно, поскольку оно значительно поддерживает наш собственный опыт текстового анализа. Представляется, что

имеющиеся у нас наработки изучения англоязычных авторских текстов, уже описанные в ряде публикаций, есть небольшой возможностью преодолеть упомянутую исследователем абстрактность рассмотрения интертекстуальности, которая у нас при этом приобретает несколько другое видение.

Мы не изучаем это явление в отрыве от реального текста, отвернувшись от автора как человека, вглядываясь в творческие дали других пишущих, тексты которых были использованы и составили случаи интертекстуальности. Мы намерены вместе с конкретным англоязычным автором пройти по всем смысловым вехам в его отдельном тексте, проникнуться его потребностью в использовании языка с определенными смыслами, который, в свою очередь, становится осязаемой материальной опорой для принятия решений об авторской работе. Только вместе с полным видением авторской текстовой семантики и конкретных языковых механизмов ее воплощения мы предполагаем вынести суждение о функции случаев цитирования как дополнительных, а не отдельно взятых, как у многих исследователей, каналов авторского смысла.

Для нас особенно важно, что В. Коптилов призывает к предельно внимательному отношению к иноязычному тексту и поднимает вопрос о культурном компоненте цитируемого материала. Хотя его выводы и пожелания устремлены к практическим переводчикам, мы ценим его однозначную формулировку этой проблемы, поскольку она нас глубоко волнует и занимает одно из ключевых положений в нашем исследовании.

Представляется, что в общих чертах нам удалось наметить пять основных теоретических вех, ориентируясь на которые станем в дальнейшем осуществлять конкретный анализ англоязычных текстов. Кратко их можно сформулировать следующим образом:

1. Уважение и наблюдение античного влияния на англоязычные традиции качественного письма.
2. Вера в возможность зрелого классического использования цитат, не ниже их эффекта, чем в древних текстах, когда смысл и оформление цитируемого материала гармонично вливается в целостный текст, подчиняясь авторским смыслам.
3. Осторожность подхода к англоязычным цитатам в целостном тексте, исключая вероятное их восприятие с позиции иной культуры.
4. Использование смысловых параметров индивидуальной авторской семантики конкретного документа для выяснения степени гармоничности вхождения цитируемого материала в авторские смыслы.
5. Обоснование решений о смысловых параметрах отдельного авторского текста, содержащего цитаты, при сопутствующем наблюдением за конкретными языковыми формами в самих цитатах и на других участках взятого документа.

Немного опережая последующие публикации на затронутую тему, сообщим, что изучение манеры цитирования в англоязычном тексте, обогащенное анализом авторской семантики избранного документа, обещает много интересных сведений об индивидуальности самого создателя текста и особенностях его письма. Многие выводы о случаях рассмотренного цитирования материально подкрепляются данными о языковых формах, использованных англоязычным автором, а также тех, которые оформили цитату.

Библіографічні посилання

1. **Андрейко Л. В.** Гра з цитатою як проблема перекладу / Л. В. Андрейко // Наук. зап. Нац. ун-ту «Остроз. Акад.». Сер. «Філол.». – Вип. 36. – 2013. – С. 289–293.
2. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М., 1989. – 615 с.

3. **Брокгауз Ф. А.** Энциклопедический словарь : в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – Т. 8 (15). – – 285 с.
4. **Бублейник Л. В.** Стилистика интертекстуализации в поэзии Б. Ахмадулиной / Л. В. Бублейник // Наук. зап. Нац. ун-ту «Остроз. акад.». Сер. «Філол.». – Вип. 36. – 2013. – С. 103–105.
5. **Введенская Л. А.** Культура и искусство речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 576 с.
6. **Грек Л. В.** Інтертекстуальність як проблема перекладу (на матеріалі перекладів української постмодерністської прози) : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.16 «Перекладознавство» / Лариса Володимирівна Грек. – К., 2006. – 208 с.
7. **Демосфен.** Речи / Демосфен; пер. с греч. проф. С. И. Радцига. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – 608 с.
8. **Іванченко Р. Г.** Літературне редагування / Р. Г. Іванченко. – К. : РВВ Книжков. палати УРСР, 1970. – 365 с.
9. **Коптилов В.** Теорія і практика перекладу : навч. посіб. / В. Коптилов. – К., 2002. – 280 с.
10. **Кузьменко Д.** Сучасні підходи до тлумачення поняття «інтертекстуальності» / Д. Кузьменко // Літературознав. студії. – Вип. 21, ч. 1. – К., 2008. – С. 347–351.
11. **Миронова Т. Ю.** Спостереження за коливаннями семантики тривалої дії в англомовному авторському тексті / Т. Ю. Миронова // Наук. зап. КДПУ ім. В. Винниченка. Сер. «Філол. науки (мовознавство)». – Вип. 117. – 2013. – С. 232–240.
12. **Миронова Т. Ю.** Поиски места иронии в параметрах смысла англоязычного авторского текста (Опыт когнитивно-семантического анализа английского рассказа Дж. Оруэлла «The Hotel Kitchens») / Т. Ю. Миронова // Филология и культурология : совр. пробл. и перспективы развития : сб. мат. 2-й междунар. науч.-практ. конф., 28 февр. 2013 г. – М., 2013. – С. 28–34.
13. **Сикорский Н. М.** Теория и практика редактирования / Н. М. Сикорский. – М. : Высш. шк., 1971. – 267 с.
14. **Современный словарь-справочник по литературе** / сост. и науч. ред. С. И. Кормилов. – М. : Олимп ; ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 704 с.
15. **Тарасов Е. Ф.** К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М., 1979. – С. 5–147.
16. **Ткачівська М. Р.** Інтертекстуальність та цитати доби тоталітарного режиму в німецькомовних перекладах творів Ю. Андруховича / М. Р. Ткачівська // Наук. зап. Нац. ун-ту «Остроз. акад.». Сер. «Філол.». – Вип. 36. – 2013. – С. 367–369.
17. **Титюник А. И.** Советская национальная и зарубежная кухня : учеб. пособие / А. И. Титюник, Ю. М. Новоженков. – М. : Высш. шк., 1977. – 383 с.
18. **Феллер М. Д.** Структура произведения / М. Д. Феллер. – М. : Книга, 1981. – 272 с.
19. **Цицерон.** Три трактата об ораторском искусстве / Цицерон. – М., 1972. – 471 с.
20. **Цицерон.** Избранные сочинения / Цицерон. – М. : Худ. лит., 1975. – 454 с.
21. **Шаповалова К. В.** Інтертекстуальність у словесній культурі постмодерну (на матеріалі поетичного дискурсу) : дис. ... канд. наук : спец. 10.02.02 «Рос. мова» / Катерина Володимирівна Шаповалова. – Х., 2008. – 200 с.
22. **Elton Oliver.** III. Elizabethan Times / Oliver Elton, M. A., Professor of English Literature of Liverpool. Author of 'The Augustan Ages' etc // English literature. The Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information / 11-th edition in 29 volumes. – Vol. IX. – N. Y., 1910–1911. – P. 607–645.
23. **Russell Erskine George William.** Gladstone W. E. / Hon. Russell Erskine George William, Under-Secretary of State for the Home Department, M.P. Author of Life of W.E.Gladstone // The Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. 11-th edition in 29 volumes. – Vol. XII. – N. Y., 1910–1911. – P. 66–72.
24. **Trimmer J. F.** Writing with a Purpose / J. F. Trimmer and J. M. McCrimmon. – Boston : Houghton Miffling Company, 1988. – 524 p.

25. **White E. B.** Letters to the New York Herald Tribune / Elvyn Brooks White // Reading and Writing Process by Day S. and others. – N. Y., 1989. – P. 545–547.

Надійшла до редколегії 12.03.14

УДК 811.161.1'373.46

О. В. Нашиванько

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МОЗ Украины»

МОДЕЛЬ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ КОСМЕТОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На основании анализа научных подходов к определению способов формирования терминосистем выявлен тип модели терминосистемы медицинской косметологии (МК), который определен как филиционно-гетерогенный. Обосновано, что характер образования терминосистемы МК обусловил наличие в ней собственных, общенаучных и общемедицинских терминов, а также терминоединиц смежных терминосистем: дерматологии, пластической хирургии, физиотерапии и других наук как медицинского, так и немедицинского (физика, механика, химия) профиля.

Ключевые слова: терминосистема медицинской косметологии, тип модели терминосистемы, филиционно-гетерогенный тип.

Нашиванько О. В., ДЗ «Дніпропетровська медична академія МОЗ України».
МОДЕЛЬ ТЕРМІНОСИСТЕМИ МЕДИЧНОЇ КОСМЕТОЛОГІЇ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

На основі аналізу наукових підходів до визначення способу формування терминосистем виявлено тип моделі терминосистеми косметичної косметології (МК), який визначено як філіційно-гетерогенний. Обґрунтовано, що характер утворення терминосистеми МК обумовлює наявність у ній власних, загальнонаукових і загальномедичних термінів, а також терміноодиниць суміжних терминосистем: дерматології, пластичної хірургії, фізіотерапії та інших наук як медичного, так і немедичного (фізика, механіка, хімія) профілю.

Ключові слова: терміносистема медичної косметології, тип моделі терміносистеми, філіційно-гетерогенний тип.

Nashivanko O. V., SI «Dnepropetrovsk medical academy Health Ministry of Ukraine».
THE TERMINOLOGICAL SYSTEM MODEL OF MEDICAL COSMETOLOGY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article deals with the complex research of the Russian language medical cosmetological terminology in the context of extra linguistic factors which influence its formation. The purpose of this paper is to determine the type of terminological system model formation of medical cosmetology which develops actively now days. The tasks contain analysis of scientific approach to defining of ways of terminological system formation and reasons of the type of terminological system model of this sphere of science. The main ways of descriptive, systemic, structural and semantic methods have been used. According to the given investigations filiational and heterogeneous types have been defined. It has been proved that the character of terminological system formation of medical cosmetology caused presenting its own, general scientific and general medical terms and the terminological units of adjacent terminological system: Dermatology, Plastic surgery, Physiotherapy and other sciences both medical and non-medical type (Physics, Mechanics, Chemistry).

Key words: terminological system of medical cosmetology, type of terminological system model, filiational and heterogeneous type.

Изучение процессов образования терминосистем вообще и терминосистем формирующихся областей знаний и сфер деятельности человека, в частности, не

может быть полноценным без выявления экстралингвистических факторов образования нового номинативного пространства, освещения определяющих моментов в формировании метаязыка, репрезентирующего основные понятия этого пространства. **Целью** настоящей статьи является определение типа модели формирования терминосистемы медицинской косметологии, активно развивающейся в наши дни. В **задачи** работы входит: 1) анализ научных подходов к определению способов формирования терминосистем; 2) обоснование типа модели терминосистемы медицинской косметологии.

Актуальность исследования заключается в том, что при анализе любой терминосистемы особый интерес вызывает изучение путей и принципов формирования терминосистем, который поддерживается такими важными объективными предпосылками, как: 1) незначительная теоретическая и практическая разработанность проблемы формирования новых терминосистем; 2) образование отраслевых терминосистем на границе нескольких отраслей знаний и сфер деятельности; 3) появление значительного количества новых терминов при одновременном «отмирании» части прежней терминологии [4, с. 21]. В ходе исследования применялись основные приемы описательного, системного и структурно-семантического методов.

На сегодняшний день в работах российских и украинских лингвистов заложен серьезный фундамент для изучения закономерностей организации существующих и формирующихся отраслевых терминосистем русского языка. По мнению ученых, в образовании терминосистем важную роль играют две группы факторов: 1) экстралингвистические, обуславливающие необходимость номинировать понятия отрасли знаний и сфер деятельности, а также потребность детализировать (в определенных случаях и усложнить) понятия фундаментальных областей науки, перенесенных в прикладную терминосистему; 2) лингвистические, связанные с разнообразием понятийных отношений, передаваемых терминами, а также с возможностью объединения в таких многословных терминах разных в понятийном отношении компонентов.

Рассматривая источники формирования и пополнения терминосистем, ученые отмечают, что любая терминосистема по мере развития конкретной области знаний расширяется и обогащается новыми терминами за счет заимствований из областей-доноров [Там же, с. 23]. Что же касается терминологий молодых, формирующихся областей знания, то отличительной чертой их зарождения в наши дни является гетерогенный характер, возникающий вследствие междисциплинарного характера новых отраслей знания, вовлеченности в их проблематику большого числа смежных наук. Эта черта характеризует, в частности, терминологию венчурного финансирования [4], экологии [2], материаловедения [9], нанотехнологии [3] и др. Так, О. Б. Иванова, характеризуя складывающуюся на наших глазах терминосистему нанотехнологии, отмечает, что в формировании этой новой отрасли знания участвуют по меньшей мере 32 дисциплины [Там же, с. 7].

С. Г. Казарина, давая общую характеристику терминосистем медицины, особенно подчеркивает свойство неоднородности по составу, присущее, по ее мнению, всем отраслевым терминосистемам: «Терминологическая система отдельной отрасли медицины взаимодействует с иными своеязычными терминосистемами дисциплин того же цикла, своеязычными терминосистемами некоторых других циклов, литературным языком, иноязычными терминосистемами одного и различных циклов. Результатом такого взаимодействия является более или менее активное мигрирование специальных единиц, а также терминологических элементов и терминологических компонентов, часто сопровождаемое трансформацией дефиниции» [5, с. 39].

В зависимости от способа возникновения С. Г. Казарина делит терминосистемы медицины на четыре типа, каждый из которых соотносится с определенной моделью.

1. **Филиационная** (фр. filiation от латин. filialis – сыновий) **терминологическая система** образуется филиацией (расчленением в преемственной связи) терминологии отдельной области знания. Как правило, терминология, принадлежащая к первой модели, достаточно однородна и состоит в основном из базовых терминов, заимствованных из терминологии исходной науки, а также образованных от них производных и сложных номинаций и небольшого количества заимствований из других областей знания.

2. Терминологическая система, образованная в результате слияния двух наук, относится к **контаминационной** (от латин. contamination – смешение) модели и представляет собой конгломерат терминов обеих наук или терминов одной науки, получивших различные значения.

3. Модель комплексной терминосистемы, возникшей на базе номинаций нескольких дисциплин, исследователь предлагает называть **гетерогенной терминосистемой** (греч. heterogenes – неоднородный по составу). Этот тип терминологии характеризуется неоднородным составом терминов, взаимодействовавших при совокупности номинаций новой области. Изменения значений терминов в этом случае можно установить лишь с помощью сопоставительно-дефиниционного анализа.

4. **Гомогенная** (греч. homogenes – однородный по составу) модель терминологической системы характерна преимущественно для давно сформировавшихся дисциплин медицинского цикла. Терминология таких наук имеет древние корни и частично возникает на базе общенациональных корней, подвергшихся специализации, так как «первоначально возникшей является эмпирическая сфера профессиональной коммуникации» [Там же, с. 73–74].

Способ формирования рассматриваемой нами терминосистемы медицинской косметологии не может быть определен однозначно. С одной стороны, косметология как прикладная область деятельности вырастает из косметики, уже во второй половине прошлого столетия понимаемой не только как искусство украшать себя, но и как область профессиональной и научно-прикладной деятельности. По крайней мере, такое положение дел отражает статья «Косметика», предлагаемая Большой советской энциклопедией. Определяя косметику как учение, составители энциклопедии говорят о начале научного развития косметики в XIX в., уже таким образом косвенно признавая косметику наукой. Непосредственно как наука в данной статье квалифицируется врачебная косметика (ср.: **врачебная косметика** – наука о методах профилактики и лечения заболеваний и косметических недостатков кожи, волос, а также уход за ногтями и полостью рта в соответствии с современными достижениями медицинской науки [1]), которая подразделяется составителями на консервативную (гигиеническую, или профилактическую), лечебную и хирургическую.

Нет сомнения, что косметология как область научной и прикладной деятельности является прямой преемницей косметики, что в определенной степени свидетельствует о филиационном характере модели ее терминологии. Однако косметология не просто отпочковывается от косметики как дочерняя дисциплина: термин *косметология* в наши дни начинает употребляться вместо термина *косметика* в значении «учение, наука», а понятийная и номинативная область современной косметики осознается как один из сегментов понятийно-номинативного пространства косметологии, а именно: микросистема «средства и вещества, применяемые в косметологии» [8]. Таким образом, происходит своеобразное погло-

щение дочерней терминосистемой материнской терминосистемы, при котором часть материнской терминосистемы полностью отторгается от исходной и начинает осознаваться как атрибут новой терминосистемы («наука»), а оставшаяся часть («средства»), сохраняя определенную автономность, в то же время входит в состав новой терминосферы как ее сегмент.

С другой же стороны, медицинская косметология как область научно-прикладной деятельности наследует гетерогенный характер врачебной косметики, которая как научная дисциплина формируется на стыке ряда наук и прикладных сфер деятельности, прежде всего, дерматологии, пластической хирургии, физиотерапии, в свою очередь активно использующей методы физики. Иными словами, формирование терминосистемы медицинской косметологии является результатом взаимодействия нескольких исходных терминосистем, номинирующих концепты тех отраслей знания и сфер деятельности человека, на границе которых возникает эта сфера деятельности человека.

Сегодня основу медицинской косметологии как научно-прикладной сферы знаний и деятельности человека составляют знания о строении кожи, а также волос и ногтей, ее болезнях, методах диагностики и лечения, которые косметология заимствует из дерматологии и трихологии; знания о строении тела человека и его органах, относящиеся к физиологии и анатомии человека. Существование косметологии невозможно без привлечения знаний и методов общей и клинической терапии, методов пластической хирургии, к которой косметология обращается в целях улучшения внешнего вида лица и тела человека; процедур и методик физиотерапии, которые косметология активно применяет для омоложения пациентов и улучшения их общего состояния. Научный подход к проблемам косметологии базируется на фундаментальных знаниях и таких наук, как фармакология, биология, микробиология, вирусология, химия.

В то же время в медицинской косметологии можно проследить ответвления косметологии от таких материнских дисциплин, как аллергология, геронтология и гериатрия, генетика, иммунология, ортопедия, гигиена [7]. Свой «косметологический» ракурс появился в наши дни у флебологии, диетологии, ангиологии и других отраслей медицины.

В процессе косметологической реабилитации, применяемой в посттравматической косметологии и направленной на восстановление разрушенной гармонии внешнего облика и его коррелятивных связей с внутренними функциями организма, оптимизацию физического и психического здоровья, социально-психологическое восстановление [6, с. 23], а также в период подготовки к той или иной косметологической процедуре становятся необходимы знания психики человека, накопленные такими науками, как психиатрия, психология, психоневрология, психотерапия и др.

Процесс вовлечения в косметологию различных наук медицинского и немедицинского профиля вряд ли можно считать завершенным. Так, в наши дни появляются «косметологические» аспекты у достаточно «старых» направлений медицины, формируются новые отрасли медицины, смежные с косметологией. Например, в последние годы сформировалось направление *косметической* (= косметологической) *нейрологии*, под которой подразумевается поддержание умственной активности с помощью психоактивных веществ, содержащих амфитамины и адреналин (<http://www.pravda.ru/28-04-2009>).

Таким образом, все изложенное выше позволяет определить характер модели образования терминосистемы медицинской косметологии как *филиационно-гетерогенной*.

Сегодня медицинская косметология представляет собой совокупность знаний, полученных научным и опытным путем, которые дают возможность делать определенные обобщения и выводы, а также предвидеть пути развития косметологии как науки и прикладной отрасли медицины. Сказанное позволяет представить исследуемую область как слияние научного и прикладного знания, полученного в результате практической деятельности. Это обстоятельство самым непосредственным образом отражается в парадигматических характеристиках специальных понятий, репрезентирующих данную сферу деятельности человека, и, закономерно, в понятийно-парадигматических характеристиках соответствующих терминов. Как было установлено, медицинская косметология как наука формируется на стыке нескольких наук, поэтому для выявления ее понятийно-парадигматической структуры прежде всего важны взаимоотношения терминов МК с терминологическими единицами других терминосистем. С этой точки зрения речь идет об общенаучной, общетехнической, межотраслевой и отраслевой терминологии, выделяемой на основе типов специальных понятий. Теоретическое обоснование такой классификации дано в работах В. П. Даниленко, В. М. Лейчика, В. А. Татарина и других ученых.

Более общий характер носит принцип разделения терминов на собственные (принадлежащие только конкретной научной дисциплине) и привлеченные (принадлежащие всем или некоторым специальным областям).

Медицинская косметология наиболее тесно связана с дерматологией, основным объектом изучения и воздействия этих двух наук является кожа, поэтому косметология оперирует общими для неё и дерматологии терминами, называющими собственно кожу (дерма), типы кожи (*нормальная, сухая, жирная* и пр.), описывающими ее строение (*эпидермис, роговой слой эпидермиса, зародышевый слой эпидермиса, внеклеточный матрикс, гиподерма* и др.), функции (*защитная, функция терморегуляции, рецепторная функция* и т. д.), свойства кожи (*обезвоженность, сухость, жирность, увлажненность* и пр.), придатки кожи и их элементы (*волосы, корень волоса, стержень волоса, ногти, ногтевой валик* и др.), методы диагностики (*видеодерматоскопия, витропрессия, корнеометрия* и т. д.), дефекты кожи (*пятно, розеола, эритема, узел, пузырек, пигментация* и др.), болезни (*угри, витилиго, дерматит, блефарохалаз, старческий кератоз* и пр.).

К межотраслевым относятся и многие термины, обозначающие физиотерапевтические процедуры, применяемые в медицинской косметологии: *лечебный массаж, бальнеотерапия, вибротерапия, диатермия, электрокоагуляция* и т. д.

Важное место в общей терминологии МК занимают термины эстетической хирургии, называющие хирургические процедуры по улучшению внешнего вида пациента: *абдоминопластика, круговая подтяжка лица, липосакция, лифтинг, эндоскопический лифтинг* и др.

К собственным терминам медицинской косметологии относятся наименования многих современных косметологических процедур (*мезотерапия, мезолифтинг, биоревитализация, фотоомоложение, лазерная шлифовка кожи* и т. д.), средств, применяемых для выполнения этих процедур (*фруктовые кислоты, нити АПТОС, капсулированные эндопротезы, лимфодренажный крем* и пр.), используемых инструментов и аппаратов (*эрбиевый лазер, косметологический комбайн, браш-аппарат, коагулятор, аппарат для прессотерапии* и др.), названия направлений косметологии (*геронтокосметология, дерматокосметология, аппаратная косметология* и т. д.), специалистов (*дерматокосметолог, эстетический хирург, хирург-косметолог, косметолог*) и пр.

Естественно, что, как и в любой другой подсистеме медицины, в МК функционируют общенаучные (*программа, процедура, метод, коррекция*) и общеме-

дицинские (*терапия, лечение, болезнь, синдром*) термины, общеизвестные слова (*пятно, рубец, пробка, корка, пузырь*). Как правило, привлеченные термины широкой семантики (общенаучные и общемедицинские), а также общеупотребительная лексика в терминологии МК служат основой для образования конкретно-научных терминов (например: *синдром Ремберга, болезнь Малebra–Шемантэ, водолечение, гальванотерапия, программа моделирующего лифтинга, келоидный рубец, сальные пробки*), а употребляясь самостоятельно, меняют свое общеизвестное значение в результате специализации, приобретения функции термина. Так, лексема *пузырь* как слово общеупотребительное обозначает «наполненный воздухом прозрачный шарик в жидкости», а как термин МК имеет значение «экссудативный крупный полостной элемент» [10, с. 32].

Выводы. Проведенное исследование позволяет определить характер модели образования терминосистемы МК как филиационно-гетерогенный. Филиационно-гетерогенный тип образования модели ТМК обуславливает наличие в ней, помимо собственных, общенаучных и общемедицинских, большого количества терминов, привлеченных из смежных терминосистем: дерматологии, пластической хирургии, физиотерапии и других наук как медицинского, так и немедицинского (физика, механика, химия) профиля.

Перспективу исследования составляет установление и описание характера связей и отношений составляющих терминосистему элементов, репрезентирующих различные ее уровни, характеристики различных групп терминологических номинаций и т. д.

Библиографические ссылки

1. **Большая советская энциклопедия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com>.
2. **Гусева И. Г.** Когнитивно-дискурсивный анализ межотраслевой экологической терминологии в области рыбного промысла (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / И. Г. Гусева. – М., 2004. – 25 с.
3. **Иванова О. Б.** Динамика становления терминологии новой предметной области (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / О. Б. Иванова. – М., 2010. – 24 с.
4. **Ивина Л. В.** Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : монография / Л. В. Ивина. – М. : Академ. проект, 2003. – 304 с.
5. **Казарина С. Г.** Типологические характеристики отраслевой терминологии : монография / С. Г. Казарина. – Краснодар : Изд-во Куб. гос. мед. акад., 1998. – 271 с.
6. **Кольгуненко И. И.** Основы геронтокосметологии / И. И. Кольгуненко. – М. : Медицина, 1974. – 224 с.
7. **Нашиванько О. В.** Названия направлений косметологии и их определения (на материале русскоязычных сайтов косметологических учреждений) / О. В. Нашиванько // Вісн. Дніпропетров. ун-ту. Сер. «Мовознавство». – Вип. 16. – 2010. – С. 88–94.
8. **Нашиванько О. В.** Термины *косметика* и *косметология* : проблема определения / О. В. Нашиванько // Вісн. Дніпропетров. ун-ту. Сер. «Мовознавство». – Вип. 14. – 2008. – С. 209–215.
9. **Олещенко Ю. Р.** Російська термінологія матеріалознавства: когнітивний та системно-функціональний аспекти вивчення : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Ю. Р. Олещенко. – Д., 2008. – 20 с.
10. **Сикорская С.** Косметология в салоне красоты / С. Сикорская, А. Сикорская. – М. : Рипол-классик, 2006. – 176 с.

Надійшла до редколегії 05.02.14

О. С. Палькевич

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СУЧАСНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ ПУРИЗМУ ЯК ЗАСОБУ НОРМАЛІЗАЦІЇ МОВИ

Досліджено поняття мовного пуризму як засобу нормалізації мови, проаналізовано визначення термінів «мовний пуризм», «мовна норма», «узус», «літературна норма», «нормалізація» та розглянуто співвідношення між ними. Літературну норму досліджено в соціолінгвістичній парадигмі. Виділено два її аспекти: синхронний і діахронний, взаємодія між якими відбувається під час усвідомленої нормалізації. Установлено, що пуризм може відіграти роль регулятора розвитку літературної норми й сприяти таким чином забезпеченню історичної спадковості мови.

Ключові слова: мовний пуризм, мовна норма, узус, літературна норма, нормалізація, кодифікація.

Палькевич Е. С., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУРИЗМА КАК СПОСОБА НОРМАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА**

Исследовано понятие языкового пуризма как средства нормализации языка, проанализированы определения терминов «языковой пуризм», «языковая норма», «узус», «литературная норма», «нормализация» и рассмотрено соотношение между ними. Литературную норму исследовано в социолингвистической парадигме. Выделены два ее аспекта: синхронный и диахронный, взаимодействие между которыми происходит во время осознанной нормализации. Установлено, что пуризм может играть роль регулятора развития литературной нормы и способствовать таким образом обеспечению исторической наследственности языка.

Ключевые слова: языковой пуризм, языковая норма, узус, литературная норма, нормализация, кодификация.

Pal'kevich O. S., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **MODERN ASPECTS OF THE RESEARCH OF PURISM AS MEANS OF LANGUAGE NORMALIZATION**

Linguistic purism remains one of the most topical socio-linguistic phenomena and requires detailed research in socio-linguistic paradigm. Special need to study the above mentioned phenomenon becomes in the context of reviewing modern language norm in Indo-European languages as a result of active borrowing foreign words.

For a long time purism was considered as conservative phenomenon due to the denial of the scientific language normalization. To prove the possibility of deliberate influence on the setting of language norms, let us analyze the definitions of the terms «language norm», «literary norm», «normalization» and the relations between them.

Dictionaries use the term *norm* in connection with the concept of the language system and its performance in speech as well as considering it as a socio-historical category, which reflects the implementation of the language system in the society. But norm is presented as *idealized, compulsory and fixed* use of language units *in definite period of language development*.

Language norm (usage) is broad notion that includes all existing language implementations, i.e. literary, public and dialect standards. It is contrasted to the literary norm that is codified and is the highest form of conditional hierarchical system of norms.

Literary norm is a socio-historical category, which appears in the integrity of its static and dynamic characteristics. Thanks to synchronous aspect of standards its stability is ensured, and thanks to diachronic in case of deliberate language normalization its development is realized.

Therefore, the normalization is a regular feature of the development of the literary languages, and purism as its means, can be considered as a regulator of language evolution, contributing to a historical heredity of language. Recognition of the progressive role of purism can be used for further research of this ambiguous phenomenon.

Key words: linguistic purism, language norm, usage, literary norm, normalization, codification.

Феномен мовного пуризму, пов'язаний із нормалізацією літературної мови, тривалий час сприймався вченими як елемент соціальної, екстралінгвістичної діяльності, не пов'язаної з внутрішніми факторами мовного розвитку. Саме тому лінгвісти його вивчали фрагментарно, більше того, дані дослідження мали прикладний характер. Крім того, пуризм переважно розглядали, зокрема в радянському мовознавстві, як негативне, консервативне явище, засноване на нерозумінні поступового розвитку мови. Таке трактування пуризму знайшло своє відображення в радянських тлумачних словниках: «*непомірна суворість*», «*непомірність вимог ... до чистоти мови*» або *консервативний захист* її від всього нового і запозиченого [27; 28] і навіть у французьких академічних словниках XVII–XIX ст.: «*скрупульозна, навіть надмірна, турбота про чистоту мови*» [21], «*недолік людини, яка прагне до чистоти мови*» [29].

Лише в межах соціолінгвістичного корелятивного аналізу дослідники почали вивчати пуризм крізь призму співвідношення зовнішніх (соціальних) і внутрішніх факторів розвитку мови, а отже, його стали розглядати як елемент лінгвістичного планування, який може позитивно впливати на рівень мовного розвитку. Але, на жаль, пуризм залишається мало вивченим феноменом і потребує вирішення багатьох питань. Наприклад: чому деякі культури надають більшого значення очищенню мови, ніж інші? І чому в деяких європейських країнах створюють академії (спеціальні органи державної влади з питань здійснення мовної політики), які дбають про чистоту мови (як у Франції, Італії), а в деяких вони не існують взагалі (у Великій Британії, Україні)? Чому пуризм зароджується в певні періоди розвитку мови? Чи існує можливість свідомого впливу на встановлення мовних норм чи процес мовного розвитку формується стихійно? І чи можливо, зрештою, узагалі розглядати пуризм як суто прогресивне або регресивне явище в мовній еволюції?

Швидка поява та розвиток нових світових реалій спонукають українську літературну мову до активних запозичень і кальок, особливо з англійської та російської мов. Відтак постає справедливе питання про перегляд мовної норми й навіть про «пурифікацію» української літературної мови від засилля іншомовних слів. Отже, **актуальність** даної статті полягає в необхідності теоретичного осмислення мовного пуризму як суспільно-лінгвістичного явища та більш точного визначення цього поняття.

Таким чином, **ціллю** нашого дослідження є детальне вивчення пуризму стосовно його ролі в розвитку літературної мови. Дослідимо, чи він є закономірною рисою цього розвитку, чи регресивним явищем у мовній еволюції.

Для цього необхідно передусім розглянути низку важливих теоретичних питань, пов'язаних з термінологією, зокрема стосовно поняття самого «пуризму», а також «мовної норми», яка, у свою чергу, є базовий елемент цього поняття. Отже, основними **завданнями** дослідження є: 1) проаналізувати визначення термінів «мовний пуризм», «мовна норма», «узус», «літературна норма», «нормалізація»; 2) розглянути співвідношення між ними; 3) дослідити літературну норму в соціолінгвістичній парадигмі, тобто як мовне й суспільно-історичне явище.

Передусім з'ясуємо суть самого терміна «мовний пуризм», його походження та зміст. Ось лише деякі дефініції пуризму, які допомагають виявити основні складники цього поняття. Словник-довідник термінів і понять лінгвістики дає таке визначення пуризму (від латин. *rigus* – «чистий»): «Мовна політика, спрямована на *очищення* літературної мови: 1) від іншомовних запозичень; 2) різного роду

новоутворень; 3) елементів нелітературної мови: діалектизмів, просторічних елементів» [26].

Літературна енциклопедія в 11 т. (1929–1939) трактує пуризм як «напряму у будівництві літературної мови, що має на меті стабілізацію її лексики, «очищення» її від усіх елементів, засуджуваних літературним канонам, в першу чергу від слів іншомовного походження, і подальше збагачення мови словами, утвореними виключно засобами рідної мови» [14]. Відомий енциклопедичний словник французької мови «Ларусс» («Larousse») визначає пуризм як «ставлення, згідно з яким використання мови повинно підпорядковуватись ідеальній нормі, яка має на меті надавати перевагу так званому «чистому» використанню, яке виключає будь-яку еволюцію і, зокрема, будь-яке запозичення [6]. Ще один тлумачний французький словник, «Реверсо» («Reverso»), формулює пуризм як: 1) скрупульозну турботу про чистоту мови й опозицію стосовно будь-якої зміни; 2) чітке дотримання доктрини, ідеалу, правила [19].

Таким чином, пуризм, згідно з етимологією, – це *очищення*, і саме «прагнення до очищення (до чистоти, чистого використання) літературної мови» є основний елемент більшості трактувань терміна. Але важливо виявити, від чого саме пуризм пропонує очистити літературну мову. Від «усіх елементів, засуджуваних літературним канонам», від «природного проникнення в літературну мову *ненормованих* лексичних і граматичних елементів», від «будь-яких сторонніх елементів», від «іншомовних запозичень, різного роду новоутворень, від елементів *не літературної* мови», «<...> від «будь-якого забруднення (contamination)» [39, р. 12], від «того, що йде в супротив *усталеного мовного вживання*» [40], від «багатьох іншомовних елементів, що призводять до небажаних наслідків (включаючи ті, що походять з діалектів, соціолектів і стилів тієї ж самої мови)» [41, с. 125], а саме: іншомовних запозичень, неологізмів, архаїзмів, діалектизмів, просторічних елементів («нижчих слів») та внутрішніх мовних змін. Як бачимо, майже всі визначення опосередковано або навіть безпосередньо вказують на те, що пуризм відстоює мовну норму, канон, правила і відповідно впроваджує «наднорму (надмірну норму)» («la surnorme») [34, р. 65] чи «крайню форму норми» («la forme extrême de la norme») [33, р. 30]. Отже, необхідно визначити, що розуміється під нормою, які її ознаки й критерії, а особливо – розглянути поняття, пов'язані зі встановленням і фіксацією норми: «стандартизація», «нормалізація», «кодифікація».

Лінгвістичні словники містять такі визначення норми: *норма мовна* – сукупність мовних засобів, що відповідають системі мови й сприймаються її носіями як зразок суспільного спілкування у певний період розвитку мови і суспільства [9]. *Мовна норма* – це той словесний варіант у сфері вимови, який закріплений практикою і рекомендований до вжитку як обов'язковий. Мовна норма виконує функцію своєрідного «мовного фільтра» і визначає, що правильно, а що неправильно, рекомендує одні мовні засоби й відкидає інші [23, с. 43]. *Норма [мовна]* – закріплені в практиці зразкового використання мовні варіанти (у галузі вимови, слововживання, граматичних та інших мовних засобів), які найкраще і найповніше серед співіснуючих виконують свою суспільну функцію [5, с. 156].

Для норми характерні прескриптивні (нормативні) правила даної системи, зафіксовані в граматиках. Норму протиставляють узусу [5].

Норму визначають як «сукупність найбільш стійких традиційних реалізацій мовної системи, відібраних і закріплених у процесі громадської комунікації. Норма є одночасно і власне лінгвістичною, і соціально-історичною категорією. Соціальний аспект проявляється не лише у відборі і фіксації мовних явищ, але і в системі оцінок» [13, с. 337].

Отже, словники вживають термін *норма* у зв'язку з поняттям мовної системи та її реалізації в мовленні (через загальноприйняте вживання одиниць цієї системи), а також розглядають її як соціально-історичну категорію, що відображає реалізацію мовної системи в соціумі. Але норму подають як *ідеалізоване, обов'язкове, зафіксоване в певний період розвитку мови* вживання мовних одиниць.

Очевидно, що співвідношення понять «норма»–«система» («структура») у певний момент розвитку мови закономірно виникає під час спроб визначити мовну норму, оскільки в сучасній лінгвістиці поняття норми традиційно трактують саме в її відношенні до мовної системи, зокрема в дослідженнях Л. Єльмслева і Е. Косеріу.

У відповідь на дихотомію «мова–мовлення» («*langue–parole*») Ф. де Соссюра Л. Єльмслев у праці «*Langue et parole*» (1942) пропонує співвідношення «схема»–«норма»–«узус», доповнене індивідуальним актом мовлення. Схема передає поняття мови як чистої форми, яку необхідно розглядати в самій собі й для себе. І якщо навіть Л. Єльмслев не застосовує термін «система», зрозуміло, що йдеться саме про мову, яку зазвичай розуміють як систему знаків. Опозиція між уявним (установленням, «*une institution*») і матеріальним (реалізацією, «*une exécution*») виражається в протиставленні: схема – норма, узус, акт мовлення. Норму вчений визначає як «матеріальну форму, визначену в цій соціальній реальності» [37, pp. 29–44]. Він об'єднує норму і узус в одне поняття – узус, яке визначає як сукупність звичок, що традиційно існують у цьому соціальному колективі й реалізуються в акті. За Л. Єльмсловим, саме узус стає справжнім об'єктом теорії реалізації. Таким чином, схема й узус репрезентують дійсність, в той час, як норма є «лише абстракцією, яка витягнута з узусу штучно» [Ibid, pp. 29–44]. А тому мовознавець відкидає поняття норми й замінює соссюрівське протиставлення *мова–мовлення* на *схема–узус*.

На відміну від Л. Єльмслева, Е. Косеріу не розглядає мову як систему одиниць. Він стверджує улід за В. фон Гумбольтом, що мова – це діяльність (фр. *energeia*). Норму і систему Е. Косеріу трактує як два регулятори мовної поведінки людини. Норма, згідно з Е. Косеріу, частково відповідає тому, що Л. Єльмслев включає в поняття узус, і визначена як все, що традиційно (соціально) закріплено, що складає загальне, повсякденне використання в мовному співтоваристві. Тобто для нього не існує однієї норми, можливі різні норми: індивідуальні, соціальні, регіональні та ін.

Е. Косеріу зазначає: «У структурах, що становлять мову, важливо розрізняти те, що є нормальним, або загальним (норма), і те, що є функціональним і дається в протиставленні (система)» [12, с. 173]. Основну відмінність між системою і нормою в його концепції зазвичай інтерпретують як відмінність потенції (яка включає широкі функціональні можливості) і реалізації. Замінивши соссюрівський біном *мова–мовлення* на *система–мовлення* (фр. *système–parole*), Е. Косеріу визначає норму як зв'язок між системою і її реалізацією в мовленні.

Деякі вчені пропонують концепцію, згідно з якою норма має подвійну природу, яка передбачає її розгляд не тільки у власне мовному, а й у соціально-історичному аспекті (Г. Яворська, О. Єрофєєва, лінгвісти Празького лінгвістичного гуртка). Перший є внутрішнім, «об'єктивним», більш широким аспектом норми, який включає всі існуючі реалізації мови, а другий – зовнішнім «аксіологічним», пов'язаним із усвідомленням і прийняттям (оцінкою) суспільством тих чи інших засобів мовного вираження як правильного, зразкового. Цей аспект передбачає, що «реалізації, які визнані самим суспільством як правильні утворюють норму у вузь-

кому значенні слова, норму як правильну мову» [22]. Учені Празького лінгвістичного гуртка називають таку норму кодифікацією.

Деякі лінгвісти застосовують дескриптивний і прескриптивний підходи до визначення норми (Ж. Леклер, Дж. Лодж, Г. Яворська, Г. Бардукова).

Дескриптивну норму (або мову, якою вона є, за визначенням Г. Бардукової [3]) розуміють як таку, що «відбиває реально вживані в мові лексеми, словоформи, мовні конструкції» [31, с. 299]. Таку норму мовознавці фіксують у наукових дослідженнях. А. Лодж, Ж. Леклер відносять відповідні явища до *нормальних* [39, р. 120; 38, pp. 38–47] і таких, що відповідають законам мовлення («les lois du langage») [39, р. 207], Е. Бедар і Ж. Море називають «об'єктивною нормою» [32], а Ж. Гармаді – просто нормою, яка гарантує нормальне функціонування всієї лінгвістичної системи як інструменту комунікації [39, р. 207]. Таке бачення Ж. Гармаді, на думку А. Лоджа, збігається з соссюрівською концепцією мови. Тобто йдеться про подання й опис (статистичний контроль) існуючих норм як різних видів вживання мови.

Прескриптивну норму (або відповідно мову, якою вона має бути, за Г. Бардуковою) визначають як «сукупність тенденцій відбору і правил використання мовних засобів» [31, с. 299]. Така норма формується в результаті усвідомлення суспільством або якоюсь частиною суспільства «нормативних реалізацій як обов'язкових і як правильних» [3, с. 88], а також у результаті діяльності, спрямованої на нав'язування, на думку Ж. Гармаді, певного «естетичного ідеалу» [34, р. 19]. Саме таку норму Ж. Гармаді кваліфікує як наднорму (надмірну норму), а А. Лодж та Ж. Леклер як *нормативну* норму [39, р. 121; 38, pp. 38–47] і таку, що відповідає правилам, які не допускають варіативності й вимагають мовної одностійності [39, р. 208].

На нашу думку, проблема подвійної природи норми може бути вирішена, якщо визначити об'єктивну, некодифіковану, дескриптивну норму, яка передбачає всі існуючі загальноприйняті реалізації мови, як узус, а реалізації мовної системи, визнані суспільством як обов'язкові й правильні, визначити як *норму*. Саме її трактували як норму аксіологічну, кодифіковану або прескриптивну. Отже, узус є більш широке поняття, яке включає норми різних форм існування мови (діалекти, розмовне мовлення і т. д.), а норма, диференціальною ознакою якої є кодифікованість, стосується передусім літературної мови, що характеризується стосовно соціуму більш високим ступенем загальнообов'язковості й проявляється у факті свідомої нормалізації. Саме літературну мову інакше називають унормованою або кодифікованою, саме «літературна норма знаходиться на вищому щаблі умовної ієрархічної системи норм» [24, с. 7].

Наше визначення норми є визначенням літературної норми, а не мовної норми взагалі, яка, у свою чергу, збігається з нашим визначенням узусу і включає, крім літературної норми, «загальнонародну, або норму національної мови» і «територіальну норму, або діалектну» [10, с. 19], що застосовують до некодифікованих сфер мови. Таким чином, відношення між парою *літературна норма – узус* характеризують, з одного боку, відношеннями включення: літературна норма – одна з форм узусу, з іншого боку – відношеннями ієрархії: це привілейований узус, єдиний законно вживаний та лінгвістично правильний.

Визначивши норму літературної мови як обов'язковий зафіксований у певний період розвитку мови узус (саме таке бачення норми й подано в більшості словників), схилиємось до думки, що найвдаліше визначає відношення, які існують між поняттями мовної системи, літературної норми, узусу й мовлення радянський лінгвіст П. Алексєєв, пропонуючи свою схему мовленнєвої діяльності. Учений трактує систему як те, що і як «можна говорити», а норму – як «слід гово-

рити», узус – як «прийнято говорити», «зазвичай говорять» і мовлення – як «говорять насправді». Узус перебуває між нормою і мовою і є узагальнення конкретних мовних актів. Система і норма належать до *langue*, узус і мовлення – до *parole*. Це співвідношення нагадує тлумачення В. Гаком «узусу», який він спочатку навіть називає «нормою мовлення». Норма і узус «з одного боку, розподіляють можливості системи по конкретних мовних актах залежно від ситуації, а з іншого – відбирають накопичені в мовних актах зміни, перш ніж вони попадуть в систему» [1, с. 47–48].

Отже, серед існуючих у сучасному мовознавстві визначень літературної норми виділимо дефініцію М. Пилинського, що найповніше відповідає нашому баченню цього лінгвосоціологічного і конкретно-історичного поняття: «Норма літературної мови – це реальний, історично зумовлений і порівняно стабільний мовний факт, що відповідає системі і нормі мови і становить єдину можливість або найкращий для даного конкретного випадку варіант, відібраний суспільством на певному етапі його розвитку із співвідносних фактів загальнонародної (національної) мови в процесі спілкування» [17, с. 94].

Визначаючи літературну норму як історичну категорію, необхідно підкреслити нерозривність її статичних і динамічних характеристик. Як пише П. Алексєєв, «кожен рівень може розглядатися в статичному (жорстко синхронному) плані, а послідовність дії компонентів (рівнів) схеми – в динамічному: зверху вниз (у нежорсткому синхронному плані) – процес реалізації системи, від низу до верху (у діахронному плані) – розвиток норми і системи» [1, с. 47–48].

Таким чином, літературна норма є реалізація мови як системи, що обумовлює її статичний, синхронний аспект – виділення й вивчення ознак норми. «Синхронний аспект норми, забезпечує стабільність, а отже, наступність мовної комунікації, тобто культурні традиції» [4, с. 106]. Але водночас норма є «шляхом від реалізації мови-системи до самої цієї мови-системи», що розкриває її динамічний, діахронний аспект – розгляд становлення і зміни ознак норми, «без яких немає ні розвитку норми, ні розвитку самої стандартної мови» [Там само]. Даний процес постійного розвитку, удосконалення мови науковці Празького лінгвістичного гуртка назвали «гнучкою стабільністю» [15, с. 381], а українські лінгвісти (С. Єрмоленко, О. Тараненко, Л. Струганець та ін.) – динамікою мовної норми [8, с. 227; 25, с. 55–78; 24, с. 12]. Безпосередній зв'язок цих двох сторін (статичної й динамічної) проявляється саме в ході вивчення нормалізаційних процесів.

Отже, абстрактно літературна норма постає у вигляді ідеалу чи зразка (або зразкових реалізацій мовної системи), а конкретно – у явному вигляді вона постає перед носіями мови в кодифікації мовних явищ, яка є основний елемент мовної нормалізації й підкріплює зовні, як вважають деякі мовознавці (Б. Гавранек, Б. Серебренников, Ю. Степанов, Е. Хауген), стабільність норм.

У визначеннях різних учених поняття нормалізації, стандартизації й кодифікації іноді зміщено. Так, О. Ахманова вживає терміни «нормалізація» й «кодифікація» як синоніми [2, с. 271]. Л. Скворцов об'єднує поняття «нормалізація» та «стандартизація», вважаючи, що на практиці «нормалізація»... називається зазвичай «стандартизацією» (у широкому сенсі слова: встановлення ДЕСТу, впорядкування терміносистеми, офіційне перейменування і т. п.) [18, с. 34].

На думку Е. Хаугена, стандартизація (*standardization*) мови (так він називає нормалізацію) має чотири етапи: відбір діалекту-основи (*selection*), його кодифікацію (*codification*), подальшу розробку (*elaboration*) і прийняття (*acceptance*), два з яких – відбір і прийняття – є соціальні, а кодифікація та подальша розробка – лінгвістичні [36, pp. 922–935]. Кодифікацію дослідник розглядає як мінімальну варіативність мовної форми («*minimal variation in form*»), яка зупиняє мовний роз-

виток. Ідеальний приклад мінімальної варіативності (чистої, ідеальної мовної форми), за Е. Хаугеном, – це коли існує лише одне слово для вираження кожного значення. Отже, науковець частково ототожнює поняття кодифікації й пурифікації, очищення мови.

За Б. Серебренниковим, нормалізаційні процеси являють собою єдність стихійного відбору і свідомої кодифікації, що входять до мовної норми. Саме це поєднання спонтанних і регульованих процесів веде зрештою до встановлення на певному етапі розвитку мови літературної норми [16, с. 573]. Подібного погляду дотримуються М. Гухман, Н. Семенюк, Г. Степанов.

Як бачимо, нормалізацію розуміють як історично тривалий відбір серед мовних варіантів єдиних, найбільш уживаних одиниць. Таким чином, услід за А. Конурбаєвою ми визначаємо *усвідомлену нормалізацію (стандартизацію)* як «систематизований процес приведення норм, що стихійно склалися, до єдиного підґрунтя» [11]. Даний процес передбачає усвідомлення становлення норми, її затвердження, опису та впорядкування мовознавцями. Кодифікація, на нашу думку, є результат цього нормалізаційного процесу, який полягає в офіційному визнанні, установленні літературної норми й фіксації її прескриптивного характеру (у нормативних словниках, граматиках, практичних курсах мови). Таке бачення кодифікації найпоширеніше в національному мовознавстві. Дж. Лодж до такого розуміння кодифікації, яку він називає «технічним аспектом» установлення норми, додає «соціальний аспект», який полягає у визначенні ролі домінантної групи, що є носієм норми, й інших соціальних груп, які нею не володіють» [39, р. 211]. У будь-якому випадку кодифікація має на меті *розкриття і фіксацію синхронної динаміки сучасної літературної норми*, тобто забезпечує стійкість літературної норми, прийнятої в певну епоху мовним колективом, з огляду на перспективний розвиток літературної мови, який залежить від ступеня соціальної зрілості суспільної свідомості.

Крім того, кодифікація або встановлення й фіксація літературної норми є головне завдання пуризму як мовної політики. Таким чином, пуризм як закономірна риса розвитку літературних мов, з одного боку, і як засіб *активної нормалізації літературної мови*, з іншого, може відігравати роль стабілізатора розвитку літературної норми.

Отже, у контексті вивчення поняття пуризму як політики очищення літературної мови від природного проникнення в неї мовних елементів, що не відповідають нормі, ми дійшли таких *висновків*: 1) у соціолінгвістичній парадигмі літературну норму (найвищу в ієрархічній системі норм) слід розглядати, з одного боку, як лінгвістичне поняття, яке існує в тісному зв'язку з мовною системою та узусом (мовною нормою), а з іншого – як соціально-історичне, пов'язане з уявленнями носіїв мови про правильне її використання в певний період мовного розвитку; 2) літературна норма – це реальний, історично обумовлений і порівняно стабільний мовний факт, що відповідає системі й нормі мови і становить єдину можливість або найкращий для даного конкретного випадку варіант, відібраний суспільством на певному етапі його розвитку із співвідносних фактів загальнонародної мови в процесі спілкування; 3) виділення двох аспектів норми: синхронного (статичного і діахронного (дінамічного)), які забезпечують, з одного боку, стабільність норми, а з іншого – становлення й зміни норми, без яких неможливий розвиток мови; 4) взаємодія статичної і динамічної сторін літературної норми відбувається під час усвідомленої нормалізації, тобто систематизованого процесу зведення стихійно сформованих норм до єдиного, ідеального канону, результатом чого є офіційне встановлення єдиної норми та її фіксація в нормативних документах, словниках тощо, тобто кодифікація; 5) кодифікація може відігравати особли-

ву суспільну роль – регулятора функціонування і розвитку літературної норми, а тому пуризм як засіб нормалізації не можна розглядати лише як реакційне й антиісторичне явище, а таке, що сприятиме забезпеченню історичної спадковості мови.

Оскільки роль пуризму в розвитку мови соціально детермінована, визначена сукупністю історичних, культурологічних та власне лінгвістичних чинників, перспективи подальших розвідок у даному напрямку стосуються детального дослідження мовного пуризму певної країни в певний період її розвитку, а також причин виникнення цього явища, його видів, зв'язку із суспільно-політичними переконаннями й ціннісно-естетичними орієнтирами пуристів.

Бібліографічні посилання

1. **Алексеев П. М.** Квантитативные аспекты речевой деятельности / П. М. Алексеев // Языковая норма и статистика. – М., 1977. – С. 47–48.
2. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 606 с.
3. **Бардукова Г.** Поняття «норма» у її співвідношенні з поняттями «система мови» та «мовна практика» [Електронний ресурс] / Г. Бардукова. – Режим доступу : <http://litmisto.org.ua/?p=9280>.
4. **Васильєва Л.** Співвідношення «система – норма – стандарт – узус» у штокавських мовах / Л. Васильєва // Пробл. слов'янознавства. – 2004. – Вип. 54. – С. 104–112.
5. **Ганич Д. І.** Словник лінгвістичних термінів / Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К. : Вища шк., 1985. – С. 156.
6. **Енциклопедичний словник французької мови Ларусс (Larousse)** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/purisme/65150>.
7. **Ерофеева Е. В.** К вопросу о соотношении понятий норма и узус / Е. В. Ерофеева // Пробл. социо- и психолингвистики : сб. ст. ; отв. ред. Т. И. Ерофеева. – Пермь, 2003. – Вып. 2. – С. 3–8.
8. **Єрмоленко С. Я.** Кодифікація норми / С. Я. Єрмоленко // Укр. мова : енциклопедія. – К., 2007. – С. 227.
9. **Єрмоленко С. Я.** Українська мова : енцикл. від А до Я [Електронний ресурс] / С. Я. Єрмоленко. – Режим доступу : <http://izbornyk.org.ua/ukrmova/um55.htm>.
10. **Карікова Н. М.** Індивідуальна норма як різновид мовної норми / Н. М. Карікова // Дослідження з лексикології і граматики української мови : зб. наук. пр. [за ред. А. М. Поповського]. – Д., 2012. – С. 19–22.
11. **Конурбаєва А. М.** Нормализация и кодификация испанской орфографии в XVI–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / А. М. Конурбаева. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2013/konurbaeva.pdf>.
12. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике : сб. тр. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.
13. **Лингвистический энциклопедический словарь** / отв. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
14. **Літературна енциклопедія в 11 т. (1929–1939)** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/.
15. **Матезиус В.** О необходимости стабильности литературного языка / В. Матезиус. – М., 1987. – 381 с.
16. **Общее языкознание: формы существования, функции, история языка** / под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1970. – 597 с.
17. **Пилинський М. М.** Мовна норма і стиль / М. М. Пилинський. – К. : Наук. думка, 1976. – 288 с.
18. **Скворцов Л. И.** Теоретические основы культуры речи / Л. И. Скворцов. – М. : Наука, 1980. – С. 31–34.

19. **Словарь Реверсо** [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/purisme>.
20. **Словник Французької Академії** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1935/24276/PURISME.
21. **Словник Французької Академії** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1835/22426/PURISME.
22. **Степанов Г. В.** О двух аспектах понятия языковой нормы / Г. В. Степанов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения романских языков. – М., 1966. – С. 234–240.
23. **Струганець Л. В.** Культура мови. Словник термінів. – Т. : Навч. книга – Богдан, 2000. – 88 с.
24. **Струганець Л.** Динаміка лексичних норм української літературної мови ХХ ст. / Л. Струганець. – Т. : Астон, 2002. – 352 с.
25. **Тараненко О.** Дієслово в контексті сучасних тенденцій до перегляду нормативних засад української літературної мови / О. Тараненко // Мовознавство. – 2006. – № 2–3.
26. **Термины и понятия лингвистики : общее языкознание. Социолингвистика** : слов.-справ. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/3222.
27. **Толково-фразеологический словарь** [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/michelson/Purizm-8737.html>.
28. **Толковый словарь** [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/194506>.
29. **Французький академічний словник (1798)** [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1935/24276/PURISME.
30. **Хакимова Е. М.** Понятие «языковая норма» в системе фундаментальных лингвистических категорий [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/091/128.pdf>.
31. **Яворська Г. М.** Прескриптивна лінгвістика як влада / Г. М. Яворська. – К., 2000. – 288 с.
32. **Bédard E.** Réflexions sur la normalisation linguistique au Québec [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.cslf.gouv.qc.ca/bibliotheque-virtuelle/publication-html/?tx_iggecpplus_pi4%5bfile%5d=publications/pubf101/f101p4a.html#xvii.
33. **Gadet F.** La variation sociale en français [2e éd.] / F. Gadet. – P. : Ophrys, 2007. – P. 1–4.
34. **Garmadi J.** La sociolinguistique [1re éd.] / J. Garmadi. – P. : Presses universitaires de France, 1981. – 160 p.
35. **Gezundhajt H.** Glossaire en termes de linguistique [Електронний ресурс] / H. Gezundhajt. – Режим доступу : http://www.henrietteg.com/glossword/index.php?a=srch&id_srch=335f179fb741e3ec50508589e4d792f&il=fr&p=1&visualtheme=gw_brand
36. **Haugen L.** Dialect, Language, Nation / L. Haugen // American Anthropologist, New Series. – Aug., 1966. – Vol. 68. – № 4. – P. 922–935.
37. **Hjelmslev L.** «Langue et parole», Cahiers Ferdinand de Saussure [Електронний ресурс] / L. Hjelmslev. – Режим доступу : http://www.revue-texto.net/Saussure/Sur_Saussure/Hjelmslev_Langue.html.
38. **Leclerc J.** Qu'est-ce que la langue? / J. Leclerc Laval. – Montréal : Mondial Éditeurs, 1979. – P. 38–47.
39. **Lodge R. Anthony.** Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue / R. Anthony Lodge. – Paris : Fayard, 1997. – 382 p.
40. **Portail lexical du CNRTL** (Centre national des ressources textuelles et lexicales) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.cnrtl.fr/lexicographie/purisme>.
41. **Thomas G.** Linguistic Purism / G. Thomas // Пуристические тенденции в лексике коми, удмуртского и марийского языков; под ред. Е. А. Цыпанова. – 2006. – Вып. 2.

Надійшла до редколегії 01.03.14

В. А. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ЭКСПРЕССИЯ» И «ЭКСПРЕССИВНОСТЬ»

Рассмотрены теоретические вопросы, связанные с изучением понятий «экспрессия» и «экспрессивность». Приведены лексикографические дефиниции данных понятий, синонимические ряды, средства достижения и классификация. Отмечено, что в ряде работ термины *экспрессия* и *экспрессивность* рассматриваются как синонимы, тогда как в других они различаются. Экспрессия понимается как усиление, интенсификация, увеличение выразительности, а экспрессивность – сама усиленная, интенсифицированная, увеличенная выразительность языкового знака.

Ключевые слова: экспрессия, экспрессивность, дефиниция, лингвистические средства, языковой знак.

Панченко В. А., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ДО ПИТАННЯ ПРО ПОНЯТТЯ «ЕКСПРЕСІЯ» І «ЕКСПРЕСІВНІСТЬ»

Розглянуто теоретичні питання, пов'язані з вивченням понять «експресія» та «експресивність». Наведено лексикографічні дефініції цих понять, синонімічні ряди, засоби досягнення і класифікацію. Зазначено, що в деяких працях терміни *експресія* та *експресивність* розглядають як синонімічні поняття, тоді як у інших – розрізняють. Експресію розуміють як підсилення, інтенсифікація, збільшення виразності, а експресивність – як саму підсилену, інтенсифіковану, збільшену виразність мовного знака.

Ключові слова: експресія, експресивність, дефініція, лінгвістичні засоби, мовний знак.

Panchenko V. A., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE ISSUE OF EXPRESSION AND EXPRESSIVITY**

The article deals with theoretical issues connected with study of the notions «expression» and «expressivity». The topicality of this issue is explained by the fact of the importance to create a text with a relevant degree of expression to achieve the communication effect. The expressive text attracts more attention of the addressee. The issues are regarded in a number of theoretical papers but without unanimity. The aim of the paper is to differentiate between the two notions and to analyse various points of view on the question under consideration. The lexicographic definitions, the synonymic row, means of creation and classification of the given notions are presented. It is marked that a number of papers regard expression and expressivity as synonyms though others differentiate them. Expression is understood as enforcement, intensification, expressivity – as the very enforced intensified and enlarged expressiveness of the language sign. The expressivity is classified according to its types, historical development, etymology and subjectivity or objectivity. Its means can be traced on all language levels. The prospects of the investigation include the appliance of the theoretical notions to practical analysis of expressive texts.

Key words: expression, expressivity, definition, linguistic means, language sign.

Проблема разграничения понятий «экспрессия» и «экспрессивность» находится в русле важнейших исследований, поскольку достижение релевантной степени экспрессии любого текста очень важно для правильной организации коммуникации. В то же время анализ содержания отмеченных понятий показывает, что они получают различное толкование в различных исследованиях. В частности понятия «экспрессия» и «экспрессивность» освещаются в работах В. А. Чабаненко, А. Д. Гнатюк и других лингвистов, однако необходимого для нашего исследования сопоставления мы пока не нашли. Поэтому *целью* данной статьи является установление четкого разграничения и дефиниции данных понятий.

Как известно, в основе языковой экспрессии лежат те или иные лингвистические средства. В. В. Виноградов, разграничивая язык науки и язык художественный, отмечает особенности последнего: «Язык словесного искусства, словесно-художественного творчества пользуется речевыми средствами индивидуализированными, экспрессивными, многообразно и творчески организованными, эффективно воздействующими на весь комплекс духовной человеческой восприимчивости – сознания, чувства, эмоций и воли» [4, с. 131].

Несмотря на повышенный интерес лингвистов к проблеме экспрессии, понятие «языковая (речевая) экспрессия» в общетеоретическом плане еще не имеет единого и достаточно полного определения. В словарях находим такие определения: «ЭКСПРЕССИЯ, выразительность; яркое, значительное проявление чувств, настроений, мыслей» [11]; «ЭКСПРЕССИЯ – То, что придает выразительность чему-нибудь, что делает что-нибудь выразительным...» [12]; «ЭКСПРЕССИЯ – выразительность; яркое, значительное проявление чувств, настроений, мыслей» [3]; «ЭКСПРЕССИЯ, и, ж. (книжн.). Выражение чувств, переживаний, выразительность. *Декламировать с большой экспрессией*» [8].

Экспрессивность толкуется в словаре как характеристика языковых единиц и речевых актов, как средство выражения субъективного (личного) оценочного отношения говорящего к содержанию или адресату речи; она усиливается паралингвистическими средствами общения (громкость, темп, тембр речи, мимика, позы, жесты) [2]. В «Словаре синонимов русского языка» лексема *экспрессивность* имеет 13 синонимов: *выпуклость, выразительность, живописность, живость, картинность, колоритность, красноречивость, красочность, образность, рельефность, сочность, экспрессия, яркость* [10].

Исходя из дефиниций экспрессии и описания ее особенностей в лингвистической литературе, мы принимаем следующее понимание терминов «экспрессия» и «экспрессивность». *Экспрессия* – повышенная выразительность речи, речевых и языковых единиц, заключающаяся в добавочной информации эмоционального и оценочного характера. *Экспрессивность* – семантико-стилистическая категория, выражающая способность языковых единиц отражать эмоциональные и оценочные отношения субъекта речи и само наличие экспрессии. Главными тенденциями в создании экспрессии являются: а) расширение индивидуальной образности – употребление окказионализмов и производство новых слов с большим экспрессивным зарядом; б) воссоздание экспрессии в той образной лексике, которая из-за большой повторяемости утратила ее.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин *экспрессия* истолковывается как «выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной /или стилистически нейтральной/ и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» [1]. Экспрессия – это выразительность или изобразительность речи, это такое качество речи, благодаря которому она приобретает стилистическую маркированность (эмоциональность, образность) и получает возможность передать какое-нибудь нетривиальное содержание.

В специальном исследовании, посвященном экспрессии и осуществленном на материале украинского языка, В. А. Чабаненко определяет языковую экспрессию как сложную лингвостилистическую категорию, опирающуюся на целый комплекс психических, социальных и внутриязыковых факторов и проявляющуюся как интенсификация выразительности сообщаемого [13, с. 6–7].

Как отмечает А. Д. Гнатюк, многообразие форм проявления экспрессии, включающее все значимые единицы языка и различные способы ее создания, свидетельствует как о широте этого явления, так и об активности его протекания в языковой практике. Включая эмоциональность и оценочность, экспрессия способ-

ствуєт створенню особого аспекта, визначаючого додаткову інформацію. Експресивні значення є доповненими представленнями, які накладаються на зміст, так як будь-яке слово, маючи своєрідний семантичний ядро різної щільності і об'єму, оточено густою мережею додаткових афективних і соціальних асоціативних зв'язів. Експресивно-емоційні і експресивно-оцінні значення складають неотъемлему частину лексико-семантичної системи мови і, протиставляючись нейтральним значенням, відображають факт його стилістичного розшарування. Ввиду того що форма, в якій виражається речова експресія, багатобачна і може заключатися в фонетичних, морфологічних, лексико-семантичних, синтаксичних явищах, в особі побудови тексту на значущих по величині відрізках, вивчення засобів вираження експресії має велике значення в даній проблемі [6].

В основі експресивності мови лежить відношення мовлячого (пишущого) до висловлюваної думки, оцінки осіб, предметів, явищ за допомогою різних засобів мови. Крім слів, оцінність яких закладена в їх семантиці (інгренентна експресивність), експресивну оцінність набувають багато лексем внаслідок використання їх в контексті, в першу чергу при переносному або образному значенні (адгренентна експресивність). Образність – один з елементів форми і, як форма, вона тісно пов'язана з висловлюваною думкою. Зміст не може залишатися незмінним при зміні форми або хоча б окремих її компонентів [7, с. 89].

Проблема вивчення експресивності мовних одиниць включає декілька аспектів, головні з яких – сутність і причини виникнення експресії, засоби її створення, особливості проявлення на різних мовних рівнях, інтенсивність. Особливу увагу вітчизняних і зарубіжних лінгвістів привертає питання про сутність і причини виникнення експресії.

Вивчаючи образну функцію слова, А. А. Потебня розглядає її як елемент творчого процесу, який протікає від конкретного до абстрактного. Він вказує на те, що «внутрішня форма», «образ в слові визначається не тільки його загальною мовною розв'язком, але і специфікою його використання, контекстом, який знаходиться в прямій залежності від мовлячого [9, с. 652]. Експресивні словотворення пов'язані своїм походженням з ефективністю, якою протиставляється в змістовій частині слова чисто інтелектуальний, понятійний аспект. Вивчення афективних явищ мови повинно відбуватися на фоні інтелектуальних значень, т. є. на фоні нейтрального способу вираження, до якого більше всього в мовній комунікації наближається мова наукового викладу.

Виявляючи сутність експресивності і причини її виникнення на основі вивчення мови літературно-художніх творів, В. В. Виноградов розглядає це явище як важливий фактор відображення особливостей певної соціальної групи. Важливим висновком вченого є визнання того факта, що різним епохам, різним соціальним прошаркам суспільства притаманні свої типові форми мовної експресії, характерні способи експресивно-мовного вираження. Експресивні форми мови не тільки відображають суб'єктивно-характеристичну і ідейну оцінку, виражають стиль особистості, соціальної групи, але і легко піддаються перекладу на інтелектуальну мову.

В. Г. Гак виділяє такі види експресії, як об'єктивна і суб'єктивна. При об'єктивній (або власній) експресії використання емоційно окрашених слів не залежить від відношення іншої особи до даній людині, який виконує дію під впливом афекту. Суб'єктивна експресія, навпаки, показує відношення до цієї особи з боку слухачів або читачів.

Кроме того, экспрессия может иметь разную направленность: положительную или отрицательную, в зависимости от отношения говорящего к сообщаемому или факту [5]. Д. Н. Шмелев, изучая экспрессивные возможности слова, указывает, что они обуславливаются «и сферой его употребления, и присущими ему эмоциональными оттенками и его связями (по происхождению, по смыслу, чисто внешними – звуковыми и т. д.) с другими словами языка. Их реализация зависит от конкретных условий применения данного слова, то есть от контекста в широком смысле» [14, с. 53].

С функционально-диахронической точки зрения экспрессивность бывает базовая (первичная) и производная (вторичная). Базовая (первичная) экспрессивность – это традиционная, давно возникшая интенсифицированная выразительность тех общенародных и индивидуально-авторских образований, которые входят в основной лингвостилистический фонд данного языка. Производная (вторичная) экспрессивность накладывается на базовую (первичную). Она формируется в результате строгой функциональной обусловленности и определенного структурно-семантического обновления языкового средства.

Таким образом, анализ теоретического освещения понятий «экспрессия» и «экспрессивность» позволил нам разграничить эти понятия и выделить существующие виды экспрессивности. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в приложении теоретических положений к анализу конкретных экспрессивных текстов, в частности, песенного текста.

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 724 с.
2. **Большой психологический словарь** / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. – М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 378 с.
3. **Большой энциклопедический словарь** / под ред. И. Лапиной [и др.]. – М. : АСТ, Астрель, 2006. – 1248 с.
4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : АН СССР, 1963. – 255 с.
5. **Гак В. Г.** Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
6. **Гнатюк А. Д.** Средства создания экспрессии и её интенсификация в газетно-журнальных жанрах (на материале современной прессы) : авторефер. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 «Романские языки» / А. Д. Гнатюк. – К., 2005. – 20 с.
7. **Головин Б. Н.** Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1980. – 335 с.
8. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 749 с.
9. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1966. – 378 с.
10. **Словарь синонимов русского языка.** Практический справочник / под ред. З. Е. Александрова. – М. : Рус. язык, 2011. – 375 с.
11. **Современная энциклопедия–2000** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/53238>.
12. **Толковый словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2000. – Т. 4. – 840 с.
13. **Чабаненко В. А.** Речевая экспрессия и актуальные вопросы украинской лингвостилистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 «Укр. язык» / В. А. Чабаненко. – Запорожье, 1983. – 37 с.
14. **Шмелев Д. Н.** Слово и образ / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 286 с.

Надійшла до редколегії 14.02.14

УДК 811. 161.1'38

А. А. Плахтий

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ПРИМЕНЕНИИ К ИЗУЧЕНИЮ КОНЦЕПТА «АНГЛИЯ»

Проанализирована проблема изучения концепта СТРАНА в русскоязычной картине мира (на материале концепта АНГЛИЯ). Рассмотрено теоретическое освещение ассоциативного лингвистического эксперимента, описан конкретно проведенный опрос носителей языка касательно их ассоциаций с названным концептом. Проанализированы типы ассоциаций, которые возникли у респондентов во время проведения опроса. Полученный лингвистический материал может быть использован для интерпретации языковых единиц с точки зрения прагматики и социолингвистики.

Ключевые слова: концепт, картина мира, лингвистический эксперимент, опрос, ассоциативный ряд.

Плахтій А. О., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **АСОЦІАТИВНИЙ ЕКСПЕРИМЕНТ У ЙОГО ЗАСТОСУВАННІ ДО ВИВЧЕННЯ КОНЦЕПТУ АНГЛІЯ**

Проаналізовано проблему вивчення концепту КРАЇНА в російськомовній картині світу (на матеріалі концепту АНГЛІЯ). Розглянуто теоретичні дослідження асоціативного лінгвістичного експерименту, описано конкретно здійснене опитування носіїв мови щодо їх асоціацій з названим концептом. Проаналізовано типи асоціацій, які виникли в респондентів під час опитування. Отриманий лінгвістичний матеріал може бути використаний для інтерпретації мовних одиниць стосовно прагматики та соціолінгвістики.

Ключові слова: концепт, картина світу, лінгвістичний експеримент, опитування, асоціативний ряд.

Plakhtiy A., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **ASSOCIATIVE EXPERIMENT APPLIED TO THE STUDY OF CONCEPT ENGLAND**

The article deals with the problem of studying the concept COUNTRY, namely as a part of the Russian language speaker world language picture. The topicality of the problem under consideration is defined by the importance of this concept which may assist or hamper in international communication. The aim of the article is to reveal and describe concept ENGLAND in the Russian language speakers perception. The theoretical sources of the investigation have been described. In cognitive linguistics, abstract concepts are transformations of concrete concepts derived from embodied experience. Concept learning also refers to a learning task in which a human learner is trained to classify objects by being shown a set of example objects along with their class labels. On the basis of theoretical positions the associative experiment has been prepared. The students-respondents have been suggested a number of questions concerning England. They have demonstrated mainly paradigmatic associations and to some extent syntagmatic ones. These associations witness about the ambivalent character of the concept ENGLAND. The obtained linguistic material may be used to interpret language units from the point of view of pragmatics and sociolinguistics.

Key words: concept, world picture, linguistic experiment, questionnaire, associative row.

Проблема изучения концепта АНГЛИЯ как составной части концепта СТРАНА в русскоязычной картине мира находится в русле важнейших лингвистических исследований, так как правильное восприятие особенностей той или иной страны важно как с точки зрения лингвистики, так и с позиций межнациональной коммуникации. В современной русистике исследуются концепты РОССИЯ, АМЕРИКА, ГЕРМАНИЯ, ЕВРОПА (например, работы О. А. Гришиной,

Р. Д. Керимова, О. А. Куданкиной, О. Г. Орловой, М. В. Пименовой и некоторых других авторов). Однако, насколько нам известно, специальное исследование концепта АНГЛИЯ в русской языковой картине мира еще не проведено, что и обуславливает **актуальность** нашей проблемы.

Целью данной статьи является приложение теоретических положений об ассоциативном лингвистическом эксперименте к восприятию концепта АНГЛИЯ носителями русского языка. Для достижения этой цели нами было проведено экспериментальное исследование лингвистических ассоциаций, возникающих у респондентов. Респондентами были студенты факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (120 человек). Для достижения указанной цели мы ставим перед собой такие **задачи**, как анализ теоретического описания ассоциативного лингвистического эксперимента и описание проведенного нами опроса.

Экспериментальный метод в языкознании сформировался во второй половине XIX в. и вначале ассоциировался в первую очередь с инструментальной фонетикой. Метод стилистического эксперимента был предложен А. М. Пешковским и заключался в искусственном придумывании стилистических вариантов к тексту. По мнению Л. В. Сахарного, принципиальные особенности речевой деятельности, выявляемые в эксперименте, характерны для нее и в других, не экспериментальных ситуациях. Поэтому провести четкую грань между типичными и нетипичными, естественными и искусственными ситуациями исследования речевой (языковой) деятельности практически невозможно [7].

Авторами экспериментального исследования в практической психологии принято считать американских психологов Х. Г. Кента и А. Дж. Розанова (1910). Психолингвистические варианты ассоциативного эксперимента были разработаны Дж. Диге и Ч. Осгудом. В психологии и психолингвистике методика ассоциативного эксперимента была усовершенствована и апробирована в экспериментальных исследованиях А. Р. Лурии и О. С. Виноградовой [3].

Вопрос о правомерности, целесообразности и значимости экспериментальных исследований в лингвистике впервые поставил в 30-х гг. прошедшего века Л. В. Щерба [8]. Им были разработаны теоретические основы теории лингвистического эксперимента. Согласно концепции Л. В. Щербы, эксперимент может иметь как положительный, так и отрицательный результат. Отрицательные результаты указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений. Ученый предложил структурную схему лингвистического эксперимента, включающую: 1) интроспекцию, самонаблюдение; 2) постановку собственно эксперимента. Он писал о «принципе эксперимента» как о важном моменте, который позволяет глубже проникнуть в понимание речевой деятельности человека. Л. В. Щерба выделял такие виды лингвистического эксперимента:

1) положительный, при котором, сделав предположение о смысле того или иного слова или о правиле словообразования, следует попробовать, можно ли составить ряд фраз, применяя это правило: положительный результат в этом случае подтвердит правильность выдвинутого предположения (так, сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной его формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования, следует попробовать, можно ли связать ряд разнообразных форм, применяя это правило);

2) отрицательный эксперимент, в ходе которого исследователем «создается» заведомо неправильное высказывание, а испытуемый должен найти ошибку и внести соответствующие коррективы;

3) альтернативный эксперимент, который заключается в том, что испытуемый определяет тождество или нетождество предлагаемых ему двух или нескольких фрагментов речевых высказываний (отрезков текста) [8].

Эксперимент как метод познания раскрывает прежде всего природу объекта и лишь косвенно указывает на свойства субъекта. На «лингвистический эксперимент» говорящих, несомненно, провоцирует сам язык, когда случайно или помимо их воли обнаруживает свои скрытые (альтернативные) возможности. Они заложены в фундаментальных свойствах самой языковой системы – таких как избыточность, автономность (завершенность), конвенциональность, произвольность и асимметрия знаков, уровневая их организация и линейный способ развертывания, тенденция к изменению и вариативности, субстанциальность, адаптированность языковых элементов к использованию в речи, наличие предписывающих и разрешающих правил. Каждое из этих сущностных свойств может использоваться «не по назначению». Так, конечность единиц низших уровней обеспечивает высокую вероятность звуковых совпадений, создавая рифмы, аллитерации, каламбуры, препятствующие «эффективной» коммуникации. Благодаря своей физической субстанции (звуковой и графической) знаки могут выступать в несвойственных им функциях – миметической и орнаментальной. «Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный – на их пределы» [2].

Как отметил Ю. Д. Апресян, «можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдает в условиях острого эксперимента» [1, с. 54.].

По мнению Б. Я. Шариуллина, простейший вид лингвистического эксперимента – опрос информантов. Причем имеется в виду не запись спонтанно звучащей речи в виде текста, ... а такой способ обращения к носителю языка, когда тот по поводу каждого предъявляемого ему языкового факта должен переинтерпретировать его определенным образом. Такой опрос достигается с помощью специально составленного вопросника или анкеты, сконструированной таким образом, чтобы явление или единица языка не просто фиксировались бы как факт языкового исполнения (performance) опрашиваемого, но и отражали бы особенности их устройства или функционирования, т. е. форму их существования в языковой компетенции (competence) говорящего. Такой материал может послужить основой для особой интерпретации языковых данных, например, с точки зрения прагматики текста, характеристики речевого поведения информанта в социальной иерархии коммуникативных ролей и т. д. [7]

Процедура ассоциативного эксперимента состоит в следующем. Испытуемым предъявляется слово или набор слов и сообщается, что им необходимо ответить первыми приходящими в голову словами. Обычно каждому испытуемому дается 100 слов и 7–10 мин на ответы. Большинство реакций, приводимых в ассоциативных словарях, получено у студентов университетов и колледжей в возрасте 17–25 лет, при этом слова-стимулы давались на родном для испытуемых языке [Там же].

В прикладной психолингвистике разработано несколько основных вариантов ассоциативного эксперимента: 1. «Свободный» ассоциативный эксперимент, когда испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции. 2. «Направленный» ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается на-

зывать только слова определенного грамматического или семантического класса (например, подобрать прилагательные к существительным). 3. «Цепочный» ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается реагировать на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями – например, назвать в течение 20 с десять различных слов или словосочетаний [3, с. 299].

Существует несколько вариантов возможной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента. При анализе словесных реакций испытуемых выделяют синтагматические и парадигматические ассоциации. Синтагматическими называются ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула и которые всегда выражают предикативные отношения. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы. Они подчиняются семантическому принципу «минимального контраста», согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Этот принцип объясняет, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: целый ряд ассоциаций, возникших у испытуемого на данное слово, содержит ряд признаков, аналогичных тем, которые содержатся в слове-стимуле. Например, по словесным реакциям *летние, лето, начались, отдых, скоро, ура, безделье, школа, лагерь отдыха* можно достаточно легко восстанавливать слово-стимул, в данном случае – слово *каникулы*. Некоторые исследователи полагают, что парадигматические ассоциации отражают языковые отношения (в частности, отношения слов-лексем в рамках лексических и грамматических парадигм), а синтагматические – отображаемые в речи предметные отношения [Там же, с. 300].

Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как в речевой деятельности реализуются компоненты языкового сознания носителей данного языка. Большое влияние на структуру и особенности речевой (вербальной) памяти человека оказывает общий уровень образования и культуры. Так, ассоциативные эксперименты ряда отечественных психологов и лингвистов выявили, что лица с высшим техническим образованием дают чаще парадигматические ассоциации, а с гуманитарным – синтагматические.

Для исследования ассоциативных представлений о концепте АНГЛИЯ нами был проведен опрос 120 респондентов, которые получили следующие вопросы:

АНГЛИЯ: Какая? Хорошо то, что Англия... Плохо то, что Англия... Цвет... Символ...

Диапазон ответов оказался достаточно широким, и в данной статье мы приведем те из них, которые повторялись в ряде случаев, то есть наиболее типичные ассоциации.

Большая часть лингвистических единиц, приведенных респондентами, представляет собой парадигматические ассоциации. Приведем некоторые из ассоциаций, возникающих у респондентов при упоминании Англии (в алфавитном порядке): *аристократическая, бело-сине-красная, благополучная, большая, величественная, властная, воспитанная, далекая, демократичная, дождливая, древняя (относительно), загадочная, идеальная, изысканная, интеллигентная, интересная, контрастная, красивая, маленькая, монархическая, независимая, образованная, островная, правильная, серо-красно-черная, современная, старая, строгая, туманная, успешная, холодная, чопорная*. Среди указанных ассоциаций можно выделить такие смысловые группы, как размер страны, ее государственное

устройство, возраст, цвет, географическое положение, погода, черты характера (вероятно, жителей) и некоторые другие.

Наблюдались также синтагматические ассоциации: *империя; процветающая, в которой стабильное и постоянное развитие; современная, но в сочетании с красивейшей природой; богата культурой, историей, ценностями.*

Анализ возникающих ассоциаций свидетельствует об амбивалентности данного концепта в русской языковой картине мира: страна воспринимается одновременно и как большая, и как маленькая, древняя и современная, демократичная и монархическая. Подобная неоднозначность наблюдается и в цветовых ассоциациях: *белый, синий, красный, зеленый, желтый, серый, черный, красный с синим, черно-бело-красная клетка на бежевом фоне, золотой.* Больше всего ассоциаций (30 и 20 % соответственно) связано с красным и синим цветами, что можно объяснить цветами, представленными на флаге Великобритании.

Символами Англии в русской языковой картине мира, по мнению респондентов, служат *королева, дабл-декер, Шерлок Холмс, Биг Бен, корона, замок, флаг, гимн, лев, роза, корабль, чай, династия.* Таким образом, ассоциации, связанные с символикой, тоже разнообразны и отражают государственное устройство страны (королева, флаг, гимн, метонимическое обозначение парламента – Биг Бен), литературного персонажа, животное и цветок, транспорт и т. п. Официальными же символами Англии, как известно, являются лев и роза.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что представление о концепте АНГЛИЯ у респондентов дает значительные расхождения; этот концепт является амбивалентным, вызывая как положительные, так и отрицательные ассоциации, выраженные синонимическими и антонимическими лингвистическими единицами. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в анализе лингвистических средств воплощения концепта АНГЛИЯ на уровне текста.

Библиографические ссылки

1. **Апресян Ю. Д.** Основные дискуссионные вопросы теории семантики / Ю. Д. Апресян // *Вопр. языкознания.* – 1971. – № 1. – С. 50-54.
2. **Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. **Глухов В. П.** Основы психолингвистики : учеб. пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 351 с.
4. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
5. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Просвещение, 1959. – 450 с.
6. **Сахарный Л. В.** Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // *Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи.* – М., 1991. – С. 221-237.
7. **Шариуллин Б. Я.** О лингвистическом эксперименте в изучении языка города / Б. Я. Шариуллин // *Речевое общение : спец. вестн.* – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 88-95.
8. **Щерба Л. В.** О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // *Языковая система и речевая деятельность.* – М., 2004. – 432 с.

Надійшла до редколегії 10.02.14

УДК 811.111'373.611

Л. Ф. Пономарева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ДЕВЕРБАТИВНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ

На материале современного немецкого языка рассмотрены вопросы ограничений в образовании девербативных производных имен существительных со значением субъекта действия. Отмечено, что возможность или невозможность их образования предопределена системными закономерностями соединения словообразовательных элементов. Выявлены типы семантических и сопредельных с ними семантико-синтаксических, семантико-стилистических и семантико-прагматических видов ограничений, определена степень предсказуемости их реализации.

Ключевые слова: словообразование, ограничения в словообразовании, типы семантических ограничений, словообразовательный потенциал глаголов.

Пономарева Л. Ф., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **СЕМАНТИЧНІ ОБМЕЖЕННЯ У ФОРМУВАННІ ДЕВЕРБАТИВНИХ ПОХІДНИХ ІМЕННИКІВ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ СУБ'ЄКТА ДІЇ**

На матеріалі сучасної німецької мови розглянуто питання обмежень у формуванні девербативних похідних іменників зі значенням суб'єкта дії. Зазначено, що можливість або неможливість їх утворення визначають системні закономірності сполучення словотворчих елементів. Виявлено типи семантичних та суміжних із ними семантико-синтаксичних, семантико-стилістичних і семантико-прагматичних видів обмежень, визначено ступінь передбачуваності їх реалізації.

Ключові слова: словотворення, обмеження у словотворенні, типи семантичних обмежень, словотворчі потенціал дієслів.

Ponomaryova L. F., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **SEMANTIC RESTRICTIONS IN FORMING DEVERBATIVE DERIVATIVES WITH THE MEANING OF THE SUBJECT OF THE ACTION**

The problems of restrictions in forming deverbative derivatives of the nouns with the meaning of the subject of the action are considered using the modern German language material. Possibility or impossibility of their formation is defined by the systematic laws of word-formative elements combination. The transition of the process category to the object category goes according to the definite word-formation models. Establishing the laws of their combination, including the semantic restrictions identification with the opposite meaning, is simultaneously detecting the relations between the process and object subcategories.

The aim of the article is to identify the semantic and connected with them semantic-syntactic, semantic-stylistic and semantic-pragmatic kinds of restrictions in forming deverbative nouns with the meaning of the subject of the action. According to the purpose of the research, the following tasks are to be done: 1) to define the role of the semantic restrictions as a constituent part of the word-formative morphemes combinability restrictions; 2) to separate semantic restrictions from the other kinds of the word-formative morphemes combinability restrictions; 3) to establish the circle of the productive and non-productive verbal lexics; 4) to establish the possibility and the conditions of the semantic and other kinds of restrictions. While identifying the word-formation rules, it is necessary to take into account all the restrictions of their realization. Identifying the word-formative morphemes combinability restrictions is not only the purpose itself, it participates in the communication-oriented nomination process and is determined by this process.

Key words: word formation, restrictions in word formation, types of semantic restrictions, word-formative potentiation of verbs.

Как известно, системный подход к словообразованию предполагает изучение структурных, фоморфологических, семантических, стилистических, словообразовательных и лексических закономерностей, регулирующих синтагматические связи в этой области языка. Под последними понимается «связь словообразовательных формантов с мотивирующими основами в составе мотивированного слова» [10, с. 14]. Изучение синтагматических связей в словообразовании представляет собой сложную, многоаспектную задачу, в которую входит также исследование ограничений в сочетаемости словообразовательных морфем.

Общим как в сочетаемости словообразовательных морфем, так и в ограничениях соединения элементов производимых слов является тот факт, что любая морфема не может произвольно соединяться с любой другой морфемой [13, с. 35]. Закономерности их соединения невозможно описать без выявления допустимых и недопустимых сочетаний. Последние представляют собой закономерности особого рода со знаком «минус». Необходимость разработки данной проблемы предопределяется самой природой словообразования как области создания вторичных единиц номинации. При формулировании правил словообразования следует учитывать всякого рода ограничения на их реализацию. Таким образом, выделение ограничений сочетаемости словообразовательных морфем является не самоцелью, а подчинено целям и задачам коммуникативно-ориентированного словообразования, служащего процессам номинации и ими обусловленного.

Целью статьи является выявление семантических и сопредельных с ними ограничений в образовании девербативных имен существительных со значением субъекта действия. Исходя из цели исследования, представляется необходимым решить следующие **задачи**: 1) определить роль семантических ограничений как составной части системных ограничений сочетаемости словообразовательных морфем; 2) отделить семантические ограничения от других видов ограничений сочетаемости словообразовательных морфем; 3) установить состав производящей и непроизводящей глагольной лексики; 4) установить возможность и условия нейтрализации семантических и других видов ограничений.

Семантические ограничения в словообразовании представляют собой один из видов системных ограничений сочетаемости словообразовательных морфем, обусловленных значением языкового знака. Их сущностью является отсутствие семантического согласования между непосредственно-составляющими производного слова. Семантические ограничения не однородны, они могут быть обусловлены не только отсутствием корреспондирующих сем в семантической структуре производящего глагола и словообразовательного суффикса, но и другими причинами: имманентными признаками глаголов, нашедшими свое отражение в словарных дефинициях, и наложением сем как следствие актуализации синтагматической семы лексической основой глагола [2, с. 28]. Так, отсутствие производного со значением инструмента действия от глагола *kauen*, в семантической структуре которого содержатся синтагматические семы субъекта, объекта и инструмента действия, блокируется наличием «неотчуждаемого инструмента» [1, с. 67], который находит свое отражение в словарной дефиниции глагола (ср.: *kauen-mit den Zähnen zerkleinern*).

Семантические ограничения могут быть вызваны и наложением сем, синтагматических и дифференциальных, у глаголов, мотивированных существительными, например: *schlossern, feilen, landen, trillern, kornen*. Для них характерна ролевая усложненность, так как в их семантической структуре содержится не только информация о каком-либо действии, но и о семантической роли, соотносимой с

этим действием [5; 9]. Ограничения данного типа блокируют образование девербатов разнообразной семантики (*nomina, agentis, subjekti, loci, instrumenti, quanti*) и исключает из числа производящих основ большой массив глагольной лексики. Однако следует отметить, что данный тип ограничений способен нейтрализоваться.

В содержании лексического значения различаются, как известно, две части, содержательное ядро или его интенционал, и периферия семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал. Поскольку семантическая структура интенционалов имеет иерархическую структуру, можно предположить, что в качестве ограничительных факторов, препятствующих той или иной глагольной лексеме участвовать в процессах деривации, выступают семы определенной степени иерархии. На этом основании также проводится типологизация семантических ограничений. Наличие или отсутствие в семантической структуре глагола той или иной семы имеет своим следствием несовместимость производящей основы и словообразовательного суффикса.

При рассмотрении вопроса о словообразовательных потенциях глаголов и блокирующих их семантических ограничениях учитываются не только интенциональные, но и импликационные признаки. Предполагается, что импликационные признаки представляют собой не что иное, как пресуппозиционные семы. Каждая из них может быть соотнесена с теми или иными условиями, реализация которых необходима для осуществления действия, обозначенного конкретными глаголами [6, с. 30]. Данный вид пресуппозиции относится к лингвистической пресуппозиции, которая представляет собой знания говорящих об используемом ими языке.

В отличие от лингвистической пресуппозиции «широкая общая пресуппозиция» охватывает знания людей об окружающей их действительности [3, с. 16–17]. Этот вид пресуппозиции является причиной прагматических ограничений в словообразовании. Например, отсутствие производных *Atmer, Denkerei* – следствие указанного вида ограничений. Как известно, процесс мышления не связан с пространственной локализацией. Дыхание является физиологическим процессом, присущим любому биологическому организму. Поскольку невозможно существование человека, который не дышит, появление производного *Atmer*, также как и образование девербатива *Denkerei*, прагматически необоснованно, хотя и не блокировано системой языка. Вероятно, необычность признака могут передавать именно эти глаголы, положенные авторами в основу, например, производных имен лица, субъекта или инструмента действия, поскольку они не принимают участия в словообразовании в силу прагматических ограничений. Приведем пример: *Mahlkes Adamsapfel fiel, weil er zu groß war, immer in Bewegung und einen Schatten warf. Er ..., ließ seinen Adamsapfel Klimmzüge machen – ich vergaß zu sagen, dass Mahlke von Natur verfressen war, dennoch mager blieb. ... auch nannten wir ihn, wenn er abseits stand «Schlucker» oder «den Schlucker»* [18, s. 5, 74].

Физиологические особенности главного действующего лица романа проявлялись в том, что он обладал большим адамовым яблоком, которое постоянно двигалось, и движение которого было особенно заметно, когда он проглатывал пищу; по своей природе герой произведения был прожорливым человеком; это позволило назвать его *Schlucker*, а само адамово яблоко – *Hüpfen*: *Beifall tut ihm gut und besänftigte seinen Hüpfen am Hals* [Ibid., s. 28].

Существующие семантико-прагматические ограничения связаны с лингвистической пресуппозицией. Так, отсутствие девербатива со значением субъекта действия от глагола *scheinen*, который интерпретируется как *Helligkeit verbreiten*,

leuchten, обусловлено тем, что данный глагол связан со специализированным субъектом свечения – *Sonne*, который не нашел отражения в словарной дефиниции, однако непосредственно связан с действием, которое обозначает названный глагол и безусловно необходим для осуществления действия, обозначенного им. Появление производственного со значением субъекта действия прагматически необоснованно.

К сопредельным с семантическими ограничениями относятся семантико-синтаксические и семантико-стилистические ограничения. Семантико-синтаксические ограничения связаны с актуализацией глагольной лексики в предложениях определенного типа. Под семантико-стилистическими ограничениями понимаются ограничения сочетаемости субстантивных суффиксов со стилистически маркированными основами, к которым принадлежат colloquialisms и диалектные глаголы. Данный вид ограничений препятствует образованию производных со значением имени действия, инструмента, места и определенного акта действия от глагола всех классов с дифференциальной семой «оценка» (*kloppen, pusseln, dösen, klecksen, schmeißen*).

Наряду с семантическими и сопредельными с ними семантико-стилистическими, семантико-синтаксическими и семантико-прагматическими ограничениями выделяются также лексические, стилистические, структурно-морфологические и прагматические ограничения.

Для изучения языковых явлений на лексико-семантическом уровне важно «исследование категорий, выражаемых в языке» [7, с. 133]. При образовании номинативных единиц, выражающих понятия, связанные с категорией предметности, словообразовательные потенции различных семантических классов глаголов, соотносимых с субкатегориями процессуальности, способны реализоваться в виде субкатегорий предметности. Установление соотношения между субкатегориями предметности и процессуальности предлагает выявление факторов семантического характера, способствующих или препятствующих появлению deverbative производных как выразителей категории предметности. Процесс перехода категории процессуальности в категорию предметности осуществляется по определенным словообразовательным моделям. Раскрытие закономерностей их заполнения, включая выявление семантических ограничений–закономерностей со знаком «минус», является одновременно установлением соотношения между субкатегориями процессуальности и предметности. В данном аспекте рассматриваются и семантические ограничения в формировании образовательной категории субъекта действия.

Материалом для исследования послужили простые немецкие глаголы, отобранные из словаря Е. Матера [15, s. 9–31]. Для анализа глагольных основ с целью выявления возможности их участия в процессах деривации и установления ограничений, блокирующих эти возможности, была избрана классификация Х. Бринкмана, релевантная как для синтагматики, так и парадигматики. Она включает, как известно, пять лексико-грамматических классов глаголов (ЛСГ): 1) глаголы действия/деятельности; 2) глаголы процесса; 3) глаголы состояния; 4) глаголы событий; 5) глаголы погодных явлений [12, s. 122].

Производные, относящиеся к субъектной парадигме, не многочисленны. Они служат для обозначения неодушевленных предметов и представителей животного мира, обладающих признаком, который передается производящей основой, например: *Strahler* – источник излучения (вещество); *Schwimmer* – поплавок, буй; *Kläffer* – брехливая собака; *Krächzer* – ворон.

Семантические ограничения в образовании *nomina subjecti* свойственны всем глаголам, в семантической структуре которых присутствует имплицитная сема 'лицо'. Следствием данного типа ограничений является полное отсутствие производных со значением субъекта действия от глаголов классов действия, отношения и деятельности (в последнем отмечаются единичные образования, например, *Spürer* – собака-ищейка), а также от большей части статальных и процессуальных глаголов, связь с одушевленным субъектом действия у которых обусловлена логической природой вещей.

Образование производных со значением субъекта действия характерно лишь для некоторых ЛСГ глаголов состояния. Поскольку значение глаголов свечения связано с искусственными или естественными источниками света, от этой группы возможно появление производных со значением субъекта, но не инструмента действия. Различение инструментальной и субъектной парадигм может иметь ономазиологическое основание. Образования типа *Bohrer*, *Schäler* называют приспособления или инструменты, которые человек использует в своей деятельности; обозначением последней является базовый глагол, причем речь идет о переходных глаголах [16, с. 238]. Следовательно, производное *Strahler* (*Vorrichtung*), как имеющее внутренний объект, относится к инструментальной парадигме, а производное *Strahler* – *Stoff* – к субъектной парадигме, так как десигнатом этого слова является неодушевленный предмет, существование и действие которого не зависит от воли человека [4, с. 225].

Возможность образования производных со значением субъекта действия может быть блокирована семантико-прагматическими ограничениями, поскольку этому препятствуют лексические связи глагола, в данном случае связь конкретного глагола со специализированным субъектом действия, входящим в структуру импликационала. Например: *scheinen* – *Sonne*; *flackern* – *Feuer*, *Licht*; *glänzen* – *Sonne*, *Sterne*; *leuchten* – *Mond*, *Sterne*.

Ограничения данного вида характерны и для глаголов других ЛСГ: *nisten*, *horsten* – *Vögel* (ЛСГ бытийных глаголов), *blühen* – *Blume*, *wurzeln* – *Pflanzen* (ЛСГ глаголов внешнего и внутреннего состояния), *duften* – *Blumen*, *Parfüm*, *Käse*; *schmecken* – *Lebensmittel*; *stinken* – *schmutzige Kleidung* (ЛСГ запаха и вкуса).

Наименование субъекта, каузирующего запах, может актуализироваться лексической основой глагола (*fuseln*) и тем самым блокировать появление производных с данной семантикой.

Появление производных со значением субъекта действия не характерно для процессуальных глаголов. Дериваты, относящиеся к субъектной парадигме, единичны и служат для обозначения неодушевленных предметов или представителей животного мира, обладающих признаком, который обозначен производящей основой (*Läufer* – ротор, якорь, бегунок; *Schwimmer* – поплавки, буй, буюк; *Hüpfen* – адамово яблоко; *Krächzen* – ворон; *Säusen* – виноградное сусло [18, с. 24, 39]).

Как отмечалось ранее, ограничения в образовании *nomina subjecti* свойственны всем глаголам, в семантической структуре которых присутствует сема 'лицо'. Семантико-прагматические ограничения блокируют образование наименований предметов от глаголов со специализированным субъектом действия, например: *schwappern*, *schwappen* – *Flüssigkeiten*; *quabbeln* – *Pudding* (ЛСГ глаголов движения), *eitern*, *wässern* – *Wunde*; *harzen* – *Kiefer* (ЛСГ глаголов выделения), *laben* – *Milch*; *rosten* – *Eisen* (ЛСГ глаголов изменения состояния).

Для обозначения представителей животного мира нет специального общего названия. Указывая на их близость к наименованию инструментов, В. Фляйшер

рассматривает названия животных и растений в разделе, посвященном девербативным наименованиям орудий [14, s. 140]. Х. Вельман причисляет наименования животных, птиц и конкретных предметов к субъектной парадигме [17, s. 337, 364, 340]. Учитывая это обстоятельство, названия животных и конкретных предметов можно причислить к категории *nomina subjecti*.

Связь со специализированным субъектом действия во многом определяет возможность реализации потенциальных способностей глаголов ЛСГ звучания с видовой семой 'звук, издаваемые живыми существами, кроме человека'. Отсутствии необходимости в образовании производных от таких глаголов, как *miauen – Katze, wiehern – Pferd*, можно рассматривать как семантико-прагматические ограничения.

Определенное место занимают и лексические ограничения, связанные с занятостью лексического места именем лица, образованным от переносных значений глагола (*Winseler, Meckerer*). Однако зачастую тенденция к сохранению коммуникативной четкости языковых единиц не соблюдается, ср.: *Krächzer – Rabe, Krähe, Person; Kläffer – Hund, Person*. Лексические ограничения проявляются также в конкуренции словообразовательных моделей (*Piepvogel*), наличии омонимичных существительных (*Zwirner*).

Таким образом, семантические ограничения в образовании производных со значением субъекта действия присущи глаголам всех классов, в семантической структуре которых вычленяется имплицитная сема 'лицо'. Наряду с семантическими ограничениями, вызванными несовместимостью словообразовательных морфем, отмечаются семантические ограничения, связанные с наложением сем, удельный вес которых незначителен. Большое место занимают семантико-прагматические ограничения (классы глаголов состояния и процесса). Семантические ограничения локализируются на уровне дифференциальных сем. Их диапазон действия распространяется на отдельные глаголы ЛСГ, входящих в классы глаголов, в которых отмечаются производные со значением субъекта действия.

Библиографические ссылки

1. **Богданов В. В.** Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
2. **Васильев Л. М.** Семантика русского глагола : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1981. – 184 с.
3. **Гак В. Г.** Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1986. – 220 с.
4. **Дорошевский В.** Элементы лексикологии и семантики / В. Дорошевский. – М. : Прогресс, 1973. – 285 с.
5. **Калиущенко В. Д.** Типология локативных, посессивных и атрибутивных отсубстантивных глаголов / В. Д. Калиущенко // Вопр. языкознания. – 1987. – № 1. – С. 93–105.
6. **Кретов А. А.** Значение, пресуппозиция и значимость глагола видеть / А. А. Кретов // Семантика и системность языковых единиц. – Новосибирск, 1985. – С. 38–46.
7. **Лабов У.** Структура денотативных значений / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 4. – С. 120–125.
8. **Никитин М. В.** Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 127 с.
9. **Почепцов Г. Г.** К проблемам взаимодействия словообразования и синтаксиса / Г. Г. Почепцов // Словообразование и фразеобразование : тез. докл. науч. конф. – М., 1979. – С. 76–78.

10. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
11. Шахнарович А. М. Семантические аспекты онтогенеза словообразования / А. М. Шахнарович, Н. А. Краевская // Словообразование и фразообразование : тез. докл. науч. конф. – М., 1979. – С. 115–117.
12. Brinkmann H. Die Wortarten im Deutschen / H. Brinkmann // Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. – Darmstadt, 1965. – S. 101–127.
13. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – B. : Erich Schmidt Verlag, 2000. – Verlag GmbH, 2007. – 382 s.
14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen : Niemeyer Verlag GmbH, 2007. – 382 s.
15. Mater E. Deutsche Verben. Bd. 3. / E. Mater. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1967. – 122 s.
16. Panagl O. Kasustheorie und nomina agentis / O. Panagl // Flexion und Wortbildung. – Wiesbaden, 1975. – S. 232–246.
17. Wellmann H. Das Substantiv / H. Wellmann. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1975. – 500 s.
18. Katz : Gras G. Katz und Maus. – Reinbeck bei Hamburg : Rowolt, 1963. – 139 s.

Надійшла до редколегії 11.02.14

УДК 81'373.46

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НОМИНАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ КАК ОСНОВА ВЫДЕЛЕНИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ СПЕЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

На основе анализа текстов по металлургии предложена авторская методика выделения структурных единиц терминологической номинации: обосновано понятие функциональной номинативной конструкции (ФНК) и рассмотрена ее членимость на трех уровнях: лексико-грамматическом, позволяющем выяснить отношения грамматической зависимости между компонентами ФНК; номинативно-дериватологическом, помогающем установить перечень отдельных номинативных компонентов, входящих в ФНК, и функционально-номинативном, необходимом для членения ФНК на собственно номинативные единицы – термины и нетермины.

Ключевые слова: специальный текст, номинация, функционально-номинативная конструкция, единицы номинации.

Пристайко Т. С., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
**ФУНКЦІОНАЛЬНА НОМІНАТИВНА КОНСТРУКЦІЯ ЯК ОСНОВА ВИДІЛЕННЯ
НОМІНАТИВНИХ ОДИНИЦЬ СПЕЦІАЛЬНОГО ДИСКУРСУ**

На основі аналізу текстів з металлургії запропоновано авторську методику виділення структурних одиниць термінологічної номінації: обґрунтовано поняття функціональної номінативної конструкції (ФНК) й розглянуто її розчленованість на трьох рівнях: лексико-грамматичному, що дозволяє з'ясувати відносини граматичної залежності між компонентами ФНК; номінативно-дериваційному, що допомагає встановити перелік окремих номінативних компонентів, які входять до ФНК, та функціонально-номінативному, який необхідний для членування ФНК на власне номінативні одиниці – терміни й не терміни.

Ключові слова: спеціальний текст, номінація, функціонально-номінативна конструкція, одиниці номінації.

Prystaiko T. S., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **FUNCTIONAL NOMINATIVE CONSTRUCTION AS THE BASIS OF DETACHMENT OF SPECIAL DISCOURSE NOMINATIVE UNITS**

The aim of the article was the justification of the author's methods of detachment of structural units of terminological nomination. The study was conducted on the material of special texts on metallurgy using the methods of text analysis and component analysis.

The result of the study was substantiation of the necessity to detach an operational text unit known as the functional nominative construction (FNC). The formation of FNC shows the performance of nominative units in writing and appears due to their communicative and semantic interrelationship being the product of the latter. FNC, which is the operational unit of syntagmatic division of utterance of the first level, is subject to the further division into lexico-grammatical, nominative-derivatological and functional-nominative levels, the purpose of which is the consistent detachment of syntagmatic components in its composition: individual notional words or phraseologically connected combinations of words (for lexico-grammatical level), self-sufficient nominative units (for nominative-derivatological level) and terminologically self-sufficient nominative units (at the functional-nominative level). As a result of the three-level FNC detachment into nominatively important components the following units of virtual and actual nomination can be obtained: single-word and compound terms, terminological syntagmas (term-combinations), single-word and compound nominations of general scientific and general technical nature, specifically scientific nominative syntagmas.

Key words: special text, nomination, functional nominative construction, units of nomination.

В начале нынешнего века ведущий теоретик терминоведения В. М. Лейчик, подводя итоги развития науки о терминах в XX в., в ряду дискуссионных и нерешенных вопросов терминоведения, перешедших из прошлого века в новый, выделил проблему различения многословных терминов и терминологических сочетаний и вопрос о существовании терминов языка и терминов речи [3, с. 29]. Обе эти проблемы связаны с работой над терминами в тексте, от их решения зависит, в частности, работа по стандартизации сочетаний терминов. Исходя из актуальности отмеченных проблем, мы обратились к текстовому анализу номинативных единиц с *целью* предложить свою методику выделения структурных единиц терминологической номинации и разграничения их между собой. Для текстового анализа использовались специальные тексты, репрезентирующие подязык металлургии.

Номинативные единицы (как однословные, так и составные) в процессе порождения высказывания не существуют изолированно, они находятся в тесном смысловом и морфолого-синтаксическом контакте с другими знаменательными и служебными лексемами, образуя синтагматические последовательности, разные по структуре (простые и сложные словосочетания), функционально-семантическому статусу (общенаучные, конкретно-научные, терминологические) и способности к репродуктивности (воспроизводимости) [5; 6].

Такие синтагматические последовательности могут включать одну единицу номинации – слово или словосочетание (вести **прокатку**, применение **трехноточных станов**) или же несколько. В последнем случае наблюдается соединение номинативной единицы с другими в пределах контекстуально и грамматически обусловленного сегмента предложения непредикативного характера, например: **[необходимое условие][стабильной прокатки]** в **[чистой группе]**; **[ножницы]** для **[порезки металла]** и **[обрезки]** **[передних и задних концов]** и др. Для обозначения таких последовательностей, свободно возникающих в процессе изложения и характеризующихся, как правило, низкой воспроизводимостью или одиночной встречаемостью, нами вводится понятие **функциональной номинативной конструкции (ФНК)**, под которой понимается многокомпонентное субстантивно-атрибутивное синтаксическое образование, характеризующее пись-

менный текст и отражающее реализацию смыслового инварианта номинативной единицы (прежде всего термина) в определенной коммуникативной ситуации (высказывании). ФНК представляет собой структурную единицу, включающую помимо автономных (виртуальных) номинативных знаков и переменные компоненты с разной степенью номинативной значимости [4, с. 57–71].

Реально процедура вычленения собственно номинативных единиц, употребляющихся автономно, и ФНК основывается на логико-интуитивном членении высказывания на функционально значимые последовательности непредикативного характера, представляющие с грамматической точки зрения субстантивные конструкции, то есть «грамматически упорядоченные группы слов с существительным в качестве стержневого компонента, образованные на основе его детерминации какими-либо словами» [5, с. 9]. В качестве примера приведем образцы членения предложений на собственно номинативные единицы, использующиеся автономно, и ФНК. В приводимых контекстах, первый из которых относится к производственно-технической, а второй – к научно-теоретической тематике, собственно номинативные единицы выделены курсивом, а ФНК – полужирным шрифтом, соседствующие единицы отделены косой линией:

1. **«Агрегаты с пилигримовым станом** могут иметь в своем составе /**две три пилигримовые клетки**. Так как *скорость периодической прокатки* относительно невысока, то при *одном прошивном стане* обычно устанавливают *две пилигримовые клетки*. На рис. 9.10 представлена **схема расположения оборудования агрегата с двумя пилигримовыми клетями**» (ТПО, с. 284).

2. **«Важным фактором повышения эффективности исследования тепловых процессов является его организация в виде комплексной научной программы. Логико-математический фундамент комплексного исследования составляет системный анализ, предполагающий использование различных научных методов, охватывающих широкий круг взаимосвязанных явлений, определяющих суть проблемы в целом и составляющих ее элементов»** (ТКП, с. 46).

ФНК, являясь **максимальными номинативными структурами** в пределах высказывания, подлежат дальнейшему членению, позволяющему выделить их **составляющие** – последовательно выявляемые в структуре ФНК более короткие номинативные сегменты (слова и цепочки слов)*.

Членимость ФНК может быть рассмотрена на трех уровнях: лексико-грамматическом, необходимом для выяснения отношений грамматической зависимости между составляющими; номинативно-дериватологическом, помогающем установить, какие отдельные номинативные компоненты по характеру своего значения входят в состав ФНК, и функционально-номинативном, необходимом для членения ФНК на номинативно независимые составляющие, то есть собственно номинативные единицы – термины и нетермины.

В процессе членения ФНК на **лексико-грамматическом уровне** ставилась задача полного выявления в структуре ФНК всех связей грамматической зависимости на уровне слов и цепочек слов, установления иерархии этих связей, а также дифференциация этих связей по признаку их семантической обязательности / необязательности. Разграничивались связи свободные (семантически необязательные), несвободные (семантически обязательные) и фразеологически замкнутые. Считалось, что свободные семантически необязательные связи существуют меж-

*В качестве основы членения применяется модифицированная процедура анализа, предложенного С. В. Ильиной для решения вопроса о членимости терминологических сочетаний [2, с. 59–66].

ду словами семантически самостоятельными, способными без опоры на грамматически зависимое слово служить целостным обозначением действия, предмета и т. п. [1, с. 237]. Несвободные семантически обязательные связи устанавливались между словами в том случае, если хотя бы одно из них не может без грамматически зависимого слова реализовать свое номинативное значение и для полноты смысла требует обязательного распространения.

Свободные и несвободные связи признаются разрываемыми на лексико-грамматическом уровне, т. е. в месте этих связей может быть произведено членение ФНК на составляющие.

Фразеологически замкнутыми считаются связи при тех словах, которые употреблены переносно в данном ФНК, будь то слово с терминологическим или нетерминологическим значением. Если слово с переносным значением оторвать от семантически и грамматически связанного с ним слова, т. е. изъять из минимально необходимого ему контекста, оно утратит свое переносное значение и будет восприниматься только в своем прямом значении (ср.: **поле скоростей, такт прокатки, тело слитка, очаг деформации, механизм явления**). Поэтому фразеологически замкнутые связи считались неразрывными на лексико-грамматическом уровне.

Выявление иерархии грамматических зависимостей в структуре ФНК проводилось прежде всего по методу непосредственно составляющих. Учитывалось, что для одной и той же ФНК может быть несколько вариантов разбиения на составляющие. Для ФНК небинарной структуры применялась обычная методика выявления связей непосредственной грамматической зависимости. Варианты членения отличались друг от друга некоторыми промежуточными составляющими, конечные составляющие во всех вариантах были одни и те же – отдельные знаменательные слова или фразеологически связанные словосочетания слов.

Проиллюстрируем варианты членения некоторых ФНК из приведенных выше контекстов. Семантически несамостоятельное слово выделено курсивом; фразеологически связанные слова, образующие неделимую составляющую на лексико-грамматическом уровне, – прописным шрифтом. Примеры разных вариантов членения одного и того же ФНК имеют один и тот же номер, но разные буквенные индексы. Составляющие, полученные членением по свободным связям, ограничены круглыми скобками; составляющие, полученные членением по несвободным связям, – квадратными скобками:

- 1а. (Скорость (периодической (прокатки)))
- 1б. ((Скорость) (периодической (прокатки)))
2. (Логико-математический (ФУНДАМЕНТ комплексного исследования))
- 3а. ((**Интегрирование** [(различных (методов))]) (исследования)))
- 3б. (**Интегрирование** [(различных (методов))]) (исследования)))
- 4а. (ВАЖНЫЙ (ФАКТОР) (**повышения** [(**эффективности**)] [(исследования)]) (тепловых (процессов))))
- 4б. ((ВАЖНЫЙ (ФАКТОР)) (**повышения** [(**эффективности**)] (((исследования)))) (тепловых (процессов))))

Номинативно-дериватологический уровень членения позволяет выделить предельные непосредственно составляющие, обладающие самостоятельным номинативным статусом и способные функционировать в тексте как автономные (семантически самостоятельные) номинативные единицы высказывания (слова или словосочетания) общеупотребительного, общенаучного или терминологиче-

ского характера, в отличие от всей ФНК обладающие достаточной степенью устойчивости и воспроизводимости в текстах.

Членимость ФНК на номинативно-derivатологическом* уровне отличается от членимости на лексико-грамматическом уровне тем, что на промежуточные составляющие накладывается ограничение: каждая составляющая, выделяемая в процессе членения, должна быть самодостаточной номинативной единицей, далее не членимой на номинативные составляющие. В силу указанных ограничений вариантов членения у тех или иных ФНК на данном уровне может оказаться меньше, чем на лексико-грамматическом. Так, нельзя отнести к воспроизводимым и нечленимым единицам синтагмы **интегрирование различных методов, различные методы исследования, исследование тепловых процессов, эффективность исследования тепловых процессов, повышение эффективности исследования тепловых процессов** и т. д. Очевидно, что предельно составляющими этого уровня будут номинативные единицы **процессы, прокатка, исследование, метод**, обладающие номинативной самодостаточностью и устойчивостью.

Номинативные компоненты ФНК, а также предельные составляющие этих компонентов, обладающие номинативной самодостаточностью, неодинаковы по своим структурно-языковым, в том числе и семантическим свойствам, а также степени терминологичности значения, своей «терминологической» самостоятельности. По степени номинативной самодостаточности, самостоятельности среди них выделяются:

а) свободные номинативные составляющие, способные самостоятельно, без грамматической связи с другими словами выражать определенное понятие; к числу таких относятся только семантически самостоятельные имена существительные с терминологическим, общетехническим или общенаучным значением: **заготовка, система, размер, скорость, производительность, калибр, деформация**;

б) связанные номинативные компоненты, не способные вне грамматической связи с другими словами быть самодостаточными номинативными единицами: **один..., повышение..., использование..., особенность..., различный..., весь..., часто, каждый...** и пр.

На **функционально-номинативном** уровне членения, основывающемся на двух предшествующих, предпринималась попытка вычленения в составе ФНК функционально значимых номинативных компонентов: терминов, общенаучных или общетехнических, а также конкретно-научных номинативных синтагм, возникающих как коммуникативно необходимые компоненты высказывания и представляющих собой сочетания свободных или свободных и связанных номинативных составляющих. Пределом членения на этом уровне является не отдельное слово, а однословные и составные наименования. На этом уровне связанные номинативные компоненты уже не выделяются в качестве составляющих. Более того, функционально-номинативный уровень членения показал, что для решения вопроса о терминологическом статусе составных номинативных единиц необходимо проанализировать группу свободных номинативных составляющих, выделенных на номинативно-derivатологическом уровне, с точки зрения терминологической самодостаточности или связанности их в рамках конкретной терминосистемы. В связи с этим среди свободных номинативных составляющих может быть выделен класс терминологически самодостаточных номинативных единиц, кото-

* Термин *derivатологический* используется здесь в значении 'относящийся к образованию составных наименований, в том числе и терминологических'.

рые отражают какое-либо узкоотраслевое или отраслевое понятие данной области знания и обладают соответствующей дефиницией. К таковым принадлежат однословные и составные термины, передающие базовые смыслы концептуальной системы металлургии как науки и отрасли производства, т. е. концептуальные термины (**прокатка, пластическая деформация, угол захвата, гидростатическое давление, такт прокатки, черновая группа клеток, абсолютная скорость деформации** и пр.).

Второй класс с точки зрения терминологической самодостаточности составляют номинативные единицы, не обладающие в данной терминосистеме узкоотраслевой дефиницией. Как правило, это привлеченные термины (**скорость, температура, коэффициент, мощность, работа, сила** и др.) или общенаучные слова типа **система, метод, анализ** и др., на основе которых могут образовываться узкоотраслевые термины. Эти единицы обладают номинативной, но не терминологической самодостаточностью, поэтому в конкретных текстах они могут функционировать либо как опорные или зависимые терминологические элементы составных терминов, либо как текстовые субституты узкоотраслевых терминов, либо как компоненты номинативных синтагм общенаучного или конкретно-научного характера.

По своему значению предельные составляющие этого уровня, то есть однословные и составные наименования, принадлежат терминам, общенаучным или общетехническим номинативным единицам, или образуют конкретно-научную номинативную синтагму, не являющуюся термином в прямом смысле этого слова и в то же время не принадлежащую общенаучным или общетехническим средствам номинации. В отличие от собственно терминов, обладающих абсолютной устойчивостью и воспроизводимостью, общенаучных и общетехнических средств номинации, которые могут характеризоваться разной степенью устойчивости и воспроизводимости, конкретно-научные номинативные синтагмы всегда остаются средствами актуальной номинации. Проиллюстрируем результаты членения на функционально номинативном уровне, опираясь на предшествующий иллюстративный материал. Так, к терминологическим наименованиям следует отнести такие составляющие, выделенные на лексико-грамматическом и номинативно-derivатологическом уровнях: *периодическая прокатка, скорость периодической прокатки, тепловые процессы*; к общенаучным: *различные методы, методы исследования, различные методы исследования, методы, исследование, важный фактор, эффективность исследования*; к конкретно-научным: *исследование тепловых процессов*.

Итак, исследование показало, что основные структурные единицы номинации – слова и словосочетания – включаются в специальный текст в виде синтагматических сегментов высказывания, занимая в нем любые синтаксические позиции. Обязательное включение целостной номинативной единицы, обладающей свойством самостоятельности и репродуктивности, в контекстуально и синтаксически обусловленную синтагматическую цепь ведет к необходимости выделения оперативной единицы текста – функциональной номинативной конструкции.

Образование ФНК отражает функционирование номинативных единиц в письменной речи и возникает вследствие их коммуникативно-смысловой соотнесенности, являясь продуктом последней. ФНК, представляющая собой операциональную единицу синтагматического членения высказывания первого уровня, подлежит дальнейшему членению на лексико-грамматическом, номинативно-derivатологическом и функционально-номинативном уровнях, целью которого

является последовательное выделение в ее составе синтагматических компонентов: отдельных знаменательных слов или фразеологически связанных сочетаний слов (для лексико-грамматического уровня), самодостаточных номинативных единиц (для номинативно-дериватологического уровня) и терминологически самодостаточных номинативных единиц (на функционально-номинативном уровне).

В результате трехуровневого членения ФНК на номинативно значимые составляющие могут быть получены следующие единицы виртуальной и актуальной номинации: однословные и составные термины, терминологические синтагмы (терминосочетания), однословные и составные номинации общенаучного и общетехнического характера, конкретно-научные номинативные синтагмы.

Библиографические ссылки

1. **Виноградов В. В.** Вопросы изучения словосочетаний / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 231–253.
2. **Ильина С. В.** Членимость терминологических словосочетаний / С. В. Ильина // Термин и слово. – Горький : Изд-во ГГУ, 1983. – С. 59–67.
3. **Лейчик В. М.** Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В. М. Лейчик // Вопр. филологии. – 2000. – № 2(5). – С. 20–30.
4. **Пристайко Т. С.** Лексико-номинативная организация специального текста: монография. – Д. : УкО ІМА-прес, 1996. – 200 с.
5. **Столярова Л. П.** Субстантивная конструкция – основное звено малого синтаксиса / Л. П. Столярова. – Д. : Изд-во ДГУ, 1990. – 80 с.
6. **Тер-Минасова С. Г.** Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 152 с.

Источники фактического материала

ТКП – Немзер Г. Г. Теплотехнология кузнечно-прессового производства / Г. Г. Немзер. – Ленинград : Машиностроение, 1988.

ТПО – Технология процессов обработки металлов давлением. – М. : Металлургия, 1988.

Надійшла до редколегії 24.10.13

УДК 811.161.1'37

А. В. Пугачева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Рассмотрены подходы к структурированию семантических полей (СП) и текстовых семантических полей (ТСП). Установлена соотносительность ТСП с поэтической картиной мира по аналогии с тем, как СП соотносится с языковой картиной мира. Обоснована необходимость расширенного применения когнитивного подхода к исследованию полей в художественных текстах. Предложены некоторые положительные критерии нерархической стратификации ТСП.

Ключевые слова: семантическое поле, текстовое семантическое поле, языковая картина мира, поэтическая картина мира, художественный текст, структура семантического поля, критерий ключевых номинаций.

Пугачова А. В., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **СЕМАНТИЧНЕ ПОЛЕ ЯК МЕТОД НАУКОВОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ**

Розглянуто підходи до структуризації семантичних полів (СП) і текстових семантичних полів (ТСП). Встановлено співвіднесеність ТСП з поетичною картиною світу за аналогією з тим, як СП співвідноситься з мовною картиною світу. Обґрунтовано необхідність розширеного застосування когнітивного підходу до дослідження полів у художніх текстах. Запропоновано деякі позитивні критерії ієрархічної стратифікації ТСП.

Ключові слова: семантичне поле, текстове семантичне поле, мовна картина світу, поетична картина світу, художній текст, структура семантичного поля, критерій ключових номінацій.

Pugacheva A. V., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **SEMANTIC FIELD AS A METHOD OF SCIENTIFIC RESEARCH OF ART TEXTS**

In the article approaches to structuring of semantic fields and text semantic fields are considered. There is established a correlation of text semantic fields to a poetic picture of the world by analogy to how semantic fields correspond to a language picture of the world. The author proved need of expanded application of cognitive approach to research of fields in art texts.

For TSF there is rejected stylistic criterion of reference of units to kernel, center or periphery, and there is modified frequency criterion. For a set of lyrics of one author an indicator of frequency of the use of certain unit is not the total of its uses in all texts of this author, but number of different texts in which unit functions. In other words, unit repetition in the same text isn't considered.

There is also offered the positive criterion of reference of unit to the TSF center, called criterion of the key nominations. Units calling a key image in some work belong to the TSF center. Substantial indicator of the key nomination is the reinforcement of its main semantic components with a set of other units in this text. As a formal indicator removal of this unit in heading can serve, however it is impossible to be satisfied with only a formal indicator.

Key words: semantic field, text semantic field, language picture of the world, poetic picture of the world, art text, structure of a semantic field, criterion of the key nominations.

Категория поля в лингвистике видится наиболее адекватным отражением таких свойств языковой системы, как, во-первых, открытость, динамичность, отсутствие четких, непроницаемых границ явлений, а во-вторых, неотделимость языка как объекта познания от субъекта – человека, исследователя как носителя языка [7, с. 9]. Очевидна взаимосвязь этих двух особенностей языка. Открытость,

динамичность и непрерывность сознания обуславливает и определенную «текучесть» языка как практической формы сознания.

Именно семантические поля (СП) являются единицами языковой картины мира (ЯКМ), которая, в свою очередь, является важнейшим компонентом языковой личности (ЯЛ), то есть человека как носителя «воязыченного» сознания. Таким образом, метод поля объединяет в себе структурный и антропоцентрический подход к языку, помогая изучению его как самостоятельного системного объекта и как средства «лингвистической «интерпретации» человека» [7, с. 3]. В этом *актуальность* темы.

Изучение СП в художественных текстах разных авторов позволяет увидеть отличия обыденной ЯКМ от поэтической, общенациональной от индивидуальной, а также взаимные отличия индивидуальных ЯКМ разных авторов.

Понятия системно-языкового СП и обыденной (наивной) ЯКМ *разработаны* уже достаточно подробно. Значительную работу в этом направлении в русистике проделали Ю. Н. Караулов [9], Л. А. Новиков [12], В. Н. Денисенко [6–8], В. П. Абрамов [1], А. Вежбицкая [5] и др. Но категория текстовых (реализуемых в художественных текстах) СП еще ждет детальной разработки. Основы изучения ТСП заложил Л. А. Новиков, развивали это направление также М. Л. Новикова [13], Н. С. Новикова [14; 15], А. П. Клименко, В. А. Симхович [10] и др. Однако до сих пор четко не выработаны положительные критерии иерархической стратификации ТСП. То же касается понятия поэтической картины мира (ПКМ), которая только начинает быть предметом научного внимания. Понятие ПКМ активно разрабатывает, например, Л. Ю. Буянова [3].

Наша *цель* – выявить особенности применения метода СП к художественным текстам. Для ее достижения необходимо решить следующие *задачи*: 1) обобщить основные положения теории СП и установленные особенности реализации СП в художественных текстах; 2) опираясь на разработки в области СП в языке и тексте, а также наивной и поэтической картин мира, выявить адекватные критерии полевой организации лексических единиц, функционирующих в художественном тексте.

Если обобщить результаты исследований СП, то можно назвать следующие его основные категориальные свойства. СП как лексическая категория характеризует объединение лексико-семантических вариантов слов разных частей речи на основании наличия у всех этих ЛСВ общего семантического компонента с именем поля (доминантой, архилексемой), которое в наиболее общем виде выражает инвариантное значение всего поля. При этом такое объединение организуется в иерархическую структуру, в которой каждый элемент занимает свое место (в ядре, центре или периферии поля) в соответствии с его ролью в выражении инвариантного значения поля. Наряду с делением на ядерную, центральную и периферийную части единицы поля также объединяются в семантические классы (парцеллы) на основании того, какой именно семантический компонент у них общий с именем поля, либо на основании наличия у них дополнительной (кроме инвариантной) общей семы. Наконец, единицы СП имеют три типа отношений: парадигматические, синтагматические и эпидигматические.

Для включения некоторого ЛСВ слова в СП надо установить наличие у него семантической связи с именем поля. Необходимым и достаточным условием такой связи является наличие у них общего семантического компонента, но дополнительными признаками будет наличие ассоциативной связи между ними [9, с. 76], а также общий «метаденокат и/или метадесигнат» [Там же, с. 119]. Метаде-

нотат является классом, к которому относится обозначаемый данным словом денотат, и «соответствует теме».

При этом Ю. Н. Караулов отмечает, что непосредственная «связь входящих в поле слов друг с другом (т. е. помимо ядра) может иметь или не иметь места» [Там же, с. 119]. Но опосредованная связь имеется между всеми элементами поля, причем опосредованная не более чем на «один «шаг», в котором промежуточным элементом является имя поля» [Там же, с. 209]. Наибольшая плотность непосредственных связей между рядовыми элементами поля характеризует центр поля [Там же, с. 209].

Имя поля и рядовые элементы поля имеют особенности. Ю. Н. Караулов отмечает, что рядовой элемент СП «характеризуется максимальным набором компонентов, так как все его ЛСВ становятся равноправными в ходе сравнения его компонентов с минимальным набором соответствующего имени», тогда как имя поля «бывает задано минимальным набором компонентов, определенным по главному ЛСВ или же по сумме ЛСВ» [Там же, с. 200]. Если имя представлено однозначным словом, то минимальным набором компонентов будет его словарное определение «за вычетом нулевых компонентов» [Там же, с. 197]. Если же слово многозначное, то набор компонентов «определяется по его общему значению, которое равно: либо главному ЛСВ этого слова-имени; либо сумме синонимов, через которые оно толкуется; либо сумме его ЛСВ, связанных отношениями импlications» [Там же, с. 199].

Отдельную проблему составляет выбор имени поля. Самое очевидное – то, что имя поля «должно иметь семантически самое простое значение, входящее в содержание всех единиц этого поля», служить «основой их объединения и идентификации» [7, с. 23]. Необходимо «промежуточное, срединное положение имени поля между логическими крайностями – абстрактное–конкретное и термин–не термин», что «диктуется самой логической структурой: оно должно быть достаточно абстрактным и широким, для того чтобы включать гипонимы, и в то же время в известной степени конкретным, поскольку само должно иметь суперординату» [9, с. 136].

При построении СП используется как дедуктивный, так и индуктивный методы. Дедукция применяется, когда мы, установив инвариант поля (общее значение его имени), «движемся» от него к вариантам – устанавливаем состав поля, принимаем решение о включении или не включении в него тех или иных ЛСВ слов, которые мы сравниваем с инвариантом. Индукцию же необходимо применить на этапе структурирования СП, когда на основании установленных значений элементов поля мы объединяем их в семантические классы (парцеллы), устанавливаем их частные связи, выделяем ядро, центр и периферию поля.

Семантические классы (парцеллы) включают единицы с «более частным, конкретным, но в то же время и семантически более сложным» по сравнению с инвариантом поля значением [16, с. 38]. Такие единицы объединяются «по наличию в значении общих компонентов или общей направленности описания» [17, с. 64], а также «сходной дистрибуции» [14, с. 76]. Кроме того, «любой член группы связан хотя бы ещё с одним членом этой же группы либо отношениями гипонимии или квазигипонимии (привативная оппозиция), либо отношениями синонимии (нулевая оппозиция)» [14, с. 76–77].

Как можно было увидеть, парцеллы являются примером парадигматических отношений в СП. Но, кроме парадигматики, поле характеризуется также синтагматикой и эпидигматикой (деривационными, ассоциативно-деривационными,

словообразовательными отношениями) [7, с. 19; 1, с. 46; 14, с. 74; 12, с. 565]. Причем все три «измерения поля» оказываются взаимосвязанными [8, с. 21]. Так, «парадигматические свойства единиц (степень их близости) оказываются соотносены с синтагматическими (сходство их употребления)» [8, с. 20].

Целостность СП проявляется, между прочим, в том, что деление его на ядро, центр и периферию, с одной стороны, на парцеллы – с другой, и парадигматическое, синтагматическое и эпидигматическое измерения – с третьей, также взаимосвязаны. Например, парцелляция наиболее четко и последовательно проявляется в центре СП, а наиболее широкие деривационные возможности характерны для ядерных и окооядерных элементов [9, с. 222; 16, с. 108].

Мы подошли к важному моменту в теории семантического поля – разграничению СП как лексической категории и метода семантического поля, который может быть применен и к другим лексическим (и не только) подсистемам языка. Такое разграничение проводится в работах Ю. Н. Караулова, В. Н. Денисенко, З. Д. Поповой и И. А. Стернина и других исследователей.

Метод поля относится к формальным (структурным) методам [Там же, с. 17] и предполагает «интерпретацию того или иного фрагмента действительности в виде иерархически организованного в языке «семантического пространства» [7, с. 18]. Был даже предложен специальный термин «полевая структура» для обозначения любых систем, организованных методом поля [17, с. 8], а это могут быть ЛСГ, ТГ, ассоциативные поля, концепты и т. д.

Для понимания важности такого феномена, как СП, существенно то, что оно является непосредственной единицей ЯКМ, на что указывают Ю. Н. Караулов, Л. А. Новиков, В. Н. Денисенко и другие ученые.

Ю. Н. Караулов выдвигает критику метафоричного термина «картина мира» и употребляет вместо него «поддающееся конструктивному определению понятие «модель мира», различая две ее разновидности – «концептуальную» (КММ) и «языковую» (ЯММ)» [9, с. 267]. Однако В. Н. Денисенко не отказывается от образного компонента в термине, отмечая, что «“языковая картина мира”, в отличие от “картины мира”, – вполне конкретная лингвистическая категория, представляющая собой совокупность реконструированных семантических полей, классов взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц языка» [6, с. 10]. Так что термины «языковая картина мира» и «языковая модель мира» употребляют как синонимичные.

Разграничивая ЯММ и КММ, Ю. Н. Караулов выделяет следующие их свойства.

1. Основные элементы ЯММ – СП, имена полей, а КММ – «обобщения элементов ЯММ, имена объединений полей». Он также сравнивает соотношение между ЯММ и КММ с соотношением между значением и понятием.

2. КММ «организована не по языковым законам, а по “законам мира”», и соотносится с «семантикой отражения». ЯММ, «очевидно, целиком поглощает» собственно лингвистическую семантику.

3. ЯММ более подвижна, фрагментарна, специфична, не всегда завершена, не вполне системна, КММ более устойчива и универсальна, упорядоченна, системна, научна.

4. Поскольку КММ иерархически выше, чем ЯММ, то «расхождения между языковыми моделями мира внутри одной языковой общности и между ЯММ разных языков нейтрализуются в значительной степени на уровне КММ, что и обеспечивает взаимопонимание» [9, с. 271–274].

Таким образом, учитывая иерархичность «целостной картины» мира, раздваивающейся на концептуальную и языковую, Ю. Н. Караулов отмечает: «Чем дальше мы углубляемся в иерархические отношения, тем больше возможность ... несовпадения границ полей как между языками, так и в пределах одного языка – между полями у разных носителей» [9, с. 255]. То есть можно говорить об общечеловеческой, национальной и индивидуальной картинах мира. Национальная и индивидуальная специфика ЯММ проявляется именно на уровне СП [Там же, с. 33, 254].

Заслугой В. Н. Денисенко является то, что ему принадлежит первое диссертационное исследование, посвященное рассмотрению СП именно как единицы ЯКМ. При этом его взгляд отличается расширительным пониманием ЯКМ: «Единицами языковой картины мира и, соответственно, семантических полей ... становятся не только слова и устойчивые сочетания..., но и различные способы разного восприятия человеком окружающего мира» [7, с. 10]. Интересно замечание ученого о том, что в ЯКМ образ выходит на первое место и «возникает не в семантике, а в системе знаний», тогда как «семантика размывается». Иными словами, происходит «удаление знаковости на второй план и выдвижение на первое место картинности» [6, с. 8].

Как видим, СП исследуется уже не только формальными методами (в рамках структурной парадигмы), но и когнитивными (в рамках парадигмы антропоцентрической). Совмещение этих методов обогащает лингвистическое знание и даже выводит его за его собственные пределы.

Вполне естественно у лингвистов возникает интерес к наблюдению СП в текстах художественной литературы. Изучая СП, реализуемые в текстах отдельных конкретных авторов, мы наблюдаем «индивидуальную обусловленность и варьированность поля» [9, с. 269] и имеем дело с единицами индивидуальной ЯКМ.

Л. А. Новиков выделил особый тип полей, «продуктивный для изучения языка художественной литературы и поэтики», – текстовое семантическое поле (ТСП) [12, с. 555]. ТСП соотносительно с СП, но не тождественно ему: 1) оппозиция СП – ТСП отражает дихотомию язык – речь; 2) семантика и структура ТСП контекстуально обусловлены, более подвижны и менее определены; 3) инвариантному значению СП, выраженному именем поля, соответствует «тема ТСП, которая представляет обычно синтез ряда подтем» [Там же, с. 556–557].

Говоря о специфике ТСП, ученый подчеркивает, что «оно организуется категорией автора как целенаправленная система, в которой подчас разнородные элементы становятся внутренне единым выражением идейно-эстетического смысла» [Там же, с. 559]. Механизмом такого объединения разнородных элементов в ТСП является «импликация, отношение «если А, то В»: $X \rightarrow Y \rightarrow Z...$. Такие единицы, группируясь и различаясь в пределах цепочек импликаций, противостоят единицам других цепочек по принципу оппозиции, что создает полевую структуру текста» [12, с. 557]. Например, в стихотворении В. В. Маяковского «Блек энд уайт» в оппозицию входят «ТСП ‘белый’ и ‘черный’», где имена полей имплицитно в соответствии с их многозначностью ряды номинаций с прямыми и переносными (контекстуальными) значениями (‘чистый’ – ‘грязный’, ‘доброкачественный’ – ‘плохой’: белый (‘белокожий’) – черный (‘чернокожий’) → белая работа – черная работа, ананас спелый – гнилью моченный») [Там же, с. 558]. Взаимодействие ТСП друг с другом способствует «раскрытию образов и идеи произведения» [Там же, с. 559].

Относительно структурных особенностей ТСП Л. А. Новиков отмечает: «Ядерная часть ТСП находится чаще всего в его начале, там, где, говоря математическим языком, тема подчеркнута задается, получая дальнейшее развитие в последующих частях текста» [12, с. 557]. Существенно, что «единицы центральной и периферийной зон ТСП связаны с именем поля по своим первичным или вторичным семантическим функциям..., т. е. могут соотноситься с разными его значениями, реализовать его многозначность» [Там же, с. 557].

А. П. Клименко и В. А. Симхович устанавливают, что лексическая группа в тексте может иметь ядро, совпадающее с ядром соответствующей ЛСГ в языке, так как в ядро всегда входят слова, «однозначно и систематически обозначающие более общее понятие», но периферия будет разительно отличаться [10, с. 97]. Они также отмечают, что состав ЛСГ в тексте «ограничен самим текстом» [Там же, с. 96] и что это могут быть слова одной или разных частей речи, имеющие сходную функциональную значимость в структуре текста.

М. Л. Новикова указывает, что «текст может нейтрализовать различия единиц, относящихся в языке к разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [13, с. 37]. ТСП, по её мнению, «представляет собой протяжённую, динамически развивающуюся структуру» [Там же, с. 38]. Объясняя это положение, она замечает, что «один член образного ряда образует необходимые условия функционирования других его членов, выступая по отношению к ним как своеобразный мотивирующий фактор» [Там же, с. 42].

Художественный текст всегда характеризуется образным языком, употреблением лексических единиц в особой художественной, поэтической функции. Таким образом, ТСП всегда будет насыщено единицами во вторичных, производных, переносных, метафорических значениях.

Важную особенность художественного текста отметила Л. Ю. Буянова. Отталкиваясь от категории субъекта языка как носителя мысли и чувства, она указывает, что нехудожественный текст «используется членами социума в процессах коммуникации по линии «автор – реципиент»» и «является носителем и репрезентантом» мысли по преимуществу. А художественный текст является «максимально экспрессивной языковой единицей, используемой в процессах коммуникации по линии «автор – внутреннее «эго» автора – реципиент»», и доминирующим в нем выступает чувство, «как бы перекрывающее событийную линию» [3, с. 10].

Другой существенной чертой художественного текста считают его подчеркнутую этичность: «Любая языковая оценка, эмоционально-экспрессивная маркировка имплицитно отражают оценку нравственную, моральную, что особенно четко прослеживается в пределах поэтического или художественного дискурса» [4, с. 8].

Интересными представляются теоретические разработки С. Г. Будановой, которая соотносит индивидуально-авторскую и общеязыковую КМ с такими формами сознания, как искусство, религия и наука, базирующимися соответственно на чувстве, представлении и понятии. Общеязыковая КМ включает научную и национально-культурную КМ и проявляется в сфере науки, религии и национальных ментальных стереотипах. Индивидуально-авторская КМ является наиболее субъективной и проявляется в искусстве. При этом, «данная картина мира не рассматривается как наиболее простая и бедная по содержанию, а напротив, именно в силу своей первичности, «природности», субъективности является богатейшим источником индивидуально-авторских смыслов, приращенных значений, концептуализированных единиц» [2, с. 18–19].

Л. Ю. Буянова, Г. П. Немец, В. И. Тхорик считают целесообразным для индивидуально-авторской КМ, реализуемой в художественных текстах, ввести особый термин – поэтическая картина мира (ПКМ). ПКМ «можно определить как способ вербального описания (построения) макро- и микромиров народа и личности; как отражение языковыми / речевыми средствами информации о мире, причем образ мира передается и строится с помощью лингво-нравственных универсалий, соединяющих в себе единство противоположностей: жизнь – смерть, время – вечность, пространство – небытие, любовь – ненависть, счастье – горе, одиночество – «мы» и т. п.» [4, с. 9]. Основополагающие признаки ПКМ: «антропоцентризм, экспрессивность, континуальность, этичность, универсальность» [Там же, с. 10].

Антропоцентризм ПКМ проявляется в том, что «основным «мерилом» ценности мира выступает сама языковая личность» [Там же, с. 10]. С этим свойством ПКМ тесно связана и ее экспрессивность. В этом свете «все языковые новации, окказиональное словотворчество, специфические, нетипичные модели словообразования, необычный синтаксический рисунок и т. п. можно рассматривать как уникальные лингвистические маркировки стресса, смятения духа, психологического взрыва, надлома, депрессии, в то время как языковую «ровность», обычность, узуальность речевых реализаций ... возможно оценивать как свидетельство устойчивости и комфортности психологического состояния, душевного и духовного мира языковой личности» [3, с. 11].

Взаимосвязаны также этичность и универсальность ПКМ. В любом художественном произведении «доминантными являются образы (смыслы, символы, концепты) Любви, Долга, Верности, Терпения, Совесть, Справедливости» [4, с. 9]. А индивидуальность ПКМ отдельных авторов обеспечивается тем, что эти универсальные образы «реализуются в дифференцирующихся событийно-фабульных сценариях Жизни, эксклюзивной для каждой отдельной языковой личности» [Там же, с. 9].

Как было отмечено выше, для изучения СП, поскольку оно является единицей ЯКМ, релевантными представляются не только структурные, но и когнитивные методы. В отношении ТСП как единицы индивидуальной ПКМ роль когнитивных методов тем более возрастает. Ведь хотя ЯКМ и не может быть оторвана от субъекта – ЯЛ, но все же этот субъект является обобщением множественных частных субъектов, то есть некоторой абстракцией, а значит, он в определенной степени объективирован. Субъективность же ПКМ представлена во всей полноте, и познающий субъект в ней занимает центральное место.

С учетом всего вышесказанного полагаем, что для ТСП следует отвергать или модифицировать некоторые критерии отнесения единиц поля к ядру, центру или периферии, разработанные для СП, а также вводить дополнительные критерии. Так, стилистический критерий следует отвергнуть как нерелевантный для художественных произведений, а частотный преобразовать с учетом специфики функционирования лексических единиц в различных жанрах. Например, для множества лирических стихотворений одного автора показателем частоты употребления некоей единицы будем считать не общее количество ее употреблений во всех текстах данного автора, а количество разных текстов, в которых единица употребляется (без учета повторов единицы в одном и том же тексте).

Мы также предлагаем ввести такой критерий отнесения единицы к центру поля: в центре ТСП находятся единицы, именуемые ключевой образ в некотором произведении. Содержательный показатель ключевой номинации – подкрепление

ее основных сем множеством других единиц в данном тексте. Формальным показателем может быть вынесение данной единицы в заголовок, но наличия лишь формального показателя недостаточно (подробнее см.: [18, с. 292]).

Перспективы работы с данной темой предполагают разработку новых критериев и алгоритмов стратификации ТСП и сведение их в непротиворечивую и адекватную объекту исследования – художественным текстам – систему.

Библиографические ссылки

1. **Абрамов В. П.** Актантная структура семантического поля / В. П. Абрамов // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. 1. Теория / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1995. – С. 45–47.
2. **Буданова С. Г.** Виды картин мира: философия и лингвистика / С. Г. Буданова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем : сб. науч. ст. – Ч. 1 / сост. : В. Н. Денисенко. – М., 2011. – С. 16–20.
3. **Буянова Л. Ю.** Мысль и чувство: аспекты языкового воплощения / Л. Ю. Буянова // Категориальные субстанции языковых реалий : Природа. Общество. Человек. Вест. Южно-рос. отд. МАН ВШ. – Краснодар, 1998. – № 1 (11). – С. 10–12.
4. **Буянова Л. Ю.** Нравственные основы языкового бытия / Л. Ю. Буянова, Г. П. Немец, В. И. Тхорик // Там же. – С. 6–10.
5. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М. : Языки славян. культур. – 2011. – 568 с.
6. **Денисенко В. Н.** Метод семантического поля и языковая картина мира (наименования изменения в русском языке) / В. Н. Денисенко // Вест. РУДН. Сер. «Лингвистика». – 2006. – № 8. – С. 5–16.
7. **Денисенко В. Н.** Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира (структурный, функциональный, когнитивный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В. Н. Денисенко. – М. : РУДН, 2005. – 44 с.
8. **Денисенко В. Н.** Синтагматика и парадигматика семантического поля / В. Н. Денисенко // Вест. РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 18–24.
9. **Караулов Ю. Н.** Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов / Отв. ред. С. Г. Бархударов. – Изд. 2-е. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 360 с.
10. **Клименко А. П.** Лексико-семантическая группа в структуре связного текста / А. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград, 1990. – С. 90–99.
11. **Кривченко Е. Л.** К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е. Л. Кривченко // Филол. науки. – 1973. – № 1. – С. 99–103.
12. **Новиков Л. А.** Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Л. А. Новиков Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – С. 554–570.
13. **Новикова М. Л.** Остранение как языковая структура текстового поля / М. Л. Новикова // Филол. науки. – 1999. – № 6. – С. 37–44.
14. **Новикова Н. С.** Инвариантное значение имени поля и внутренняя структура ядра / Н. С. Новикова // Там же. – 1985. – № 4. – С. 73–78.
15. **Новикова Н. С.** Тематическая группа как семантический компонент текста / Н. С. Новикова // Рус. яз. в нац. шк. – 1985. – № 5. – С. 8–13.
16. **Петров А. В.** Предикатно-актантные поля в русском языке : монография / А. В. Петров. – Симф. : ОАО «Симф. город. тип.» (СГТ), 2012. – 320 с.
17. **Полевые структуры в системе языка** : коллективная монография / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж, 1989. – 200 с.
18. **Пугачева А. В.** Ядерно-периферийное строение семантического поля «Женщина» в поэзии И. Кормильцева / А. В. Пугачева // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. «Мовознавство». – 2010. – Вип. 16. – С. 287–294.

Надійшла до редколегії 16.12.13.

А. О. Рижкіна

Луганський національний університет імені Тараса Шевченка

КОНЦЕПТУАЛЬНИЙ АНАЛІЗ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КОНЦЕПТУ «СІМ'Я» В КИТАЙСЬКІЙ, АНГЛІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

За допомогою концептуального аналізу досліджено концепт «сім'я»: охарактеризовано операціональний апарат дослідження, невід'ємний в обґрунтуванні методологічної бази дослідження, подано визначення концептуального аналізу та названо його основну базу. Указано погляди дослідників стосовно типів концепту, що дозволило визначити поняття «концепт» в аспекті його сутності. Наведено дані тлумачних словників. Для виявлення спільності семантичної структури слова «сім'я» проаналізовано синонімічні ряди в китайській, англійській та українській мовах.

Ключові слова: концептуальний аналіз, концепт, концептосфера, семантичний аналіз, картина світу.

Рыжкина А. А., Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко. **КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В КИТАЙСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

При помощи концептуального анализа исследован концепт «семья»: определен методологический аппарат исследования, который является неотъемлемым в обосновании методологической базы исследования; дано определение концептуального анализа. Приведены взгляды исследователей относительно типов концепта, что позволило определить концепт в аспекте его сущности. Указаны данные толковых словарей. Для выявления общности семантической структуры слова «семья» проанализированы синонимические ряды в китайском, английском и украинском языках.

Ключевые слова: концептуальный анализ, концепт, концептосфера, семантический анализ, картина мира.

A. Ryzhkina, Luhansk Taras Shevchenko National University. **CONCEPTUAL ANALYSIS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «FAMILY» IN THE CHINESE, ENGLISH AND UKRAINIAN LANGUAGES**

This article is devoted to research of concept of «family» with conceptual analysis in Chinese, English and Ukrainian languages.

The timeliness of research of concept of «family» justified by the fact that it is one of the key cultural constants and a part of important concepts that form the core of linguistic consciousness of every nation, and also by the lack of a comprehensive comparative study of the concept.

The goal is to give a description of concept of «family» and determine its semantic features in Chinese, English and Ukrainian languages. The object of the article is research of concept of family and ways of its language representation in the studied languages.

It was shown the main framework of conceptual analysis. It was analyzed the synonymous series in Chinese, English and Ukrainian languages to identify the common semantic structure of the word «family».

Conceptual analysis made it possible to identify similarities in the interpretation of the concept of «family» in the sphere of concept of Chinese, English and Ukrainian nations.

Prospects for further research is to determine the characteristics of lexical representation of the concept of «family» in Chinese, English and Ukrainian languages in comparative perspective and identify patterns of creation and operation of the researched concept in different structural languages.

Key words: conceptual analysis, concept, sphere of concepts, semantic analysis, worldview.

Актуальність дослідження концепту «сім'я» зумовлена тим, що він є однією з ключових культурних констант і входить до ряду найважливіших концептів, які становлять ядро мовної свідомості будь-якого народу; а також відсутністю комплексного порівняльного дослідження даного концепту.

Мета статті – описати концепт «сім'я», а також визначити його семантичні особливості в китайській, англійській та українській мовах.

Об'єкт дослідження становить концепт «сім'я» та способи його мовної репрезентації в досліджуваних мовах.

Теоретичною базою дослідження слугували праці вітчизняних та зарубіжних мовознавців, присвячені вивченню концептів на різному тематичному та мовному матеріалі. Огляд існуючих поглядів свідчить, що учені все ще не можуть досягти єдності і у визначенні сутності самого концепту, бо пропонувані класифікації будуються за різними ознаками.

З погляду сутності концепту його визначають як лінгвокогнітивне явище (О. С. Кубрякова та ін.) [7], психолінгвістичне явище (А. А. Залевська) [4] базову одиницю культури (Ю. С. Степанов та ін.) [14], абстрактне наукове поняття (А. Соломоник та ін.) [12], лінгвокультурне явище (Г. Г. Слишкін, В. І. Карасик та ін.) [5; 11].

Широко відомі концепції структури концепту Г. Г. Слишкіна (асоціативна модель концепту) [11], Ю. С. Степанова (багатошаровість концепту) [13], З. Д. Попової і І. А. Стерніна (польова модель концепту) [9], С. Г. Воркачова (значущий складник концепту) [2], В. І. Карасика (понятійний і цілісний складник) [6].

Визначення категоріального апарату дослідження невід'ємне в обґрунтуванні методологічної бази дослідження. Ми використали концептуальний аналіз як один з основних методів дослідження концепту «сім'я» в китайській, англійській та українській мовах. На даний момент існують безліч різноманітних методів трактування і розуміння концептуального аналізу.

Концептуальний аналіз включає виявлення етимології ключового слова; аналіз семантики ключового слова, його лексичної сполучуваності; дискурсивний аналіз концепту; асоціативний експеримент.

Концептуальний аналіз починається з виявлення значення (семантики) слів, які репрезентують концепт. Для виявлення внутрішньої форми концепту «сім'я» необхідно звернутися до даних тлумачних словників.

У тлумачному словнику китайської мови сім'я (家) розуміється як:

1. Люди, які живуть разом та є родичами.
2. Люди, які працюють на одному підприємстві.
3. Групи людей за фахом, характером тощо [16, с. 621].

Слово сім'я (family) за визначенням англійського тлумачного словника Longman Dictionary of English language and culture:

1. Батьки, дідуся і бабуся, брати і сестри, дядьки, тітки та ін.: *My family is very large/close.* (Моя сім'я (тобто кількість членів сім'ї) дуже велика). У даному тлумаченні розуміються всі члени родини разом.

2. Група людей, що складається, як правило, з одного або двох дорослих і їх дітей, які живуть в одному будинку: *Do you know the family who've just moved in the next door?* (Чи знаєте ви родину, яка нещодавно переїхала до сусідньої квартири?).

3. Люди, які походять від однієї й тієї ж людини. Тобто рід, що йде від своїх предків: *Our family has/ have lived in this house for over a hundred years.* (Наша сім'я живе в цьому будинку протягом ста років).

4. Діти: *Have you any family?* (У тебе є родина?). Під сім'єю часто розуміються діти. Одружився, а отже, обов'язково повинні з'явитися діти. Діти це і є сім'я.

5. Дати життя дитині, бути вагітною (в застарілому значенні) [15, с. 465].

В українському тлумачному словнику [10, с. 224] сім'я розуміється як:

1. Група людей, що складається з чоловіка, жінки, дітей та інших близьких родичів, які живуть разом; родина. – *Ми були кріпаки. Нас небагато було: батько, мати та я – от і вся сім'я* (Панас Мирний, III, 1954, 162); *Тут ось біля хати – уся моя сім'я: бабуся, мама й тато, два братики та я* (Наталя Забіла, Одна сім'я, 1950, 42); *Сім'я в нашому суспільстві – це первісний осередок багатограних людських відносин – господарських, моральних, духовно-психологічних, естетичних. І, звичайно, виховних* (Радянська Україна, 11.I 1969, 4); **У порівняннях. Бригада моя – як дружна сім'я* (Українські народні прислів'я та приказки, 1955, 359); *Полк давно став для них рідним, і вони трималися в ньому невимушено, як у сім'ї* (Олесь Гончар, III, 1959, 18).

2. кого або з означ., перен. Група людей, народів, націй, згуртованих дружною, спільною діяльністю, спільними інтересами; родина. *Отак німота запалила Велику хату. І сім'ю, Сім'ю слав'ян [слов'ян] роз'єднала [роз'єднала] І тихо, тихо упустила Усобищ лютую змію* (Тарас Шевченко, I, 1963, 260); / у знач. присл. сім'єю. *Дружно, згуртовано. Живуть наші друзі Сім'єю одною: Казах, українець, ойрот* (Григорій Бойко, Про 17 літ, 1958, 9); *Це в Горках було, під Москвою. Як занедужав Ілліч, Сім'єю йшли трудовою Зустрітися з ним віч-на-віч* (Олекса Ющенко, Люди..., 1959, 18).

3. Група тварин, птахів, що складається з самця, однієї або кількох самиць та малят. *Голосна сім'я пташина Заспівала в скритих гніздах* (Леся Українка, IV, 1954, 176); *У стрімких горах, де поросла кедрина, Стрічав клетком мене сім'я орлина* (Максим Рильський, I, 1960, 266); / перен. Сукупність однорідних, подібних між собою предметів, явищ. *Всю численну сім'ю струмків вбирає в себе оцей могутній бурхливий потік, що мчить з висока, десь із-за хмар* (Олесь Гончар, Дорога..., 1953, 57); *Рівнянням сім'ї плоских ліній називається рівняння між двома поточними координатами, що залежить від деякого числа довільних параметрів* (Курс математичного аналізу, II, 1956, 98).

4. лінгв. Група споріднених мов, об'єднаних спільністю походження. *Українська мова, разом з російською і білоруською, належить до східної галузі слов'янської групи індоєвропейської сім'ї мов* (Сучасна українська літературна мова, I, 1969, 10).

Таким чином, спільним у визначенні поняття «сім'я» у трьох досліджуваних мовах є те, що сім'я характеризується як група людей, родичів, які живуть під одним дахом, згуртовані спільними інтересами. У концептосфері китайського та українського народів сім'єю також називають робочий колектив або ж людей, які об'єднані спільними інтересами, в англійській – акцент робиться безпосередньо на родинних відносинах. У китайській мові поняття «сім'я» 家 поділяє людей на групи за фахом, характером, що невластиве для інших двох досліджуваних мов. В українській та англійській мовах вживається таке поняття, як мовна сім'я, що не можна сказати про китайську мову.

Для виявлення спільності семантичної структури слова «сім'я» зі значенням групи людей, що складається з чоловіка, жінки, дітей та інших близьких родичів, які живуть разом, необхідно провести аналіз синонімічних рядів у китайській, англійській та українській мовах.

Словник синонімів англійської мови вибудовує таку парадигму: *home, house, background, kin, household, clan, tribe, folks*.

Синонімами слова «сім'я» в українській мові є такі іменники: *родина, сімейство, посімейство, рідня*, розм. *домашні, хатні, рід, покоління* [3, с. 355].

У китайській мові синоніми концепту «家-jia» є 家族-jiazu; 家庭-jiating, всі вони мають загальне значення «сім'я», але використовуються в різних контекстах.

Покажемо це на прикладах:

我家有三口人。Моя сім'я складається з 3 чоловік.

这是个传统的中产阶级家庭。Це традиційна буржуазна сім'я.

你出自一个伟大的家族。Ви родом з великої сім'ї.

Аналіз синонімічного ряду лексеми *сім'я* в трьох досліджуваних мовах показав, що ця лексема – домінанта синонімічного ряду, до якого вона входить. Лексема *сім'я*, *family*, 家 не має такого синоніма, який би повністю розкривав її зміст. Члени парадигми співвідносяться тільки за одним або декількома значеннями або відтінками значень семантичної структури базової лексеми. Ці лексеми характеризують концепт за різними параметрами й ознаками. Наприклад, синонім *house* має тільки одну інтегральну семантичну ознаку з лексемою *family* – «місце, де живуть люди», всі інші семантичні ознаки диференційні. В українській та китайській мовах це синоніми *покоління*, 家族, які мають тільки одну інтегральну семантичну ознаку з лексемою *сім'я*, 家 – «сукупність родичів однакового ступеня спорідненості щодо спільного предка», всі інші семантичні ознаки є диференційними.

Концептуальний аналіз, як зазначає О. С. Кубрякова, хоча й виявляє близькість до семантичного аналізу, має іншу кінцеву мету. Якщо останній спрямований на експлікацію семантичної структури слова, уточнення її денотативних, сигніфікативних і конотативних значень, то концептуальний аналіз передбачає як пошук тих загальних концептів, які підведені під один знак і зумовлюють буття знака як певної когнітивної структури. Семантичний аналіз пов'язаний з роз'ясненням слова, концептуальний аналіз йде до знань про світ [8, с. 85].

Призначення концептуального аналізу – простежити шлях пізнання сенсу концепту і записати результат формалізованою семантичною мовою. Це виражає знання концепту, тобто концепт – це знання про певний об'єкт зі світу «Ідеальне», що має ім'я й відображає культурно зумовлене уявлення людини про «Дійсне» [1, с. 18].

У лінгвістиці ми спостерігаємо розмежування понять щодо мовної та концептуальної картин світу. Але саме концептуальний аналіз поєднує в собі мовну та культурну семантику слова, що дає змогу здійснити більш повний, змістовний аналіз концепту.

Концептуальний аналіз дав можливість визначити подібності у тлумаченні концепту «сім'я» у концептосфері китайського, англійського та українського народів, а саме те, що сім'я характеризується як група людей, родичів, які живуть під одним дахом, згуртовані спільними інтересами. Аналіз синонімічних рядів показав, що в англійській та українській мовах парадигма синонімів концепту «сім'я» ширша, ніж у китайській мові.

Перспективою подальших досліджень є визначення особливостей у лексемній репрезентації концепту «сім'я» у китайській, англійській та українській мовах

у зіставному аспекті та виявлення закономірностей формування і функціонування названого концепту в різноструктурних мовах.

Бібліографічні посилання

1. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1999. – 780 с.
2. **Воркачёв С. Г.** Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачёв. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.
3. **Данилюк І. Г.** Сучасна українська мова. Словник синонімів та антонімів / І. Г. Данилюк. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2009. – 592 с.
4. **Залевская А. А.** Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолінгвістическіе ісследования. Слово. Текст : Избр. тр. – М., 2005. – С. 234–244.
5. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. **Карасик В. И.** Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 1999. – 195 с.
7. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
8. **Кубрякова Е. С.** Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 85–91.
9. **Попова З. Д.** Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2001. – С. 34–56.
10. **Словник української мови** : в 11 т. – Т. 9. – К. : Наук. думка, 1978. – 917 с.
11. **Слышкин Г. Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
12. **Соломоник А.** Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М. : Мол. гвардия, 1995. – 352 с.
13. **Степанов Ю. С.** Константы : словарь русской культуры. / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект, 2004. – 991 с.
14. **Степанов Ю. С.** Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект, 2001. – 990 с.
15. **Longman Dictionary of English language and culture** / Addition Wesley Longman Limited, Edinburg Gate, Harlow, Essex CM20 2JE. – Typesetting in UK by Peter White and Peter Wray. : printed in Spain by Cayfosa. – Barcelona, 1998. – P. 543.
16. 现代汉语词典, 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京, 2013. – 第6版. – 1655页.

Надійшла до редколегії 02.02.14

Е. В. Столярская

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС И РЕКЛАМНЫЙ МЕДИАТЕКСТ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Определено место рекламы в системе функциональных стилей русского языка; охарактеризован стилистический облик рекламы. Доказано, что, относясь к сфере публицистического стиля, рекламные тексты вместе с тем находятся на периферии научного, официально-делового и разговорного стилей русского языка, а функционально-стилистические особенности рекламного текста являются результатом влияния экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: функциональный стиль, рекламный стиль, рекламный дискурс, стилистические особенности рекламного текста, диалогические отношения, экстралингвистические факторы.

Столярська О. В., Національний гірничий університет (м. Дніпропетровськ).
РЕКЛАМНИЙ ДИСКУРС ТА РЕКЛАМНИЙ МЕДІАТЕКСТ У СИСТЕМІ ФУНКЦІОНАЛЬНИХ СТИЛІВ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

Визначено місце реклами в системі функціональних стилів російської мови; охарактеризовано стилістичний вигляд рекламних текстів. Зазначено, що, належачи до сфери публіцистичного стилю, рекламні тексти водночас знаходяться на периферії наукового, офіційно-ділового та розмовного стилів російської мови, а функціонально-стилістичні особливості рекламного тексту є наслідком екстралінгвістичних чинників.

Ключові слова: функціональний стиль, рекламний стиль, рекламний дискурс, стилістичні особливості рекламного тексту, діалогічні відношення, екстралінгвістичні фактори.

Stolyarskaya Yelena V., National Mining University (Dnipropetrovsk). **ADVERTISING DISCOURSE AND ADVERTISING MEDIA TEXT IN THE SYSTEM OF FUNCTIONAL STYLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

The article deals with advertising place determination in the system of functional styles of the Russian language, as well as the study of advertising's stylistic appearance. Nowadays, advertising does not only reflect our diverse lifestyle, but also generates it. Language of advertising through the media enters the everyday language usage most definitely. The purpose of this study is to determine the place of advertising in the system of functional styles of modern Russian language. Advertising texts' styles are heterogeneous. Attempts were made to differentiate sublanguages, and accordingly styles that serve them. The text nature and functions are determined by style. Advertising text is the text of the special structure, involving the use of verbal and nonverbal components. The act of text's creating and understanding is inconceivable without the communicative process situation's support, without relying on discourse. The place and functions of advertising text (style, genre, discourse) are not clearly formulated. Advertising is closely related with mass media. In advertising messages the pragmatic situation is actualized. That is why there is the highest concentration of stylistic devices in advertising messages. Most likely, advertising texts belong to the sphere of publicist style, however, they are still on the periphery of the scientific, formal, business and conversational styles of Russian language. Functional-stylistic features of the advertising text is the result of the extra-linguistic factors' influence.

Key words: functional style, advertising style, advertising discourse, stylistic features of the advertising text, dialogical relationship, extralinguistic factors.

В наши дни реклама не только отражает наш многоликий образ жизни, но и формирует его, вводит в обиход новые речевые символы, которые, в свою очередь, влияют на формирование нового потребительского типа личности. Реклама вездесуща и разнообразна. Прежде всего она тесно связана со средствами массо-

вой информации и по своей значимости равноценна информативной значимости материалов СМИ.

Язык рекламы с помощью средств массовой информации прочно входит в повседневный узор, обновляя набор привычных языковых средств. Словоформы языка рекламы занимают особое место среди функционально-стилевых образований в текстах СМИ. Рекламный стиль преследует свои собственные цели – прагматические, и выполняет свои функции – воздействие, убеждение. Вопрос о том, является ли реклама обособленным стилем со своей персональной концептуальной структурой, или же рекламный стиль – это мутирующий подвид публицистического стиля, но со своими определенными средствами выражения и жанровыми разновидностями, относится к дискуссионным вопросам современной лингвистики, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель статьи – определить место рекламного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка. Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) обобщить теоретические сведения о коррелирующих понятиях «текст» и «рекламный текст», о специфике языка рекламного текста в плане применяемых в нём приёмов, стратегий и методов воздействия на потребителя; 2) определить значение рекламы как опосредованного средства коммуникации в условиях определенного коммуникативно-прагматического пространства, или дискурса: структурный текст – продукт, функциональный дискурс – процесс рекламной коммуникации; 3) определить место рекламного стиля с присущей ему разветвленной системой жанров в системе функциональных стилей русского языка.

Реклама представляет собой явление коммуникативно-социальной и лингвокультурологической значимости, являясь одним из самых действенных средств коммуникации; «реклама – это особый вид коммуникации, направленной на реципиента, информационное сообщение, целью которого есть коммуникативное воздействие на потенциального потребителя» [14]. А минимальной языковой единицей коммуникации является текст. Понятие «текст» (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение [2]) широко используется в лингвистике, литературоведении, эстетике, семиотике, культурологии, а также философии. С лингвистической точки зрения текст – это акт применения естественного языка с использованием определенных языковых средств и приёмов.

В современной лингвистике текст рассматривается в двух аспектах: в формальном и функциональном. Широко известное формальное определение текста принадлежит И. Р. Гальперину: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведения, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую направленность и прагматическую установку» [3, с.18].

Любой связный текст несёт модальную оценку высказывания, определенную автором, так как акт общения между участниками коммуникации представляет собой своеобразный диалог. Таким образом, намечается подход к рассмотрению текста как к единице диалогической речи, целью которой является реализация любого речевого замысла. Происходит переход к исследованию текста не только как явления формального, но явления функционального. В результате тесного взаимодействия лингвистики текста с такими отраслями языкознания, как теория коммуникации, социолингвистика, психолингвистика, лингвистическая

прагматика, функціональна стилістика, текст позиціонується як процес – «язык в действии» [9]. Таким образом, лингвистический (формальный, системный) и функциональный (антропоцентрический, прагматический) подходы к изучению текста развиваются параллельно.

Текст, с одной стороны, это продукт не только письменной, но и устной мнологической речи, результат «диалогических отношений» [1, с. 30]. В рамках диалогического подхода к тексту можно отметить адресованность как одну из основных его характеристик: посредством текстового сообщения происходит своеобразный диалог между коммуникатором и реципиентом. «Любой текст представляет собой внутренне диалогичную структуру, ибо содержит в себе как явные, так и подразумеваемые апелляции к другим авторам, направлен против взглядов других, опирается на известные факты и положения или подвергает их сомнению. Недиалогичный текст, если бы он был возможен, воспринимался бы или как полностью лишённый смысла, или как такой, которому может быть приписан любой смысл, что практически одно и то же» [5, с. 79]. Современная лингвистическая теория текста рассматривает его как основной компонент дискурса, что означает обмен информационными сообщениями между участниками коммуникации.

Таким образом, коммуникативный процесс – это деятельность с текстом, но в определённых условиях коммуникативно-прагматического пространства, которое называют дискурсом. Понятие «дискурс» многогранно. Дискурс подразумевает отправителя сообщения и адресата, предмет сообщения, взаимоотношения коммуникаторов, их коммуникативные роли, задачи, цели, интенции, предполагаемый коммуникативный фон, восприятие текста, пресуппозиции. Дискурс рассматривают с формальной, функциональной и ситуативной точек зрения. Формальная интерпретация дискурса – это понимание дискурса как системного образования выше уровня предложения. С функциональной точки зрения дискурс – это использование (употребление) языка (речи) во всем его многообразии. Ситуативно дискурс рассматривают как набор социокультурных и психолого-прагматических обстоятельств коммуникативного акта. С точки зрения структурной организации дискурс – двухкомпонентное явление, состоящее из лингвистического и экстралингвистического компонентов. Лингвистический (внутренний) компонент образуют системные языковые символы: словоформы, предложения. Экстралингвистический (внешний) компонент – результат взаимодействия ситуативного, социального, прагматического, социокультурного, психологического и других факторов.

С некоторых пор пристальное внимание исследователей привлекает рекламный дискурс как орудие воздействия на массовую аудиторию. Рекламный дискурс, как полагает Е. П. Гаран, «моделируется в форме фреймов – типовых жизненных ситуаций, и это обстоятельство позволяет извлекать из рекламы важнейшую информацию» [4, с. 4], в связи с чем происходит интенсивное применение средств и свойств языка в прагматических целях. Рекламный дискурс переходит в особый вид коммуникации, имеющий модальную направленность: оказать воздействие. В рекламных сообщениях актуализируется прагматическая ситуация, которая предполагает выбор адресата и его участие в ходе рекламной коммуникации, определяются основные цели рекламного дискурса – воздействующая, социальная, информационная. Для достижения этих целей составители рекламных сообщений обращаются к применению различных лингвистических и психо-

логических приемов, т. е. «реклама материализуется в виде готового цельно-оформленного медиатекста» [6, с. 137].

Отсюда следует, что акт создания и понимания текста немыслим без опоры на ситуацию коммуникативного процесса, без опоры на дискурс: на совокупность речемыслительных продуктов коммуникантов в результате познания, презентации языковой картины мира говорящим (продуцентом) и ее осмысления, реконструкции слушающим (реципиентом). Текст также интерпретируется как промежуточная стадия дискурса, в результате чего «представление о тексте как статическом имманентно связанном (и цельном) продукте дискурса позволяет определить его как любой протяжённости последовательность языковых знаков, заключённую между двумя остановками в коммуникации» [12, с. 90].

Текст и дискурс находятся в постоянном симбиозе, взаимно дополняя и обогащая друг друга, но смешивать эти научные понятия даже в лингвистическом аспекте не следует. Поэтому дискурс – «речь, погруженная в жизнь», определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессов)» [11].

Однако рекламный текст – это текст особой структуры, «как и прочие виды медиатекстов, реклама включает в себя не только словесный ряд, но и всю совокупность экстралингвистически значимых компонентов, как-то: графики, образов, звуков ...» [6, с. 137], т. е. использование вербальных и невербальных компонентов: «самое общее определение текста усматривается в семиотическом к нему подходе, что прямо ориентировано на рекламу как совокупность различных знаков» [7, с. 58]. В случае, если поликодовые высказывания не нашли своего выражения в сознании слушателя, то им (слушателем) формируются пресуппозиции, которые возникают в целях адекватного восприятия поликодовой информации на основе вербального контекста.

На лексическом уровне структуру рекламного текста можно разделить на два уровня: нейтральный, сформированный общеупотребительной лексикой, и маркированный – стилистически окрашенные лексические единицы, включающие рекламную терминологию, специальную лексику, которые и придают рекламному стилю функционально-стилевую окраску в рамках рекламной коммуникации. Именно поэтому язык рекламы зачастую интерпретируется как язык в профессиональных целях: «Говоря о языке рекламных сообщений, мы ведем речь об использовании языка в профессиональных целях, результатом которого является порождение сообщений, ориентированных на определенную аудиторию и выполняющих определенные задачи» [10, с. 7].

Вследствие возникновения большого разнообразия сфер деятельности были произведены попытки дифференциации подязыков рекламы (коммерческой, социальной, политической), а соответственно и стилей, которые их обслуживают. Так зародилось понятие «функциональный стиль», взявшее свое начало в работах Пражской лингвистической школы. По определению М. Н. Кожиной, «функциональный стиль речи – это определенная социально осознанная разновидность речи, соответствующая той или иной сфере общественной деятельности и форме сознания, обладающая своеобразной стилистической окраской, создаваемой особенностями функционирования в этой области языковых средств и специфической речевой организацией (структурой), имеющая свои нормы отбора и сочета-

ния языковых единиц, определяющаяся задачами общения в соответствующей сфере», а «за основу определения стиля берутся не лингвистические, а экстралингвистические признаки» [8, с. 62]. Иными словами, характер и функции текста определяются стилем, с помощью которого происходит интеграция и упорядочение средств, формирующих дискурс. Следовательно, стиль – это связующее звено, которое мотивирует выбор основных элементов на двух взаимосвязанных уровнях: на уровне лингвистической структуры и на уровне содержания. В случае рекламной коммуникации стиль должен быть функционально обусловленным, ввиду его подчинения определенным целям.

Структурно-композиционные и стилистические особенности рекламного стиля анализируются в трудах В. Г. Костомарова, Х. Кафтанджиева, Н. Н. Кохтева, Д. Э. Розенталя, Т. Е. Постновой, Ю. К. Пироговой и др. При этом одни ученые считают, что рекламный стиль – разновидность публицистического стиля (В. Г. Костомаров), другие же утверждают, что «процессы, происходящие в языковой сфере рекламы, за последние десять лет привели к формированию новой языковой разновидности русского литературного языка, которую вполне можно причислить к имеющимся функциональным стилям, то есть складыванию рекламного стиля» (В. М. Лейчик, Е. С. Кара-Мурза) [13, с. 38–39]. Принадлежность рекламы к средствам массовой коммуникации, их специфика позволили В. Г. Костомарову и Н. Й. Тонковой поставить вопрос об отнесенности языка рекламы к массово-коммуникативному стилю. Рекламный текст, как и официально-деловой, определяют не художественно-изобразительные словесные формы, а точность, краткость, информативность, доступность, доказательность. В. Г. Костомаров считает, что «в рекламных текстах действует характерный для публицистики принцип «сопряжения экспрессии и стандарта» [9]. А вот, по мнению О. В. Загоровской, «в настоящее время функциональный стиль определяется уже не столько сферой общения, сколько коммуникативной ситуацией и личностью говорящего...» [7, с. 46]. Некоторые исследователи (Д. Э. Розенталь, Н. Н. Кохтев, М. Н. Кожина, Н. В. Соловьева) считают, что в случае рекламного стиля происходит массовая интеграция черт различных стилей, что приводит к конгломерату стилей в одном отдельно взятом рекламном тексте. «Периферийное место рекламных текстов в структуре публицистического стиля обусловлено экстралингвистической основой рекламы: сферой общения и соответствующими ей целями и задачами, характером целевой аудитории и др., что приводит к размыванию границ между стилями, их взаимодействию и взаимопроникновению друг в друга. В рекламных обращениях, кроме публицистического, могут использоваться такие функциональные стили, как официально-деловой, научный и разговорный» [15, с. 47].

Главными критериями отнесения стиля рекламы к вышеупомянутым функциональным разновидностям являются основные функции рекламы. С функциональной точки зрения рекламные тексты наиболее полно совмещают в себе реализацию двух функций: функцию воздействия в лингвистическом аспекте, где используется весь арсенал лингвистических средств выразительности, и функцию воздействия в коммуникативном аспекте, которая реализуется посредством особых медиатехнологий, характерных для того или иного средства массовой информации. Как уже упоминалось, реклама тесно связана со средствами массовой информации, которые выступают в роли проводников рекламных текстов. И, вероятно, рекламный стиль может быть определен как особый подстиль публицистического или официально-делового стиля, поскольку рекламу и публи-

цистику сближают единство функций и задач: информационная и воздействующая функции, а также побуждение потребителя информации к действию. Важнейшей особенностью газетно-публицистического, как и рекламного стиля, с точки зрения функциональной стилистики, является характерная оценочность, благодаря которой рекламный текст, подобно информационным сообщениям СМИ, оказывает значительное влияние на формирование различных стереотипов и образа жизни современного общества. Императивно-информационные жанры отражают специфику рекламного дискурса, информативно-императивно-оценочные жанры специфичны также для публицистического дискурса. Но, по мнению Т. Г. Добросклонской, схожесть рекламных и публицистических текстов все же частична: «тексты новостные повторяются в течение дня в постоянно обновляемом виде, воздействие же текстов рекламных основано на более длительном периоде повтора, причем в устойчивой неизменной форме» [6, с. 138].

Итак, язык рекламного текста не попадает под конкретный функциональный стиль, но и до сих пор не является отдельным, обособленным функциональным стилем русского языка, хотя, по всем показателям, он этого заслуживает. Подобно другим функциональным стилям, рекламный стиль реализуется в целом ряде жанров (реклама на ТВ, радио, в прессе, на баннерах и т. д.) и специфика жанров рекламного стиля неотделима от сферы и условий распространения. Большая часть жанров может быть отнесена к публицистическому стилю с элементами научно-популярного, официально-делового, разговорного и других стилей, что демонстрирует явление функционально-стилевого наложения, а это, в свою очередь, характеризует пространство междискурсивного взаимодействия. В результате пересечения дискурсов происходит наложение всех языковых элементов, отношений, структур, стратегий и характеристик нескольких стилей одновременно, что реализуется в коммуникативной ситуации в пределах границ медиатекста. С точки зрения стилистического оформления рекламные тексты отличаются яркостью, лаконичностью и экстравагантностью: игра слов и образов, искажение правописания и использование фразеологических единиц, синтаксические трансформации, некорректное использование знаков препинания – это все особенности, характерные для рекламных текстов. В рекламном сообщении самая высокая концентрация стилистических приемов: ограниченность объема информации, динамичность, прямая обращенность к адресату и дифференцированность подачи информации в зависимости от адресата.

Такая неоднородность лингвостилистических особенностей рекламных текстов, многообразие средств и приемов языка рекламы, а также разнообразие функций и задач рекламных текстов привели к тому, что вопрос об их стилевом статусе остается открытым. Обоснованное и доказательное решение этого вопроса и составляет перспективу дальнейших исследований в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа : http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm.
2. **Википедия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
4. **Гаран Е. П.** Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Гаран. – Ростов н/Д, 2009. – 20 с.
5. **Гусев С. С.** Диалогический характер понимания [Электронный ресурс] / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. – Режим доступа : <http://www.vpn.int.ru/news-view-21.html>.

6. **Добросклонская Т. Г.** Рекламные тексты [Электронный ресурс] / Т. Г. Добросклонская. – Режим доступа : <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>
7. **Зирка В. В.** Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / Вера Васильевна Зирка. – Д., 2005. – 242 с.
8. **Кожина М. Н.** Стилистика русского языка [Электронный ресурс] : учебник / М. Н. Кожина, М. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Режим доступа : web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf.
9. **Костомаров В. Г.** Наш язык в действии [Электронный ресурс] / В. Г. Костомаров. – Режим доступа : http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_1/Kostomarov.pdf.
10. **Ксензенко О. А.** Язык рекламы [Электронный ресурс] / О. А. Ксензенко. – Режим доступа : <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm>
11. **Лингвистический энциклопедический словарь** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tapemark.narod.ru/les/136g.html>.
12. **Милевская Т. В.** Дискурс, речевая деятельность, текст / Т. В. Милевская // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестн. Рос. коммуникативной ассоциации. – Вып. 1 – 2002. – С. 88–91.
13. **Мозовая И. Н.** Заимствованная лексика в современной русскоязычной рекламе в информативном и социокультурном аспектах : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / Ирина Николаевна Мозовая. – Д., 2007. – 202 с.
14. **Пирогова Ю. К.** Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте [Электронный ресурс] / Ю. К. Пирогова. – Режим доступа : http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm.
15. **Соловьева Н. В.** К вопросу о стиле рекламных текстов (на материале рекламы в сфере туризма) / Н. В. Соловьева // Вест. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – № 6. – 2009. – С. 46–50.

Надійшла до редколегії 11.02.14

УДК 81'42

Л. Г. Сутуліна

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

РОЗГОРТАННЯ СФЕРИ-ДЖЕРЕЛА МЕТАФОРИЧНОЇ МОДЕЛІ РЕАЛЬНЕ – ІРРЕАЛЬНЕ В ІСПАНСЬКИХ РОМАНАХ КІНЦЯ ХХ – ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Досліджено феномен метафоричної моделі з позицій когнітивної лінгвістики. Розглянуто сферу-джерело метафоричної моделі *реальне – ірреальне* в іспанських романах кінця ХХ – початку ХХІ століття. Окреслено механізми мовної реалізації сфери-джерела метафоричної моделі в наративі романів, описано структуру та виявлено прагматичний потенціал моделі.

Ключові слова – метафорична модель, сфера-джерело метафоричної моделі, прагматичний аспект, наратив, структура, ірреальне.

Сутуліна Л. Г., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РЕАЛЬНОЕ – ИРРЕАЛЬНОЕ В ИСПАНСКИХ РОМАНАХ КОНЦА ХХ – НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

Исследован феномен метафорической модели с точки зрения когнитивной лингвистики. Рассмотрена область-источник метафорической модели *реальное – ирреальное* в испанских романах конца ХХ – начала ХХІ века. Изучены механизмы языковой реализации области-

источника метафорической модели в нарративе романов, описаны структура и прагматический потенциал модели.

Ключевые слова: метафорическая модель, область-источник метафорической модели, прагматический аспект, нарратив, структура, ирреальное.

Sutulina L., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE DEVELOPMENT OF THE SOURCE DOMAIN OF THE METAPHORIC MODEL REAL – UNREAL IN THE 20th AND 21st CENTURY SPANISH NOVELS**

The cognitive function of the metaphor turns it into the special branch of linguistic knowledge – the theory of metaphorical modelling. The metaphorical model is a binary cognitive slot and frame structure. It forms by the mapping from a source to a target domain. The metaphorical models reflect specific character of the national mentality at a certain stage of development of the society.

The narrative analysis of the 20th and 21st Century Spanish novels has shown that they represent combination of Gothic and Memoir novels. The ambiguity what emerges in the architextuality level can be represented as a metaphorical model *real – unreal*, in other words *traumatic memories are manifestations of the unreal*.

Topicality of the paper is determined, at first, by growing interest of modern linguistics in the phenomenon of metaphorical model as a special cognitive mechanism and secondly by a lack of the narrative analysis of the 20th and 21st Century Spanish novels in Ukrainian linguistics.

The objective of the study is to determine the mechanism of linguistic realization of the source domain of metaphorical model *real – unreal* integrated into the narrative space of mentioned novels.

The semantic and cognitive analysis makes possible investigation of the structure, semantic and pragmatic aspects of the source domain of metaphorical model. The structure of the source domain consists of three cognitive scripts: socio-political vocabulary, names of famous historical figures, evaluative vocabulary with negative sense *traumatic memories*.

The study of the metaphorical model *real – unreal* in the 20th and 21st Century Spanish novels proves that this model runs through the entire narrative space and ensures the structural integrity of the Spanish novels.

Key words: metaphoric model, source domain of metaphorical model, pragmatic aspect, narrative, structure, unreal.

На сучасному етапі розвитку лінгвістичної науки метафора постає як один із найважливіших типів мислення людини та уможливорює розуміння світу та створення теорії про світ. Ця функція перетворює метафору на окрему лінгвістичну царину когнітивної лінгвістики – теорію метафоричного моделювання (А. М. Баранов, Ю. М. Караулов, А. П. Чудінов, Е. В. Будаєв).

Не вдаючись до теоретизування з цієї складної проблеми, далі виходитимемо з такого визначення. *Метафорична модель* – це бінарна когнітивна сполука, що має фреймово-словову структуру й утворена внаслідок метафоричної проекції поняттєвих елементів із сфери-джерела на сферу-мету. Метафоричні моделі є типовими схемами, що відображають специфіку національної ментальності на певному етапі розвитку суспільства. Когнітивна парадигма лінгвістичних знань уможливорює всебічне вивчення метафоричної моделі та її представлення як цілісної семантико-структурної та лінгвопрагматичної одиниці художнього простору нарративу.

Аналіз наративної структури іспанських романів кінця XX – початку XXI століття засвідчив, що вони являють собою сплетіння жанрів готичного роману та роману-спогаду. Як наслідок виникає двозначність на архітекстуальному рівні, яку пропонується подати у вигляді метафоричної моделі *реальне – ірреальне*, тобто *травматичні спогади* – це *прояви потойбічного*, у якій *травматичні спогади про недемократичне минуле країни* є сферою-джерелом, а *потойбічне* – сферою-метою метафоричної моделі. Наявність елементів надприродного в наративній структурі зазначених романів викликає у читача відчуття страху не лише через зв'язок із сферою моторошного, але й через зв'язок із реальним страхом та тривогою, прихованими в соціально-політичному контексті болісних спогадів епохи

громадянської війни 1936–1939 років і диктатури Ф. Франко. Новий наратив спогадів успішно зламає табу минулого. Адже наявність фантасмагоричного у творах іспанських письменників свідчить про необхідність актуалізувати маргінальні го-лоси, які навмисно замовчувала недавня історія країни.

Актуальність роботи зумовлена, по-перше, зростанням уваги дослідників до феномену метафоричної моделі як особливого механізму пізнання світу. По-друге, відсутністю у вітчизняній філологічній науці аналізу наративу іспанських романів кінця XX – початку XXI століття.

Метою роботи є аналіз механізмів мовної репрезентації поняттєвої сфери-джерела метафоричної моделі *реальне – ірреальне*, інтегрованої в художній простір зазначених романів.

Виходячи з цього, **завданнями** даної статті є: 1) окреслити історико-соціальні передумови появи метафоричної моделі *реальне – ірреальне* в наративі іспанських романів кінця XX – початку XXI століття; 2) на базі семантичної спорідненості ключових лексичних одиниць виявити лексико-семантичні групи сфери-джерела метафоричної моделі; 3) унаочнити структуру сфери-джерела метафоричної моделі; 4) дослідити прагматичний потенціал сфери-джерела метафоричної моделі.

Використання семантико-когнітивного аналізу фактичного матеріалу уможливорює опис його лексичного наповнення, дослідження семантичного значення та прагматичної спрямованості, а також виявлення структури сфери-джерела метафоричної моделі.

Матеріалом дослідження було обрано такі іспанські романи: Т. Лука де Тена «Знівечені рядки бога»; Х. Маріас «Твоє обличчя завтра»; Х. Марсе «Дівчина в золотих трусиках»; К. Мартін Гайте «Задня кімната»; Е. Мендоса «Тайна зачарованого склепу»; Х. Марія Меріно «Темний берег»; А. Муньос Моліна «Нічого дивного»; Х. Наварро «Дім батька»; Р. Регас «Пісня Доротеї»; А. Родера «Загадка переможених»; А. Трапсьєльо «Корабель-привид»; К. Р. Сафон «Тінь вітру».

Лексико-семантичний аналіз, який передбачає пошук ключових лексичних одиниць та визначення їхньої семантичної спорідненості у структурі поняттєвої сфери-джерела метафоричної моделі, дозволяє виявити три лексико-семантичні групи.

1. Суспільно-політична лексика.

Так, у романі Х. Маріаса прикладами суспільно-політичної лексики є такі: *muerte de Franco* [2, p. 140]; *retaguardia de Madrid* [Ibid., p. 175]; *capitulación* [Ibid.]; *soldado del Ejército Popular, o de la República* [Ibid.]; *republicano* [Ibid., p. 141]; *franquista* [Ibid.]; *La Guerra Civil española* [Ibid., p. 90, 121, 136, 140, 167]; *el POUM era 'un pequeño partido* [Ibid., p. 140]; *organización fascista internacional en España* [Ibid.]. У романі Х. Марсе – *régimen* [3, p. 92]; *Barcelona ocupada* [Ibid, p. 40]. У романі К. Мартін Гайте – *estaban en la cárcel por rojos* [4, p. 57]; *tropas nacionales* [Ibid., p. 61]; *franquistas* [Ibid., p. 65]; *censura militar* [Ibid, p. 66]; *la guerra y la postguerra* [Ibid., p. 109, 111]; *República* [Ibid., p. 85, 114]; *Partido Socialista* [Ibid., p. 114]; *Valle de los Caídos* [Ibid., p. 116]; *Cuartel general* [Ibid., p. 61]; *muerte de Franco* [Ibid., p. 69, 61]; *socialista* [Ibid., p. 102]. Окремої уваги заслуговує стилістичний прийом синестезії, тобто поєднання в одному тропі різних асоціацій, що виникають через враження, одержані від кількох органів чуття: *estaba harta de oír la palabra fusilado, la palabra víctima, la palabra tirano, la palabra militares, la palabra patria, la palabra historia* [Ibid., c. 55]. У романі

Е. Мендоса прикладами суспільно-політичної лексики є *era preposfranquista* [5, p. 29]. У романі Х. Марія Меріно – *en mayo de 1968 la ocupación del Colegio Español de París* [6, p. 193]; *Segunda Republica* [Ibid, p. 215]; *republicano y anticlerical* [Ibid., p. 230]. У романі А. Муньос Моліна – *franquismo* [7, c. 59]; *modernidad franquista de los años cincuenta* [Ibid.]. У романі Х. Наварро – *Falange Española* [8, c. 18]; *Guardia Civil* [Ibid, c. 32]; *Hospital Militar de Madrid* [Ibid., p. 8]; *División Azul* [Ibid., p. 46]; *no habían sido antes de la guerra verdaderos falangistas* [Ibid., p. 95]; *rojos* [Ibid.], *ejército* [Ibid., p. 17]. У романі Р. Перас – *evolución del país en la última década* [9, c. 197]; *dictadura franquista* [Ibid., p. 198]. У романі А. Родера прикладами суспільно-політичної лексики є лексичні одиниці *muerte del dictador* [10, c. 120]; *transición política* [Ibid., p. 132]; *la Guerra Civil, en el año 1936* [Ibid., p. 152, 141, 360]; *batalla del Ebro* [Ibid., p. 177]; *una fundación en memoria de los caídos en la guerra* [Ibid., p. 368]; *transición democrática* [Ibid., p. 228]; *régimen fascista* [Ibid., p. 120]; *republicano* [Ibid., p. 177]; *franquismo* [Ibid., p. 132]; *movimientos nacionales* [Ibid., p. 179]; *prisionero republicano* [Ibid., p. 182]; *régimen franquista* [Ibid., p. 360, 187]; *vencidos* [Ibid., p. 368]; *represión* [Ibid., p. 187]; *posguerra* [Ibid., p. 181]; *ejército “rojo”* [Ibid., p. 360]; *golpe de Estado* [Ibid., p. 178]; *nacionales* [Ibid.]; *dictadura* [Ibid.] та метонімія *una fractura entre las dos Españas* [Ibid., p. 368]. У романі Т. Лука де Тена знаходимо такі приклади: *jefe de la Armada* [1, p. 122]; *posguerra* [Ibid.]; *separatistas vascos* [Ibid., p. 122, 202, 124]; *secretos militares* [Ibid., p. 123]. У романі А. Трап'єльо – *Brigada Político-Social* [11, p. 10]; *Política de izquierdas. La política de derechas* [Ibid., p. 50]; *luchas antifascistas* [Ibid.]; *causas democráticas* [Ibid.]; *devotos monárquicos* [Ibid.]; *agitadores de izquierda* [Ibid., p. 51]; *algún fascista o adicto al régimen* [Ibid.]; *falangistas* [Ibid.]; *dictador* [Ibid.]; *socialistas* [Ibid.]; *comunistas* [Ibid.], *guerra* [Ibid.]. У романі К. Руйс Сафона прикладами суспільно-політичної лексики є *anarquistas* [12, p. 38]; *comunistas* [Ibid., p. 46]; *fascistas* [Ibid.]; *República* [Ibid., p. 136]; *guerra civil* [Ibid., p. 38]; *muchas tumbas sin nombre* [Ibid., p. 207]; *régimen* [Ibid., p. 240].

2. Імена відомих історичних діячів.

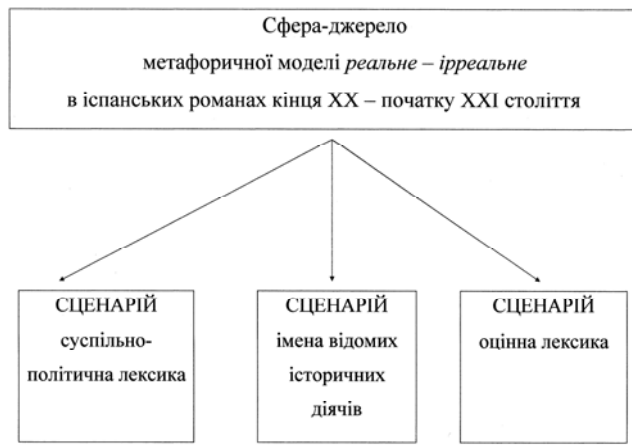
Другу лексико-семантичну групу у зазначених романах складають імена відомих постатей політичної арени Іспанії XX – XXI століття: *Franco* [1, p. 367]; *Franco, Mussolini y Hitler* [2, p. 134, 140]; *Franco* [4, p. 69, 61]; *Primo de Rivera* [Ibid, p. 113]; *Franco* [5, p. 84, 103]; *rey Juan Carlos I de Borbón* [6, p. 183]; *Franco* [7, p. 27]; *Alfonso XIII, José Antonio Primo de Rivera, el generalísimo Franco* [8, p. 69]; *Franco* [11, p. 50]; *Dolores Ibárruri, Manolete y José Stalin* [12, p. 239], *Franco* [Ibid, p. 84].

3. Оцінна лексика.

Оцінна лексика із семним компонентом *спогоди*, що має виражені негативні конотації, представлена таким чином. У романі Х. Маріаса маркерами негативної емотивності є градація дієслів із семним компонентом *забуття*: *En tiempo de paz es del todo imposible hacerse a la idea o entender qué es una guerra <...> La gente no es consciente de hasta qué punto lo uno **niega** lo otro, lo **suprime**, lo **repele**, lo **excluye** de nuestra memoria y lo **ahuyenta** de nuestra imaginación y nuestro pensamiento* [2, p. 331]. У романі Х. Марсе негативне враження, викликане болісними спогадами, створюється внаслідок залучення таких номінативних одиниць, як *el sentimiento de la **derrota**, el **exilio frustrado**, la **cárcel*** [3, p. 32] та антитези на позначення контрасту між своїм (рідним) та чужим (ворожим): *el **hijo** que milita en el **otro bando*** [Ibid, p. 32]. У романі К. Мартін Гайте лексичні одиниці із семою *сно-*

gaди об'єднує поняття домінанта страждання: *la felicidad en los años de guerra y postguerra era inconcebible, que vivíamos rodeados de ignorancia y represión <...> los amigos de mis padres que morían fusilados o se exiliaban* [4, p. 66]; *Desde la muerte de Franco habrá notado cómo proliferan los libros de memorias, ya es una peste, en el fondo, eso es lo que me ha venido desanimando* [Ibid, p. 112]. Гіперболізований опис холоду в період війни отримує ще більшого увиразнення шляхом залучення гіпербату *unos inviernos particularmente inclementes y largos aquellos de la guerra, nieve, hielo, escarcha* [Ibid, p. 57]. Враження від спогадів про війну формують семи із негативним оцінним значенням *cipuy, тьмянйй: una nube gris que se extiende ahora sobre los años de guerra y postguerra, uniformándolos, volviendo imprecisos y opacos sus contornos* [Ibid, p. 96]. У романі А. Муньос Моліна негативне прагматичне значення розгортання сфери-джерела виражене епітетом, що виконує одночасно оцінну та описову функції: *En ese verbo, plantear, y en su monstruoso sustantivo planteamiento, se resume al menos la mitad de nuestra patética cultura de izquierdas en los años setenta. Uno se planteaba no tener hijos y no los tenía*» [7, p. 43]. У романах А. Родера та Е. Мендоса емоційно-оцінне значення іменників та прикметників із семою *спогади* також створює негативне сприйняття: *el sufrimiento que hemos padecido* [10, p. 331], *atávico pasado <...> los años oscuros* [Ibid, p. 73]. *Nací en una época que posteriori juzgo triste* [5, p. 137]. У романі Р. Перас має місце неодноразове вживання іменника *decepción* із негативними емоційно-оцінними конотаціями: *Yo, como tantos otros, me escudaba en la decepción* [9, p. 197]. *Una decepción que creía justa porque entre otras cosas nacía en una transición que se había hecho de forma muy distinta de cómo la habíamos esperado* [Ibid, p. 197]. *Me quedé inmóvil sin defender ni atacar, reconcomiéndome en mi decepción* [Ibid, p. 198]. К. Руйс Сафон персоніфікує війну шляхом вживання антропоморфної метафори: *Sólo habían pasado seis años desde el fin de la guerra y aunque sus cicatrices se sentían a cada paso, casi nadie hablaba de ella abiertamente* [12, p. 514]. Автор надає, таким чином, абстрактному поняттю *guerra* чуттєвого образу. Емоційний вплив на читача справляє метонімія: *1945, un año de cenizas* [Ibid, p. 514], коли іменник із конотативним значенням *ceniza* акумулює в собі все негативне, пов'язане з війною. Під час зображення війни застосовано метафоричний образ привида: *El fantasma de la guerra se sentía ya en el aire* [Ibid, p. 473]. *Los últimos días de la guerra fueron el preludio del infierno <...> El espectro de asesinatos, luchas y conspiraciones llevaba años corroyendo el alma de la ciudad* [Ibid, p. 507]. Так, оцінна лексика із семним компонентом *спогади*, якій властива емоційна динаміка негативного характеру, реалізується за допомогою відповідних стилістичних компонентів емотивності.

Отже, семантико-когнітивний аналіз дає змогу з'ясувати структуру сфери-джерела метафоричної моделі. Так, сфера-джерело *травматичні спогади про не-демократичне минуле країни* розгортається в трьох напрямках, які формують комплексні когнітивні структури – сценарії, де закріплюється когнітивний план інтертекстової інформації та розкривається семантико-концептуальне наповнення тексту. Сценарії розгортання сфери-джерела *реальне* метафоричної моделі наявні в усіх зазначених творах. Їх мовна реалізація здійснюється комплексно: через ужиток суспільно-політичної лексики, імен відомих історичних діячів та оцінної лексики із негативним семним компонентом *болісні спогади*. Структуру сфери-джерела метафоричної моделі *реальне – ірреальне* в іспанських романах XX–XXI століття унаочнимо у вигляді схеми (див. рисунок).

**Схема структури сфери-джерела метафоричної моделі
реальне – ірреальне в іспанських романах XX–XXI століття**

З метою дослідження прагматичної спрямованості відповідних сценаріїв сфери-джерела метафоричної моделі звертаємося до ролі мовних засобів. Так, суспільно-політична лексика та імена відомих історичних діячів уводяться в наратив з метою правдиво відобразити спогади про недемократичне минуле Іспанії, надати подіям роману реалізму, засвідчити історико-політичний контекст. Залучення оцінної лексики із семним компонентом *болісні спогади* дозволяє авторам створити негативний емоційний ефект та зобразити спогади про недемократичне минуле Іспанії як трагічні, пригнічені та небажані, які залишають негативний відбиток у підсвідомості.

Комплексне дослідження метафоричної моделі *реальне – ірреальне* в іспанських романах кінця XX – початку XXI століття дозволяє зробити висновок, що вказана модель пронизує весь художній простір, набуває відповідного спектра семантичних інтерпретацій та прагматичних настанов і забезпечує ідейну, композиційну й мовну єдність наративної структури іспанських романів.

Перспективою подальшого дослідження є структурно-семантичний аналіз сфери-мети метафоричної моделі *реальне – ірреальне* та виявлення її прагматичного потенціалу.

Бібліографічні посилання

1. **Luca de Tena T.** Los renglones torcidos de dios / T. Luca de Tena. – Barcelona : Planeta, 2013. – 448 p.
2. **Marías J.** Tu rostro mañana / J. Marías. – Madrid : Debolsillo, 2013. – 1344 p.
3. **Marsé J.** La muchacha de las bragas de oro / J. Marsé. – Barcelona : Debolsillo, 2009. – 192 p.
4. **Martín Gaite C.** El cuarto de atrás / Martín Gaite C. – Madrid : Siruela, 2012. – 194 p.
5. **Mendoza E.** El misterio de la cripta embrujada / E. Mendoza. – Barcelona : Seix Barral, 2006. – 208 p.
6. **Merino J. M.** La orilla oscura / J. M. Merino. – Madrid : Cátedra, 2011. – 376 p.
7. **Muñoz Molina A.** Nada del otro mundo / A. Muñoz Molina. – Barcelona : Seix Barral, 2011. – 320 p.
8. **Navarro J.** La casa del padre / J. Navarro. – Barcelona : Anagrama, 1994. – 107p.
9. **Regás R.** La Canción De Dorotea / R. Regás. – Barcelona : Planeta, 2010. – 304 p.
10. **Rodera A.** El enigma de los vencidos / A. Rodera. – Barcelona : B de Bolsillo, 2012. – 376 p.

11. Trapiello A. El buque fantasma / A. Trapiello. – Barcelona : Destino, 2003. – 222 p.
12. Zafón C. R. La sombra del viento / C. R. Zafón. – Barcelona : Planeta, 2013. – 576 p.

Надійшла до редколегії 18.02.14

УДК 811.161.1'373.23

А. В. Ходоренко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПЫ И ТИПОЛОГИЯ НОМИНАЦИЙ ГРУПП ЛИЦ

В общем виде рассмотрены проблемы типологического описания номинаций групп лиц (НГЛ). Приведены различные примеры наименований групп лиц, занимающихся коммерческой, политической, творческой деятельностью, которые иллюстрируют типы и типологию НГЛ. Сделаны некоторые выводы о перспективах исследований НГЛ.

Ключевые слова: денотат, сигнификат, номинация, типология.

Ходоренко Г. В., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

ТИПИ І ТИПОЛОГІЯ НОМІНАЦІЙ ГРУП ОСІБ

У загальному вигляді розглянуто проблеми типологічного опису найменувань груп осіб (НГО). Наведено ряд прикладів найменувань груп осіб, зайнятих комерційною, політичною, творчою діяльністю, що ілюструють типи та типологію НГО. Зроблені деякі висновки щодо перспектив досліджень НГО.

Ключові слова: денотат, сигніфікат, номінація, типологія.

Khodorenko Anna, Oles Honchar Dnepropetrovsk National University. *TYPES AND TYPOLOGY OF PEOPLE GROUPS NAMES*

The article deals with the description of general types and typology of people groups names (PGN). Main types and their traits are supposed to be discussed in the article. Different examples of the names of various people groups (commercial, political, creative activities) are suggested to illustrate PGN types.

The problem considered in the article has to do with the development of typological description of nominations of people groups. Language material consists of a diverse group of people, creative, professional groups, the Internet groups, organizations, political parties etc.

Theoretical basis of the present study is based on domestic and foreign works considering linguo-stylistic, pragmatic, semantic, lexical and other aspects of linguistic units. Novelty of the research lies in attempts to disclose problems of nominative processes having not been investigated yet as well as its relevance is resulted from the need of additional research in the field of anthroponimics and the lack of a comprehensive description of names of groups of people, as well as the necessity of typology of PGN to be given. The aims and objectives are to consider main types and typology of PGN.

Key words: denotat, significat, nomination, typology.

В данной статье ставится вопрос типологического описания номинаций групп лиц (далее НГЛ). Материалом исследования являются наименования разнообразных групп людей, творческих, профессиональных коллективов, интернетовских групп, организаций, партий, номинации групп КВН *Славянские пистоны*, *Веселые ребята*, *Психиндустрия*, *Синдикат*, номинации творческих коллективов *Арабески*, *Раздолье*, *Импульс*, *Бриг*, номинации рок-групп *Я и друг мой Грузовик*, *Значки вопроса*, *Игра слов*, *Ежевика Ежи* и *Петруччо*, *Аврора*, *А-студия*, *Торнадо*, *Декабрь*, *Дельфин*, *Дельта*, *Шаги командора*, *Шиншиллы*, *Шмели*, номинации

коммерческих организаций *Блиц-информ*, *Билайн*, *Нинель*, номинации политических организаций *Удар*, *Свобода*, *Яблоко* и др.)

Теоретической базой настоящего исследования послужили отечественные и зарубежные работы, рассматривающие лингвостилистические, прагматические, семантико-лексические и другие аспекты функционирования языковых единиц [1–8]. Актуальность и новизна исследования обуславливаются неразработанностью проблемы, необходимостью дополнительных исследований в области антропониимики, отсутствием комплексного описания наименований *групп* людей, а также отсутствием типологии НГЛ. В цели и задачи исследования входит охарактеризовать основные типы и типологию НГЛ.

Известно, что в языкознании понятия «тип» и «типология» употребляются в различных значениях. Термин «тип», или «языковой тип», используется для обозначения «совокупности обобщенных особенностей групп языков в целом» [3, с. 9], а термин «типология» – для обозначения «сравнительного изучения структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними» [Там же, с. 512].

Под термином «тип» мы, вслед за В. Г. Гаком, понимаем «модель (образец), которому соответствует определенная группа различных явлений», а под термином «типология» – «выявление и упорядочение различных типов существования объекта» [Там же, с. 230].

«Типология как метод познания, применяемый в разных науках, стремится познать внутреннюю организацию или упорядоченность множества объектов» (цит. по [6, с. 12]). Типологическая классификация представляет собой не чистую таксономию, но «лингвистическое построение, обладающее определенной объяснительной силой» [6].

Наиболее важными из перечисленных принципов, на наш взгляд, являются: 1) принцип системности объекта (сопоставлению подвергаются только системы объектов как целостные образования и сами объекты как члены системы); 2) принцип комплексности (установление отношений систем должно быть многоаспектным, комплексным, то есть проведенным на разных уровнях – лексическом, семантическом, грамматическом); 3) принцип сопоставительной системности (определение системы сходств и различий на всех исследуемых уровнях); 4) принцип классификационности (системность сходств и различий должна быть показана их классификацией); 5) принцип параметризации (выбор параметров, положенных в основу сравнения, в каждом конкретном случае зависит от задач и материала исследования); 6) принцип совмещения качественных и количественных методик (виды соотношений изучаемых параметров систем объектов должны быть подвергнуты не только качественному, сугубо лингвистическому, но и количественному анализу) [6, с. 19–20]. Принцип системности гласит, что сопоставлению могут подвергаться только системы объектов как целостные образования и отдельные объекты как члены данных систем (цит. по: [6]). Любое слово как основная единица языка, так же как НГЛ, в частности, в парадигматическом плане связано разнообразными отношениями с другими словами. А. А. Уфимцева выделяет следующие три разновидности таких парадигматических отношений: 1) включения; 2) пересечения; 3) равенства–неравенства. При этом отмечается также, что отношения включения наблюдаются в гиперо-гипонимических и родовидовых группировках слов, таких как лексико-семантические группы, парадигмы и т. д.; отношения пересечения имеют место при морфологической и семантической деривации слов и их значений; а отношения равенства–неравенства, в свою очередь,

обуславлювают объединение лексических единиц в синонимические, антонимические группировки и лексико-грамматические разряды слов (цит. по: [6]).

Номинативные группы предметно-понятийной соотнесенности номинаций групп лиц формируются в связях и зависимостях отношений в ряду «денотат – сигнификат».

Ядро лексического значения каждой НГЛ как единицы языка составляют два взаимосвязанных компонента: денотативное и сигнификативное значение. Денотативное значение НГЛ обуславливает способность соотноситься в речевом акте с соответствующим объектом действительности, то есть с группой лиц определенного рода деятельности. Сигнификативный компонент значения связан с формированием понятия об этом объекте действительности, отвлеченного от самого этого объекта, что определяет возможность НГЛ не только называть какой-либо предмет или явление, но и обозначать целый класс соответствующих предметов или явлений.

НГЛ демонстрирует разнообразие семантических разновидностей сигнификативного значения номинации людей по роду их деятельности, представленного в материале исследования типами языковых единиц, образованных посредством семантической деривации, а именно метафорическими и метонимическими номинациями групп лиц. Примерами последних являются следующие наименования: ООО *Зевс*, АО *Атлет*, ансамбль *Афродита*; детский ансамбль *Аритмия*, КВН *Уральские пельмени*.

Помимо денотата и сигнификата, составляющих ядро лексического значения, в его состав также входит коннотат, такой компонент значения, который представляет собой совокупность стилистических и эмоционально-экспрессивных дополнений к основному значению слова.

Таким образом, в отличие от знаков первичного означивания, для номинативных единиц, получивших вторичное означивание в языке и речи, первостепенной является не номинативная, а коммуникативная функция и коммуникативное значение знака.

В современной лингвистике в работах таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева, разработана теория типов коммуникативного значения. В основе этой теории лежит положение о том, что «семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении», а также то, что «определяющими для лексики являются наиболее противопоставленные друг другу функции указания на предмет сообщения и выражения сообщаемого» (цит. по: [6]). Таким образом выделены два функциональных типа значения слова: идентифицирующее и предикатное в соответствии с функциями идентификации и предикации. Свойством монофункциональности, то есть способностью выполнять в высказывании только одну из этих функций: либо идентифицирующую, либо предикатную, обладают собственные и дейктические имена, а также нереферентные слова – глаголы и прилагательные [2, с. 329]. Собственные и дейктические имена обладают только денотативным значением, поэтому их назначение – назвать какой-либо предмет действительности, «позволить адресату речи выбрать нужную вещь из поля его восприятия» [Там же, с. 327]. НГЛ является полифункциональным знаком в отличие от остальных имен собственных. Примеры НГЛ *Играй*, *гармонь*, НГЛ *Гуляй Душа* демонстрируют предикативное значение наряду с идентифицирующим значением, поскольку называют и выделяют (то есть идентифицируют) коллектив, группу лиц из других объединений.

Значение предикатов носит сигнификативный характер и может иногда содержать в качестве дополнительных характеристик субъективные, оценочные и модальные компоненты. Характер значения предикатных лексических единиц обуславливает их назначение, заключающееся в том, чтобы «дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение», то есть чтобы «обозначить или обозвать» [2, с. 344].

В отличие от монофункциональных слов, нарицательные существительные обладают полной семантической структурой, складывающейся из определенного конкретного содержания (денотата) и некоторого понятия (сигнификата), что позволяет таким именам занимать в высказывании и позицию субъекта, и позицию предиката, не только называть, но и обозначать.

В зависимости от характера значения и функциональных особенностей в лексике выделяются семиологические классы слов, не совпадающие по своему объему и содержанию ни с лексико-грамматическими классами слов, ни с лексико-семантическими разрядами слов, ни с другими, чисто лексическими, группировками слов [8, с. 98]: 1) характеризующие (имена нарицательные: НГЛ *Русь*); 2) индивидуализирующие (имена собственные: НГЛ *Тимур*); 3) квантитативные (имена числительные: НГЛ «*Театральное отделение лица искусства № 133*»); 4) дейктические (местоимения НГЛ: *Я+Ты*) [Там же, с. 119].

Нарицательные имена существительные, входящие в состав НГЛ, могут называть предметы, действия и признаки, то есть выделяются: 1) категория «предмет», под которую подпадает естественно все, что имеет субстанциональное бытие, в том числе и человек; и 2) категория «признак», которая имплицитно подразумевает понятие свойства, качества, отношения, состояния и т. п.» [Там же, с. 102–103]. Предметным значением НГЛ всегда является группа лиц (предмет обозначения), сигнификативным значением НГЛ является «имплицитное» значение НГЛ. Например, сигнификативным значением НГЛ *Бригантина* могут быть свойства и признаки «бригантины». Лексическое значение слова «бригантина» определено как «двухмачтовое парусное судно со смешанным парусным вооружением прямыми парусами на передней мачте (фок-мачта) и с косыми на задней (грот-мачта)». НГЛ *Бригантина* имплицитно подразумевает свойства и понятие лексемы.

Среди нарицательных имен большой «удельный вес» имеют «предметные» и «признаковые» имена. НГЛ демонстрирует отношения «пересечения» «предметных» и «признаковых» имен, называя группу людей и отражая признак, с ней связанный. Своеобразие данных семантических разновидностей нарицательных существительных также определяется особенностями строения их семантических структур, точнее, соотношением денотативного и сигнификативного (иначе – предметного и понятийного) содержания в рамках конкретного нарицательного имени.

Таким образом, типом НГЛ является модель (образец), которому соответствует определенная группа различных явлений, а именно такой класс номинативных знаков с группой лиц по денотату, который объединяет разнообразие семантических разновидностей сигнификативного значения номинации. Типология НГЛ выявляет и упорядочивает различные типы существования объекта номинации, которые на данном этапе исследования сводятся к характеризующим, индивидуализирующим, квантитативным, дейктическим типам НГЛ.

Библиографические ссылки

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Издат. центр «Академия», 1974. – 445 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 367 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 408 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов – М. : Наука, 1987. – 356 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 2002. – 519 с.
6. Рындина Н. В. Типология номинаций лица в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Специальность: 10.02.04] / Н. В. Рындина. – М. : МГУ, 2002. – 25 с.
7. Суперанская А. В. О русских именах / А. В. Суперанская. – Л. : ЛГУ, 1991. – 236 с.
8. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 108–140.

Надійшла до редколегії 10.01.14

УДК 811.133.1'42

М. Ю. Шевченко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ТЕОРИЯ ЖАНРОВ У ЗАСТОСУВАННІ ДО ФРАНЦУЗЬКОГО ДИСКУРСУ МАС-МЕДІА

Розглянуто проблему жанрового поділу французького дискурсу преси, а також дискусійний аспект сучасної теорії жанрів, які послужили передумовою для появи численних критеріїв жанрової класифікації медіадискурсу. Досліджено основні наукові підходи до жанрової класифікації дискурсу преси. Встановлено, що, незважаючи на обраний критерій поділу, загальна базова роль у різних класифікаціях належить концепції інформаційного жанру. Зроблено спробу створення цілісного уявлення про жанрове різноманіття французького дискурсу преси.

Ключові слова: лінгвогеністика, мовленнєвий жанр, дискурс мас-медіа, жанрова класифікація, критерій поділу.

Шевченко М. Ю., Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **ТЕОРИЯ ЖАНРОВ В ПРИМЕНЕНИИ К ФРАНЦУЗСКОМУ ДИСКУРСУ МАСС-МЕДИА**

Проанализирована проблема жанрового деления французского дискурса прессы, а также дискуссионные аспекты современной теории жанров, которые послужили предпосылкой к появлению многочисленных критериев жанровой классификации медиадискурса. Рассмотрены основные научные подходы к жанровой классификации дискурса прессы. Установлено, что, несмотря на выбранный критерий деления, общую базовую роль в разных классификациях играет концепция информационного жанра. Предпринята попытка создания целостного представления о жанровом разнообразии французского дискурса прессы.

Ключевые слова: лингвогенистика, речевой жанр, дискурс масс-медиа, жанровая классификация, критерий деления.

Shevchenko M., Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. *GENRE THEORY IN APPLICATION TO THE FRENCH MASS-MEDIA DISCOURSE*

The article dwells on the problem of genre division of the French press discourse as well as on the debatable aspects of the modern genre theory which have served as a precondition for the appearance of numerous criteria of the media discourse genre classification. Research topicality is conditioned by the necessity of systematization of basic division criteria for the editorial media discourse genres. There are a lot of theoretical questions that remain unsettled in the linguistic genology. It causes the appearance of the wide range of different discourse genre classifications, notably in the French press discourse. Main scientific approaches to the genre classification of the media discourse were examined, on basis of which was made an attempt to single out the basic media discourse genre. All examined classifications have the common feature which testifies that despite of the chosen division criterion the leading role in the mass-media belongs to the conception of the information genre or news genre of journalism. It can be considered as essential because the objective informing of mass auditory about important events, facts is an essential journalism function. Scientific novelty consists in the fact that was made an attempt to create an integral idea of French press genre diversity. Research perspective is seen in the examination of cognitive and constructive aspects of French press genres, notably of the mechanism charged with the generation of the communicative meanings within its bounds.

Key words: linguistic genology, speech genre, mass-media discourse, genre classification, division criterion.

У даній статті розглядаємо дискусійні аспекти сучасної теорії жанрів, які послужили передумовою до появи численних критеріїв жанрової класифікації медіадискурсу. **Актуальність** дослідження обумовлена необхідністю систематизації базових критеріїв поділу редакційних жанрів медіадискурсу. Об'єктом дослідження є дискурс французької преси, а предметом – системно організовані стійкі типи висловлень у даному типі дискурсу. **Наукова** новизна полягає у спробі створення цілісного уявлення про жанрове різноманіття французького дискурсу преси.

Мовленнєві жанри досліджуються вченими в різних напрямках лінгвістики, таких як теорія мовленнєвих актів, соціально-психологічний напрям, з позицій когнітології, герменевтики. Вивчення питання жанру завжди викликало багато дискусій, тому що, незважаючи на велику кількість досліджень, присвячених теорії жанрів, до сьогодні відкритими залишається чимала кількість питань. Зокрема, питання визначення мовленнєвого жанру, виділення його характерних рис, співвідношення первинних і вторинних жанрів постійно цікавлять науковців.

Біля теоретичних джерел лінгвогенетики, або лінгвістичної генології, що вивчає мовленнєві жанри як інваріантні одиниці системної організації мовлення, стоїть російський літературознавець М. М. Бахтін, який одним із перших почав розробляти й обґрунтовувати теорію мовленнєвих жанрів. Він стверджував, що оскільки мовлення набуває певних жанрових форм, то в кожній мовній сфері є свої відносно стійкі тематичні, композиційні й стилістичні типи висловлень, які він назвав мовленнєвими жанрами [1, с. 250]. Російський вчений критично намітив шляхи, за якими повинні, на його думку, відбутися значні зрушення в дослідженні цього лінгвістичного явища. Адже на той момент лінгвістична наука ще не була готова прийняти теорію жанрів як одну зі своїх складників через недостатню розробленість понятійного апарату і методів дослідження цієї галузі. Розглядаючи поняття мовленнєвого жанру, М. М. Бахтін підкреслював роль соціуму, тобто зв'язок мовних явищ із впливом соціального середовища, у якому постійно перебуває людина, і яке визначає й контролює мовленнєві реакції людини. Деякі лінгвісти розуміють жанр як тип соціальної діяльності, який обслуговує різноманітні типи дискурсів. Саме соціальний аспект визначення жанрів здається значущим і

В. В. Дементьєву та К. Ф. Сєдову, які розуміють під мовленнєвими жанрами вербальне оформлення типових ситуацій соціальної взаємодії. Український лінгвіст Ф. С. Бацевич [2] також вважає жанри категоріями взаємодії, спілкування. Тож оскільки важко ігнорувати соціальний аспект функціонування жанру, лінгвістичне розуміння цього поняття має бути доповнене його тлумаченням з позицій соціолінгвістики.

У соціолінгвістиці жанр тісно пов'язаний з поняттям мовленнєвої події і розглядається як форма мовлення, яка є частиною тієї чи іншої події. Т. В. Тарасенко вважає за доцільне говорити про сценарність мовленнєвих жанрів, оскільки вони є соціальними знаками співрозмовників і відтворюють «сценарій», який формує соціальні ролі мовця й слухача [14]. К. Ф. Сєдов розглядає мовленнєві акти як мікрообряди, що являють собою вербальне оформлення взаємодії партнерів комунікації [7]. С. Ю. Данилов вважає жанр мовленнєвою одиницею, яка втілює інтенціональний стан, що пов'язує адресанта й адресата, і будується за тематичними, стилістичними й композиційними канонами, закріпленими в культурі [3, с. 218]. Різноманітні тлумачення поняття жанру свідчать про постійну еволюцію його концепції в дослідженнях вчених та можливість його аспектизації під різними кутами зору.

У напрямі визначення критеріїв виділення жанру лінгвістичні розвідки ще досі тривають. Наприклад, О. А. Земська такими вважає характер і вид комунікації, мету, кількість учасників і ряд характеристик адресата. На думку М. М. Бахтіна, структура жанру визначається відправником і отримувачем, стосунками між ними, функціями тексту, темою, предметом мовлення, кодом [1]. З погляду Т. В. Шмельової, у мовленнєвій свідомості людей вже існує певна схема мовленнєвого жанру, їй лише потрібно надати наукового визначення і перетворити на модель мовленнєвого жанру [9]. З цією метою лінгвіст виділила конститутивні жанротвірні ознаки, до яких увійшли комунікативна мета, образи автора й адресата, образи минулого і майбутнього епізодів спілкування, тип диктумного змісту і мовне втілення мовленнєвого жанру. На базі цих ознак Т. В. Шмельова виділила інформативний, імперативний, оціночний і етикетний типи мовленнєвих жанрів.

Різні погляди мають лінгвісти і щодо обсягу поняття жанру. У своїй генологічній концепції М. М. Бахтін розрізняв поняття первинних (простих) і вторинних (складних) жанрів [1]. Первинні розвиваються в умовах безпосереднього побутового спілкування, а вторинні жанри похідні від них, вони з'являються переважно в умовах письмового спілкування. Первинні жанри – це складники вторинних, які вибирають і переробляють їх, вони можуть стати елементами більш об'ємних літературних жанрів, як-от роману, драми. Однак у цих міркуваннях М. М. Бахтіна сучасні лінгвісти знаходять сліди ототожнення простих жанрів і мовленнєвих актів, а також складних жанрів і текстом. Ця проблема стала вихідною точкою численних досліджень у даному напрямку лінгвістичної генології. Більшість дослідників погоджуються, що поняття мовленнєвого акту наближене до поняття простого жанру, але, незважаючи на це, поняття жанру, безперечно, більш широке, воно може навіть охоплювати кілька об'єднаних актів і поєднувати в собі кілька ілокутивних сил. Мовленнєвий акт – це дія або висловлювання як процес, тоді як мовленнєвий жанр – це тип тексту або висловлювання як продукт [9], що ще виразніше підкреслює неможливість повного ототожнення даних понять. Що стосується співвідношення жанру з текстом як одиницею текстового рівня, то О. О. Селіванова пропонує розглядати текстему як проекцію інваріанта комунікативної ситуації на інваріант тексту як одного зі складників цієї ситуації.

Деякі вчені запропонували власні диференціації жанрів, а також власну термінологію. Наприклад, М. Ю. Федосюк розрізняє елементарні й комплексні жанри, перші є типами тексту, в яких немає компонента, що міг би належити до певного жанру, а другі можуть містити тексти певних жанрів. Т. В. Шмельова протиставляє одноактні жанри багатоактним, а К. Ф. Седов оперує поняттями гіпержанру, жанру і субжанру.

Таким чином, численні аспекти обумовили дискусійність базового поняття лінгвогенристики. Це послужило причиною появи багатьох жанрових класифікацій у різних сферах мовлення, зокрема і в дискурсі засобів масової комунікації.

Питання системи жанрів, які складають текстовий простір масової комунікації ХХІ сторіччя, актуальне у сучасній теорії журналістики, а також у лінгвістиці, в рамках якої нещодавно виділилася нова гуманітарна дисципліна - медіалінгвістика, яка займається вивченням медіамовлення або функціонування мови у сфері масової комунікації. Адже і журналісти, і мовознавці займаються дослідженням цієї проблеми, щоправда, виходячи з різних критеріїв і наукових парадигм. Розглянемо підходи обох наук до сучасної жанрової класифікації текстів письмової преси.

Жанрову систему ЗМІ пострадянського періоду в термінах теорії жанрів журналістики досліджували такі відомі вчені, як О. О. Тертичний, Л. Є. Кройчик, О. Р. Самарцев, Г. В. Лазутіна, С. С. Распопова, М. М. Кім та ін. У межах теорії журналістики традиційно виділяли три великі групи газетних жанрів: інформаційні (хроніка, замітка, інтерв'ю, репортаж), аналітичні (кореспонденція, стаття, рецензія, коментар, журналістське розслідування) й художньо-публіцистичні (памфлет, фейлетон, нарис). Однак не всі дослідники нині дотримуються цієї класифікації, деякі принципово від неї відмовляються, вважаючи неприйнятним ділення на мікрогрупи, виходячи з критерію превалювання певного підходу – інформаційного, аналітичного чи образного. На думку Л. Є. Кройчика [6], жанрова структура ЗМІ поступово зазнавала змін і тепер реально являє собою п'ять груп газетних текстів: оперативно-новинна (замітки усіх видів), оперативно-дослідницька (інтерв'ю, репортаж, звіт), дослідницько-новинна (кореспонденція, коментар, рецензія), дослідницька (стаття, лист, огляд) і дослідницько-образна (нарис, есе, фейлетон, памфлет). Але за такого підходу багатьом дослідникам видається невинновиправданим поділ традиційних журналістських видів разом із модифікованими типами газетних жанрів без стійких ознак. Проте все ж неможливо заперечувати, що традиційна система журналістських жанрів знаходиться у стадії реорганізації, у межах якої зникають одні текстові моделі, з'являються інші, комбінуються між собою, що свідчить про тенденцію до контамінації, змішування жанрів.

Розмежування жанрів медіадискурсу в лінгвістиці також лишається нечітким. За словами Ж.-М. Адама, коли постає питання конкретного визначення жанрової належності того чи іншого газетного матеріалу, дослідники стикаються з неможливістю здійснити це через різноманітність критеріїв та непевність визначень. І все ж явище дифузії жанрів і різноманітність підходів не зупиняє вчених у спробах дати власну класифікацію жанрів медіадискурсу.

Х. де Брукер [10] виділяє два редакційні макрожанри: інформаційний та жанр коментарю. При цьому він керується трьома розробленими ним критеріями: семантичним, аргументативно-прагматичним та енонсіативним. Семантичний критерій під час розподілення жанрів враховує об'єкт дискурсу, який, у розумінні вченого, варіюється від факту в інформаційній категорії текстів до ідеї в категорії коментарю. Прагматичний критерій функціонує залежно від типу інтенції дискур-

су – інформативна інтенція властива дискурсу, якщо він відповідає на питання *хто? що? де? коли?*; пояснювальна інтенція має на меті з'ясування *як? чому?* Третій, енонсіативний критерій залежить від позиції журналіста по відношенню до його дискурсу: це може бути стратегія дистанціювання в текстах інформаційного жанру або безпосередня імплікація журналіста в дискурсивному та ідейному просторі статті. Однак А. Монтан [13], також відносячи одні журналістські тексти до інформаційного жанру, а інші – до жанру коментарю, виражає сумнів з приводу можливості їх чіткого розділення.

Деякі французькі дослідники мови ЗМІ [12] вважають, що існують три жанри, в яких журналіст просто надає певної форми інформації з прес-агентства, як-от: комюніке, депеша інформагентства, прес-конференція, десять великих жанрів, серед яких інтерв'ю, передова стаття, критика, судова хроніка, і три великі розповідні форми – хроніка подій, репортаж, нарис.

У межах теорії медіалінгвістики на основі вчення академіка В. В. Виноградова про стилі мови й мовлення Т. Г. Добросклонська виділяє в корпусі сучасного медіамовлення чотири функціонально-жанрові типи текстів, які мають стійкі ознаки на рівнях формату, змісту та мови: новини, інформаційна аналітика, публіцистика й реклама. Новини перш за все реалізують інформативну функцію масової комунікації, медіааналітика поєднує функцію повідомлення зі зростаючим компонентом впливу за рахунок вираження оцінки, публіцистика посилює дію впливу в естетичному плані, а реклама поєднує функцію впливу засобами мови й медіатехнологій. Структуроформуючими для медіамовлення безперечно є тексти новин, які лінгвіст вважає базовими текстами масової інформації [4, с. 43].

За Л. Р. Дускаєвою [5], однією з жанроформуючих ознак у медіадискурсі є діалогічність. Це проявляється в тому, що жанрова форма – відповідь на інформаційні запити й інтереси аудиторії, які впливають на авторський замисел журналіста. На думку науковця, гіпотеза адресата значуща і в контексті розгляду жанрів газетного мовлення. Виходячи з цих положень, лінгвіст пропонує тричленну класифікацію жанрів газетної публіцистики. Таким чином, система газетних жанрів представлена такими трьома великими групами: інформуючі жанри, оціночні й спонукальні. Оціночні жанри поділяються на дві групи: перша об'єднує жанри, які оцінюють статистику, що спостерігається в суспільстві, і жанри, які оцінюють динаміку того, що відбувається; друга група являє собою один жанр – жанр оцінки чужих думок. Спонукальні жанри розрізняються залежно від того, яку саме реакцію хочуть викликати в адресата. Група інформуючих жанрів спрямована на відображення дійсності і ділиться на мовленнєві моделі, з огляду на напрям інформування, тобто на емпіричний об'єкт дискурсу – подію, стан дійсності або учасників дії.

Таким чином, оскільки багато теоретичних питань залишаються досі невирішеними в лінгвістичній генології, це зумовлює появу різноманіття жанрових класифікацій у будь-яких сферах мовлення, включаючи масову комунікацію. Різні наукові підходи та думки з приводу визначення мовленнєвого жанру, його виокремлення, організації, виділення характерних рис не дають змоги уніфікувати критерії для розробки універсальної лінгвістичної жанрової класифікації дискурсу преси. Але розглянуті класифікації поєднані між собою тим, що базову роль у всіх них відіграє концепція інформаційного жанру, який можна вважати головним, адже об'єктивне інформування масової аудиторії про соціально значущі події, випадки, факти є основною функцією журналістики.

Перспектива дослідження вбачається у вивченні когнітивно-конструктивного аспекту жанрів французької преси, а саме механізму породження комунікативних смислів у його межах.

Бібліографічні посилання

1. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. **Бацевич Ф. С.** Лінгвістична генологія : Проблеми і перспективи / Ф. С. Бацевич. – Л. : ПАІС, 2005. – 264 с.
3. **Данилов С. Ю.** О канонах внутрижанровой интеракции (на материале речевого жанра проработки) / С. Ю. Данилов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во Гос УНЦ Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 214–226.
4. **Добросклонская Т. Г.** Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 264 с.
5. **Дускаева Л. Р.** Диалогическая природа газетных жанров : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 «Журналистика» / Л. Р. Дускаева; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 42 с.
6. **Кройчик Л. Е.** Система журналистских текстов / Л. Е. Крайчик // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб., 2000. – С. 125–168.
7. **Седов К. Ф.** Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.
8. **Труфанова И. В.** О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Филол. науки. – 2001. – № 3. – С. 56.
9. **Шмелева Т. В.** Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во Гос УНЦ Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–99.
10. **Broucker de J.** Pratique de l'information et écritures journalistiques / J. de Broucker. – P. : Victoires Eds, 1995. – 248 p.
11. **Chaika E.** Language: the Social Mirror / E. Chaika. – Cambridge : Newbury, 1989. – 274 p.
12. **Ecrire au quotidien. Pratiques du journalisme** / Antoine F. [et al.]. – Louvain-la-Neuve : EVO-Communication, 1995.
13. **Montant H.** Commentaires et humeurs / H. Montant. – P. : CFPJ, 1994. – 86 p.
14. **Тарасенко Т. В.** Речевой жанр как социальный знак [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://arctogaia.krasu.ru/mentality/m3/tarassenko.shtm>.

Надійшла до редколегії 12.02.14

УДК 808.3+808.2:801

Ю. А. Шепель

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И ПРИЕМАХ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОБЛЕМЫ СИММЕТРИИ / АСИММЕТРИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ КАК ЧАСТИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Рассмотрен вопрос подхода к современному языкознанию как части общей теории систем. За основу взят принцип системности, симметрии и асимметрии. Дан обзор современных взглядов на строение, функционирование и развитие языкознания в кругу сложных системных объектов природы, подчеркнута важность системных подходов к исследованиям в области изучения языка, его структуры и функционирования.

Ключевые слова: система, симметрия, асимметрия, теория систем, язык, гармония, иерархическая структура.

Шепель Ю. О., Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ДО ПИТАННЯ ПРО МЕТОДИ І ПРИЙОМИ ЩОДО ПРОБЛЕМИ СИМЕТРІЇ / АСИМЕТРІЇ В СУЧАСНОМУ МОВОЗНАВСТВІ ЯК ЧАСТИНИ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ

Розглянуто питання підходу до сучасного мовознавства як частини загальної теорії систем. За основу взято принцип системності, симетрії й асиметрії. Подано огляд сучасних суджень щодо будови, функціонування та розвитку мовознавства в колі складних системних об'єктів природи; підкреслено важливість системних підходів до досліджень у галузі вивчення мови, її структури та функціонування.

Ключові слова: система, симетрія, асиметрія, теорія систем, мова, гармонія, ієрархічна структура.

Shepel Yu. A., Oles' Gonchar Dnipropetrovsk National University. **TO THE QUESTION ABOUT THE METHODS AND TECHNIQUES REGARDING THE PROBLEM SYMMETRY / ASYMMETRY IN MODERN LINGUISTICS AS PART OF GENERAL SYSTEMS THEORY**

The article raises the question of approach to modern linguistics as part of general systems theory. Adopted principle systematic, symmetry and asymmetry. A review of modern views on the structure, functioning and development of linguistics in the circle of the complex nature of the system objects, emphasizes the importance of systematic approaches to research in the study of language, its structure and functioning. Systematic approach is known to be one of the newly emerging methodologies by which to firmly substantiate the structural organization of any object, to solve problems of different sciences, but its value lies in the fact that this methodology proved to be universal for analyzing problems of the humanities, which formalization of previously seemed impossible. Namely formalization is a prerequisite for the progress of science. Being interdisciplinary in nature, modern systematic studies are themselves complex hierarchical structure, which include both extremely abstract, purely theoretical, philosophical and methodological components, and numerous practical applications.

Key words: system, symmetry, asymmetry, systems theory, language, harmony, the hierarchical structure.

В наши дни достаточно трудно определить ту область знаний, где не находили бы применение и отражение идеи, методы и приемы изучения о симметрии / асимметрии. Толчком в развитии этого направления послужила потребность развития в начале XX столетия физики, биологии, кристаллографии и других наук о природе.

В настоящей статье мы поставили перед собой довольно скромную *цель* – проанализировать вопрос подхода к современному языкознанию как части общей теории систем, дать обзор современных взглядов на строение, функционирование и развитие языкознания в кругу сложных системных объектов природы. *Объектом* рассмотрения является общая теория систем; *предметом* анализа – вопрос симметрии и асимметрии в языковой системе.

Существование различных вариантов общей теории систем (ОТС), разрабатываемых в настоящее время в науке, показывает, что эта теория пока недостаточно обобщена. Она нуждается в дальнейшем изучении и требует значительных усилий исследователей из разных областей науки, чтобы интегрировать жизнеспособные варианты в единую ОТС. Как отмечает В. А. Копчик, «необходимо достичь большего единства ОТС с теориями конкретных систем, всемерно развивая системный подход в конкретных науках и обобщая ОТС за счет обобщения конкретных данных» [2, с. 227].

Ю. А. Урманцев в качестве аксиоматических предпосылок ОТС называет пять условий: а) существование; б) множество объектов; в) единое; г) единство; д) достаточность (см.: [2, с. 204; 6]).

В ОТС, отмечает Ю. А. Урманцев, симметрия выступает как свойство системы «С» совпадать с самой собой по признакам «П» после изменения «И». Необходимым дополнением категории симметрии является соответствующая ей асимметрия или промежуточная категория – диссимметрия, «обозначающая сохранение (несохранение) признаков «П» системы «С» относительно части изменений множества /И/» [6, с. 194].

К настоящему времени исследования дифференцировались на пять основных направления / уровня:

- системный подход, имеющий общенаучный статус и выполняющий специально-методологическую функцию;
- общенаучные теории систем (ОТС), которые выполняют не только специально-методологическую, но и теоретическую функции;
- региональные теории систем (РТС), которым, кроме специально-методологической, свойственны и теоретические функции;
- уровень системного анализа;
- философский уровень, благодаря которому вскрывается диалектическая природа системного анализа и обосновываются его требования с позиции диалектики.

В лингвистике достаточно широко представлены все из этих направлений, но наибольшее распространение получил четвертый уровень – уровень системного анализа. Он представляет собой единый системный метод, включающий:

- специально-методологический аппарат (исходные понятия, требования, нормы и положения системного подхода);
- основные теоретические понятия и логико-математический аппарат вариантов ОТС и региональных системных теорий (РСТ);
- специальные приемы и средства системного анализа, связанные с применением концептуального и математического аппарата ОТС и РСТ к решению специальных задач.

При решении специальных задач лингвистика сталкивается с иерархической классификацией структур разных типов, классов и прочих разновидностей. Поэтому указанную группу задач иногда представляют в виде «дерева» (графа) логически подчиненных и соподчиненных понятий более частных групповых структур (см, например: [8]). Таким образом, речь идет об описании более част-

ных общенаучных понятий, как «система», «структура», «сложность», «симметрия» и др.

Общепринятые в лингвистике философские категории (действие / движение, пространство, время, причинность, взаимодействие / соотношение и пр.) отражают не структуры, а типы связей и отношений, которые связывают / входят в разнообразные структуры предметов (объектов действительности).

Системный подход включает такие направления анализа:

- 1) системно-компонентный;
- 2) системно-структурный;
- 3) системно-функциональный;
- 4) системно-интегральный;
- 5) системно-исторический.

Наиболее важным и более существенным является структурно-функциональный принцип и соответствующий ему структурный анализ и синтез, пронизывающие все перечисленные аспекты / виды системного исследования в рамках системного подхода в целом [3–5]. Этот принцип весьма важен для моделирования словообразовательных рядов и гнезд, так как все свойства характеристики объекта-системы можно математически представить как функции, аргументами которых выступают свойства компонентов и структуры, законы и композиции, выраженные с помощью уровней связи / движения, т. е. дифференциальных, интегральных, алгебраических уравнений, графов, матриц, графиков и пр. Границы и условия применения тех или иных графов и пр., выражающих модели структур той или иной системы, одновременно косвенно отражают роль внешних условий, которые при том же составе компонентов системы реализуют вполне определенные структуры их связей, их свойства и функции на выходах системы [8].

Системный подход является, как известно, одной из недавно возникших методологий, посредством которой можно прочно обосновать структурную организацию любого объекта, решать задачи разных наук, но ценность его заключается еще и в том, что эта методология оказалась универсальной для анализа проблем гуманитарных наук, в которых ранее формализация казалась невозможной. А именно формализация является предпосылкой прогресса науки. Будучи междисциплинарными по своей природе, современные системные исследования сами представляют сложную иерархическую структуру, включающую в себя как предельно абстрактные, сугубо теоретические и философско-методологические компоненты, так и многочисленные практические приложения.

Системный подход появился в 60-х годах XX века. Его специфика определилась с того времени, когда было доказано, что совокупность частей не равна целому. Предпринятые исследователями попытки упорядочить принципы системного анализа в конечном счете нашли свое отражение в возникновении ряда вариантов общей теории систем. Наиболее известны теории Л. фон Берталанфи, М. И. Месаровича и Я. Тахакары, В. Сагатовского, В. Садовского, И. Блауберга и Э. Юдина, А. Умова, И. Сараяевой, А. Цофнаса, А. Коздобы, В. Богдановича, А. Рапопорта, Ю. Урманцева, а также ряда других известных философов, в чьих работах отражены определенные аспекты общей теории систем.

Говоря о системном подходе, можно отметить тот факт, что исследователи употребляют самые разные интерпретации для его содержания, а также обозначения, выражения. Это находит отражение в соответствующей терминологии. Так, Р. Акофф пишет о системной революции, охватившей мир науки, образования, инженерии и практики. Э. Юдин – «об общей теории систем» как научной теории особого рода. И. Блауберг и Э. Юдин – о «системном подходе», который характеризует новый стиль и новые методы мышления как научного, так и инженерного;

Л. фон Берталанфи, А. Рапопорт, А. Уемов и др. – об «общей теории систем» как научной теории особого типа, выполняющей методологические функции; В. Садовский – об «общей теории систем», как метатеории; Э. Квейд – о «системном анализе операций»; Б. Юдин – о «системных ориентациях» и т. п.

Система (гр. *systema* – составленная из частей, соединенное) – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность; единство. Система – это объект, функционирование которого обеспечивается (в определенных условиях среды) совокупностью составляющих его элементов, находящихся в целесообразных отношениях друг с другом. Для системы характерно не только наличие связей и отношений между образующими ее элементами (определенная организованность), но и неразрывное единство со средой, во взаимоотношениях с которой система проявляет свою целостность.

Структура – отношения между элементами в системе, необходимые и достаточные для того, чтобы система достигла цели.

Вторая половина XX – начало XXI века ознаменовалась становлением постнеоклассического этапа развития рациональности в науке. Этот этап расширил методологический инструментарий философии за счет развития также синергетического подхода к анализу процессов и явлений природной и социальной действительности. Формирование синергетического подхода предопределено рядом парадигмальных преобразований, связанных с изучением сложных гомоцентрических систем, которые находятся в процессе развития. Поэтому синергетический подход потребовал совместных усилий специалистов многих дисциплин для оформления целостного взгляда на мир. Это обусловлено тем, что современный цивилизационный кризис характеризуется ростом объема информации в режиме с обострением и, как следствие этого, порождает фрагментарность восприятия мира, кризис самоопределения как личности, так и социальных групп, напряженность в межнациональных и межконфессиональных отношениях, отношениях человека и природы, культуры естественнонаучной и культуры гуманитарной. Возникновение новых дисциплин в структуре теоретического знания и нестыковка обоснования их содержания со старой методологией классического и неклассического типа породили своеобразный хаос в классификации наук, в самодостаточности их значимости для решения задач социального прогресса.

Для противостояния хаосу, выработки стратегий поведения в нем необходимы новые привентивные стратегии образования, новый трансдисциплинарный метаязык горизонтальных связей. Целостность знания как приоритет новых образовательных подходов должна разрешить проблему двух культур, восстановить гармонию отношений человека и природы, уменьшить социальную дезадаптацию.

Такой подход сформировался в конце прошлого века (Г. Хакен, И. Пригожин, И.Стингерс) и представлен в современной науке синергетикой – междисциплинарным направлением науки, исследующим механизмы эволюции, становления реальности, самоорганизации и «управления» хаосом. Ее принципы в равной степени присущи как гуманитарному, так и естественнонаучному знанию, особенно «наукам о жизни». Синергетика (или теория самоорганизации) (от гр. *син* – «совместное» и *эргос* – «действие») – междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных и социальных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем (состоящих из подсистем). С одной стороны, она содержит строго научно-математические знания о законах самоорганизации, которые обосновывают геологические, астрофизические, биологические закономерности развития этих сфер бытия мира, но, с другой стороны, эти законы имеют большую составляющую

мировоззренческого и культурологического контекста, что и отражается в концепциях наук, исследующих сферы этих реальностей. Большой поток конкурирующих теорий по проблемам происхождения и развития этих реальностей необходимо привести к общему знаменателю, то есть найти краеугольный принцип становления их бытия. Этот принцип можно объединить только на основе конкретного метода. Вне методологического инструмента (метода, способа, формы, подхода) решить данную проблему нельзя. Этим подходом и явился синергетический. Универсальность его заключалась в том, что он применим для исследования всех процессов природной и социальной действительности.

Внедряя термин *синергетика*, Герман Хакен вложил в него две сущности. «Первая – теория возникновения новых качеств у целого, составленного из взаимодействующих объектов. Вторая – подход, который требует для своей разработки сотрудничества специалистов разных отраслей» [7, с. 404].

Синергетика – это современная теория эволюций больших, наиболее сложных, открытых, термодинамически неравновесных, нелинейных динамических систем, которые имеют обратную связь и существуют квазистационарно лишь в условиях постоянного обмена веществ, энергии и информации с внешней средой.

«Синергетика, будучи наукой о процессах развития и самоорганизации сложных систем самой разной природы, – отмечает В. Г. Буданов, – наследует и развивает междисциплинарные подходы своих предшественников: текстологии А. И. Богданова, теории систем Л. фон Берталанфи, кибернетики Н. Винера. В этих подходах сформировались общие представления о системах и их конфигурировании, о механизмах поддержания целостности или гомеостаза систем, о способах управления системами с саморегуляцией и т. д. В то же время синергетика существенно отличается от своих предшественников тем, что ее язык и методы опираются на достижения нелинейной математики и тех разделов естественных и технических наук, которые изучают процессы эволюции еще более сложных саморазвивающихся систем» [1, с. 7].

Синергетика основана на идеях системности, целостности мира и научного знания о нем. Ее отличительной чертой как нового мировидения стали идеи нелинейности (многовариантности и необратимости), единства и взаимосвязи хаоса и порядка, случайности и необходимости, позволяющие внести в науку новый самоорганизующий образ мира.

В общественно-исторических процессах синергетика передается как новое мировидение, мировосприятие, коренным образом меняющее понимание необходимого (закономерного, детерминированного) случайным в самих основах социального мироустройства. Посредством синергетики совершенно по-новому начинают трактоваться природа и сущность социальных процессов, что характеризует смену парадигм в методологии социального познания, формирование синергетического стиля мышления, что выступает задачей образования.

Ключевыми методологическими принципами синергетики являются нелинейность, самоорганизация и открытость систем. Нелинейность экстраполяции достаточно сложна и неоправданна относительно результата достижения истины. Открытость (незамкнутость) позволяет эволюционировать систему от простого к сложному, разворачивать программу своего развития и в то же время позитивно влиять на элементы, способствующие усилению хаоса в системе.

Неустойчивость содержит в себе два предыдущих принципа. Переход от устойчивого состояния к неустойчивому возможен только в нелинейной системе. Оказывается, что при переходе от одного состояния к другому система становится обязательно открытой в точках неустойчивости. Это свойство всех обучающихся систем, всех ситуаций выбора или генерации ценной информации. Таким образом,

в точке неустойчивости система (даже замкнутая) действительно становится открытой, является чувствительным приемником воздействий других уровней бытия, причащается к универсуму, получает информацию, ранее недоступную ей.

Такие состояния неустойчивости, выбора принято называть точками бифуркаций (буквально – «двузубая вилка», по числу альтернатив, которых может быть и не две). Они неперемненны в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между новым и старым.

Философский принцип единства изменения и сохранения движущейся материи конкретизируется посредством общенаучного понятия симметрии.

Симметрия и асимметрия структур являются универсальным законом как природы в целом, так и нашего их восприятия. В то же время никто не отрицает и факт того, что в жизни восприятие симметрии и асимметрии зачастую обусловлено уровнем развития культуры. Так, если для западной культуры симметрия всегда являлась гармонией и совершенством, то для восточной, наоборот, – асимметрия всегда была совершенством. В истории искусства (архитектура, музыка и пр.) стремление к внутренней гармонии (симметрии) характерно для более ранних периодов, а стремление к дисгармонии (асимметрии) – для более позднего времени.

Симметрия – это статика, уравновешенность системы. Асимметрия, наоборот, – динамика, развитие. Симметрия широко распространена в органической и неорганической природе. Она свойственна строению кристаллов, форме и расположению листьев и ветвей у растений, строению живых организмов и пр. Симметрия присуща различным предметам, создаваемым человеком. Так, в изобразительном искусстве и архитектуре симметрия является одной из форм гармонической композиции художественного произведения. Если отвлечься от восприятия этих противоположностей различными культурами, то можно утверждать, что в органической и неорганической природе как то, так и другое сосуществует в диалектическом единстве.

Мы исходим из положения о том, что «любая симметрия есть симметрия-система (объект-система) и любая симметрия-система принадлежит хотя бы одной системе объектов одного и того же рода» (см.: [6, с. 191–192]). Симметрию можно рассматривать как одну из реализаций абстрактной системы. Эта категория дополняется оппозитивной ей категорией «асимметрии». Вместе они образуют оппозитивную гармоническую пару «симметрия – асимметрия».

Асимметрию рассматривают как частный, предельный и наиболее распространенный случай нарушенной симметрии / диссимметрии, когда нарушение симметрии доводится не до полного отсутствия симметрии из-за инвариантности системы по признакам относительно операции отождествления, сохранения объекта-системы как такового. Отсюда следует, что абсолютно несимметричных объектов не существует.

Согласно Ю. А. Урманцеву, диссимметрия рассматривается как системная категория, обозначающая сохранение / несохранение признаков системы относительно части изменений множества. Поэтому относительно другой совокупности изменений данное нарушение симметрии может снова обернуться ненарушенной симметрией. В науке об ОТС диссимметрию чаще всего характеризуют как отклонение от симметрии (например, спонтанные нарушения в квантовой теории поля, дисгармония между природой и обществом, извечная проблема «отцов и детей» и пр.).

Система языка, как и система вообще, представлена как единство противоположностей: симметричная относительно одних и асимметричная относительно других признаков и изменений / преобразований, что вполне подчинено законам симметрии и асимметрии систем. Например, в словообразовании, о котором речь

пойдет ниже, достаточно распространена симметрия — все уникальные гнёзда симметричны относительно друг друга и относительно моделирующей их грамматической структуры. Ю. А. Урманцев отмечает: «Фундаментальное значение имеет тот факт, что требования, предъявляемые определениями симметрии и диссимметрии, и условия их реализации столь общи, что им отвечают все формы движения, существования, изменения, сохранения, развития, действия и все формы отношения материи — словом, вся реальность — материальная и идеальная, объективная и субъективная. Это подтверждают наиболее фундаментальные достижения общечеловеческой культуры, в первую очередь науки и искусства» [6, с. 194].

Учение об асимметрии аналогично учению о симметрии и развивается в науке за счёт расширения состава исследуемых объектов, признаков, изменений. Если вопрос изучения симметрии и гармонии уходит своими корнями в далекое прошлое, проблема изучения асимметрии относительно молода, так как само понятие асимметрии впервые было сформулировано в середине XIX века Л. Пастером и затем изучалось П. Кюри, А. В. Шубниковым и другими учёными. В науке изучение этих явлений тесно связано с вопросом об абсолютности / относительности. С позиции теории классической симметрии асимметрия посредством теории дисфакторов представляется как однократно антисимметричное. В искусстве это может быть проиллюстрировано на примере импрессионизма. В природе, как доказали исследователи естественных наук, универсальность проявления симметрии выражается предельной общностью понятий, включённых в определение симметрии. Так, у материи — это движение, изменение, преобразование; в математике — множество; в языке — признаки и т.д. Объединение понятий множества и преобразования в одну систему порождает конструкцию-группу (в языке — категорию / разряд). Группа является отражением единства изменения и сохранения, преобразования и инварианта.

Таким образом, можно сказать, что изучение языка как сложного объекта непременно требует похода к нему как к объекту-системе в системе общих объектов такого же рода с последующим выявлением в них признаков системности, обусловленных системной парадигмой.

Библиографические ссылки

1. **Буданов В. Г.** Методология и синергетика в постнеклассической науке и в образовании / В. Г. Буданов. — М. : Лиبراком, 2009. — 240 с.
2. **Копчик В. А.** Принцип причинности, системный поход и симметрия / В. А. Копчик // Система. Симметрия. Гармония. — М., 1978. — С. 200–227.
3. **Тюхтин В. С.** О подходах к построению общей теории систем / В. С. Тюхтин // Системный анализ и научное знание. — М., 1978. — С. 42–60.
4. **Тюхтин В. С.** Актуальные вопросы разработки общей теории систем / В. С. Тюхтин // Система. Симметрия. Гармония. — М., 1978. — С. 10–38.
5. **Уемов А. И.** Общая теория систем для гуманитариев / А. И. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас; под общ. ред. А. И. Уемова. — Варшава : Widarknictwo Universitas Rediviva, 2002. — 276 с.
6. **Урманцев Ю. А.** Симметрия и асимметрия как категории ОТС: их природа и соотношение / Ю. А. Урманцев // Система. Симметрия. Гармония. — М. : Мысль, 1978. — С. 191–199.
7. **Хакен Г.** Синергетика / Г. Хакен; [пер. с англ. В. И. Емельянов]. — М. : Мир, 1980. — 404 с.
8. **Шаумян С. К.** Структурная лингвистика / С. К. Шаумян. — М. : Наука, 1965. — 396 с.

Надійшла до редколегії 20.03.14

РЕЦЕНЗІЯ НА НАВЧАЛЬНИЙ ПОСІБНИК «ЛАТИНСЬКА МОВА»

(Горлова О. В. Латинська мова : навч. посіб. для студ. гуманіт. спец. вищ. навч. закл. / О. В. Горлова, В. М. Вдовенко, Г. Ф. Санжарова. – Горлівка, 2012. – 347 с.)

*HAURIT AQUAM CRIBRO,
QUI DISCERE VULT SINE LIBRO
(Тот, хто хочет учитися без книги,
черпає воду решетою)*

Рецензований навчальний посібник повною мірою реалізує концепцію посібника латинської мови для студентів гуманітарних спеціальностей вищих навчальних закладів.

Структура посібника чітка: він складається з 27 лекцій. Кожна лекція починається крилатим латинським висловом, який слугує своєрідним епіграфом до неї.

Основний курс обіймає матеріал з фонетики, морфології, синтаксису латинської мови, навчальні тексти та вправи, направлені на розвиток, закріплення та поглиблення набутих теоретичних знань студентами.

Для встановлення зв'язку між латинською й іноземними мовами, які вивчаються, в кожній лекції подається лексичний мінімум, що складається зі слів і крилатих висловів. Лексика подана дуже продумано, і її кількісний склад постійно зростає. Певна кількість слів призначена для засвоєння студентами в контексті крилатих висловів. Повторюваність латинських слів у крилатих висловах, рекомендованих авторами посібника для вивчення напам'ять, сприяє їх засвоєнню. Така можливість, як на мій погляд, сприяє закріпленню студентами як латинського кореня слова, так і похідного від нього.

У комплексі поетапна робота з граматичним і лексичним матеріалом сприяє послідовності та поступовості переходу до опанування граматичних і лексичних структур, необхідних для читання й розуміння оригінальних текстів.

У посібнику визначено зміст і обсяг обов'язкових для засвоєння теоретичних відомостей, окреслено логіку й послідовність їх засвоєння студентами відповідно до вимог навчальної програми. Належний науковий рівень викладу теоретичного матеріалу вдало поєднується з його доступністю.

У виданні застосовано функціональний підхід до вивчення мовних явищ. Вони подаються у їх функціонуванні у зв'язному висловлюванні – тексті, у зв'язку і взаємодії з усіма елементами мовної системи. Таке групування різнорівневих мовних явищ забезпечує студентам можливість простежити функціональні зв'язки між мовними одиницями різних рівнів, збагнути їх взаємозалежність, взаємодію. Саме в такий спосіб автори посібника намагаються підвести студентів до розуміння та сприймання певних граматичних закономірностей або самостійного формулювання правил.

Позитивною стороною посібника можна вважати таке.

1. Автори значну увагу приділили активізації засвоєння студентами граматичного матеріалу, який відбивається в роботі зі словником. У низці класичних підручників словник до тексту відсутній взагалі і під час перекладу треба звертатися до словника в кінці підручника. У рецензованому посібнику автори умістили

словник після кожної вправи та тексту відповідно до алфавітного порядку, що суттєво полегшує роботу студентів з перекладу.

2. Методика викладання латинської мови побудована з урахуванням активних методів та прийомів викладання сучасних іноземних мов. Зокрема: а) автори широко практикують переклад з рідної мови на латинську, що сприятиме активному засвоєнню студентами латинських граматичних конструкцій; б) запропонована низка вправ для розвитку логічного мислення, за допомогою яких відбувається більш ефективно засвоєння матеріалу, як-от: *Визначте рід іменника, якщо відома словникова форма прикметника: amica rara; amicus rarus; verbum rarum; poeta rarus; avis.*

Дозволимо собі висловити кілька рекомендацій, які, на мою думку, могли б поліпшити зміст посібника.

1. Усі теоретичні відомості варто було подати у вигляді зведених таблиць (часи системи інфекта та системи перфекта, латинські інфінітиви, відміни іменників тощо).

2. Збільшити кількість завдань для самоконтролю.

3. Застосувати диференційований підхід до навчання студентів з різним рівнем попередньої фахової підготовки, що реалізується через варіанти виконання різнорівневих вправ, тестів.

Рецензований посібник повністю відповідає програмі та сучасним вимогам до посібників нового покоління. Вважаю, що він був би у пригоді не тільки студентам і працівникам Горлівського інституту іноземних мов, але й інших вишів України.

Ю. О. Шепель

академік АН вищої освіти України,

доктор філологічних наук,

професор кафедри перекладу

та лінгвістичної підготовки іноземців

Дніпропетровського національного університету

імені Олеся Гончара

ЗМІСТ

Андріанова Н. С. Концептуальна діада «свій – чужий» як жанроутворювальний параметр чату	3
Белозор О. С. Семантическая структура прилагательного <i>чистый</i> по данным толковых словарей XX ст.	7
Билан Н. И. Понятия «пространство» и «время» как классификаторы языковых единиц	16
Воропай С. В. Індивідуально-авторські інновації як засіб експресивізації медіатексту (словотвірно-комунікативний аспект)	21
Гончаренко Е. П. «Заповіт» Т. Г. Шевченка у перекладах Е. Л. Войнич та Джона Віра	28
Гречухина И. Д. Иноязычные элементы в составе древнеанглийской поэтической лексики	33
Гурко О. В. Категорія ствердження як одна з модусних категорій (теоретичний аспект)	38
Клочко Е. А. Лексико-семантическая группа слов, объединённых понятием «ученик» в английском языке	44
Козлова О. Е. «Мгновенные твиты, бесконечные чаты...» (особенности освоения английской интернет-лексики русским языком)	48
Конопелькина Е. А. Ономаσιологический потенциал суффиксального способа образования отыменных наименований лиц по роду профессиональной деятельности (на материале лексики экономико-правовой сферы русского языка)	54
Корольова В. В. Статус заголовка в мовному просторі сучасної драми	59
Короткова С. В. Структурные типы наречий в специальном тексте....	66
Красильщик Г. К. Загальноосвітнє значення вивчення іноземної мови	75
Ляпичева Е. Л. Концептуальная семантика зоонимов в поэзии Б. Гребенщикова	81
Манякина Т. И. Некоторые заметки о переводах поэзии А. С. Пушкина на немецкий язык	88
Миронова Т. Ю. В поисках подхода к семантике цитат в англоязычном авторском тексте	93
Нашиванько О. В. Модель терминосистемы медицинской косметологии в русском языке	103

Палькевич О. С. Сучасні аспекти вивчення пуризму як засобу нормалізації мови	109
Панченко В. А. К вопросу о понятиях «экспрессия» и «экспрессивность».....	118
Плахтий А. А. Ассоциативный эксперимент в применении к изучению концепта «Англия»	122
Пономарева Л. Ф. Семантические ограничения в образовании девербативных производных со значением субъекта действия	127
Пристайко Т. С. Функциональная номинативная конструкция как основа выделения номинативных единиц специального дискурса	133
Пугачева А. В. Семантическое поле как метод научного исследования художественных текстов	140
Рижкіна А. О. Концептуальний аналіз репрезентації концепту «сім'я» в китайській, англійській та українській мовах.....	148
Столярская Е. В. Рекламный дискурс и рекламный медиатекст в системе функциональных стилей русского языка.....	153
Сутуліна Л. Г. Розгортання сфери-джерела метафоричної моделі <i>реальне – ірреальне</i> в іспанських романах кінця ХХ – початку ХХІ століття	159
Ходоренко А. В. Типы и типология номинаций групп лиц	165
Шевченко М. Ю. Теорія жанрів у застосуванні до французького дискурсу мас-медіа	169
Шепель Ю. А. К вопросу о методах и приемах относительно проблемы симметрии / асимметрии в современном языкознании как части общей теории систем	175
Шепель Ю. О. Рецензія на навчальний посібник «Латинська мова» (Горлівка, 2012)	182

CONTENTS

Andrianova N. S. Conceptual dyad «one – stranger» as genre creative chat option	3
Belozor O. S. Semantic structure of the adjective <i>clean</i> according to dictionaries of the XX century.	7
Bilan N. I. The notions of «space» and «time» as language units classifiers	16
Voropai S. V. Author's individual innovations as a means of expressiveness of a mediatext (derivative and communicative aspect)	21
Goncharenko E. P. Taras Shevchenko's «Testament» in the translations by E. L. Voynich and John Weir.....	28
Grechukhina I. D. Foreign elements in old english poetic diction.....	33
Hurko O. V. The category of affirmation as one of the category of modus (theoretical aspects)	38
Klochko E. A. Lexico-semantic words denoting the notion «pupil» in the english language	44
Kozlova O. Ye. «Instant tvits, endless chats...» (the peculiarities of mastering the English internet vocabulary by the Russian language)	48
Konopelkina E. A. Onomasiological potential of the suffixal way of formation of denominative nominations of persons according to their professional activities (on the basis of lexis of the economic and legal sphere of the modern Russian language).....	54
Koroliova V. V. The status of title in the world of modern drama	59
Korotkova S. V. The structural types of adverbs in special text.....	66
Krasylyshchuk A. K. General educational value of learning a foreign language	75
Lyapicheva Ye. L. Conceptual semantics of zoonyms in B. Grebenshchikov's poetry	81
Manyakina T. I. Some notes about german translations of Pushkin's poetry	88
Myronova T. Y. The semantics of citations within the context of an english text: in search of an approach	93
Nashivanko O. V. The terminological system model of medical cosmetology in the russian language	103
Pal'kevich O. S. Modern aspects of the research of purism as means of language normalization.....	109
Panchenko V. A. The issue of expression and expressivity.....	118

Plakhtiy A. A. Associative experiment applied to the study of concept ENGLAND	122
Ponomaryova L. F. Semantic restrictions in forming deverbative derivatives with the meaning of the subject of the action	127
Prystaiko T. S. Functional nominative construction as the basis of detachment of special discourse nominative units	133
Pugacheva A. V. Semantic field as a method of scientific research of art texts	140
Ryzhkina A. O. Conceptual analysis of representation of the concept of «family» in the chinese, english and ukrainian languages	148
Stolyarskaya Ye. V. Advertising discourse and advertising media text in the system of functional styles of the russian language	153
Sutulina L. G. The development of the source domain of the metaphoric model <i>real – unreal</i> in the 20th and 21st century spanish novels	159
Khodorenko A. V. Types and typology of people groups names	165
Shevchenko M. Y. Genre theory in application to the french mass-media discourse	169
Shepel Yu. A. To the question about the methods and techniques regarding the problem symmetry / asymmetry in modern linguistics as part of general systems theory	175
Shepel Yu. A. Review of the text-book «Latin» (Gorlovka, 2012)	182

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Вип. 20 (2)

Українською, російською, англійською мовами

*Свідоцтво про державну реєстрацію
друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 7898 від 17.09.2003 р.*

Редактор А. А. Гриженко
Коректор Л. В. Дмитренко
Оригінал-макет В. В. Спіріна

Підписано до друку 27.05.14. Формат 70х1081/16. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 16,18. Обл.-вид. арк. 15,16. Ум. фарбовідб. 16,18.
Тираж 100 пр. Зам. № .4849.

Віддруковано в ТОВ «РоялПринт»
пр. Кірова, 97-К, м. Дніпропетровськ, 49054
тел. (056) 794-61-04(05)
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК № 4121 від 27.07.2011